

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

аналитические исследования

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

Шеф-редактор: М.С. Ашимбаев,
Директор Института

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480100, Алматы,
проспект Достык 87-б, Казахстанский
институт стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04 Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство № 644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2001

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашимбаев М.С.
Абдыгалиев Б.Б.
Ертысбаев Е.К.
Косиченко А.Г.
Музапарова Л.М.
Нурмухамедов Б.Ж.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.

РЫЛЫМ ЗАЛ
НАУЧНЫМ ЗАЛ

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№ 1 (2001)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «КАЗАХСТАН В ХХІ ВЕКЕ: ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ» (КИСИ – Партия «Отан», 20 февраля 2001 года)

<i>Терещенко С.А.</i> Роль общественных институтов в реализации Послания Президента страны народу Казахстана «К свободному, эффективному и безопасному обществу».....	3
<i>Ашимбаев М.С.</i> К вопросу об основных моделях политического транзита	6
<i>Телебаев Г.Т.</i> Социально-политическая безопасность страны: тенденции и прогнозы.....	13
<i>Бисембаев С.А.</i> Космический комплекс «Байконур»: состояние и проблемы	19
<i>Цеховой А.Ф.</i> Развитие горно-металлургического комплекса как составляющая индустриальной стратегии Казахстана.....	26
<i>Султанов Б.К.</i> Внешняя политика Казахстана и проблемы безопасности в Центральной Азии	29
<i>Сатпаев Д.А.</i> Внутренние и внешние факторы политического экстремизма в Центральной Азии.....	32
<i>Машан М.С.</i> Расширение выборности и совершенствование выборного законодательства	39
<i>Макашев Е.С.</i> Представительная демократия в условиях современного Казахстана.....	44

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Матаев Г.М.</i> К вопросу о поляризации населения в Казахстане	49
<i>Баймагамбетов С.З.</i> Социально-культурная сфера как важный фактор национальной безопасности страны	52

ГЕОПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Сыроежкин К.Л.</i> Сындызьян вчера и сегодня. К 45-й годовщине образования Сындызьян-Уйгурского автономного района КНР (продолжение).....	56
<i>Лаумулин М.Т.</i> ЕС как новая геополитическая сила: проблемы европейской и международной безопасности	63
<i>Тасмагамбетова Д.Т.</i> Глобализм и развитие организаций системы ООН в начале ХХІ столетия	70
<i>Нурпеисов Д.К.</i> Отдельные вопросы обеспечения ядерной безопасности и радиационной защиты	74

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

<i>Дьяченко С.А.</i> К вопросу о методологии исследования политической системы трансформирующегося общества	80
<i>Амирова А.А.</i> Концепция маргинальности: методологические подходы и теоретические интерпретации	90
<i>Жусупова А.Д.</i> История и теория социального партнерства и корпоратизма	97
<i>Саилов Е.Б.</i> Понятие и основные формы политических и электоральных технологий	100

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ерекешева Л.Г.</i> Рецензия на статью Кэрл Р.Сайвитц «Каспийская политика В.В.Путина»	107
Институту экономических исследований Министерства экономики и торговли РК - 40 лет.....	108

SUMMARY	109
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	114
---------------------------	-----

KAZAKHSTAN-SPECTRUM

Issue #1 (2001)

THE CONTENT OF THE ISSUE

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE

«KAZAKHSTAN IN THE XXI CENTURY: PRIORITIES OF DEVELOPMENT»
(KISS - «Otan» party, 20th of February, 2001)

<i>Tereschenko A.C.</i> The role of public institutions in the realisation of the President's message to people of Kazakhstan «Towards free, effective and secure society»	3
<i>Ashimbayev M.S.</i> To the Question of the Main Models of the Political Transit	6
<i>Telebayev G.T.</i> Social and political security of state: trends and prognosis	13
<i>Bisembayev S.A.</i> Space complex «Bayconur»: present situations and problems	19
<i>Tsekhovoy A.F.</i> Development of mining and metallurgical complex as a part of the industrial strategy of Kazakhstan	26
<i>Sultanov B.K.</i> The Foreign Policy of Kazakhstan and the Security Problems in the Central Asia	29
<i>Satpayev D.A.</i> Internal and external factors of political extremism in Central Asia	32
<i>Mashan M.S.</i> Electivity broadening and improvement of electoral legislation	39
<i>Makashev E.S.</i> Representative democracy in modern conditions of Kazakhstan	44

INTERNAL POLITICS

<i>Matayev G.M.</i> About some aspects of polarization of society in Kazakhstan	49
<i>Baymagambetov C.Z.</i> Socio-cultural sphere as an important factor of the country's national security	52

GEOPOLITICS. INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Syroezhkin K.L.</i> Xinjiang Yesterday and Today. By the 45 th Anniversary of the Creation of Xinjiang-Uighur Autonomous Region of the People's Republic of China	56
<i>Laumulin M.T.</i> European Union as a New Geopolitical Power: the Problems of European and International Security	63
<i>Tasmagambetova D.T.</i> The challenges of globalization and international development at the beginning of the XXI century	70
<i>Nurpelssov D.K.</i> The international cooperation and the issues of the nuclear safety supply and the radiation protection	74

THEORETICAL WORKINGS

<i>Dyachenko S.A.</i> To the Question of the Methodological Study of the Political System of a Transforming Society	80
<i>Amirova A.A.</i> The concept of marginality: methodological approaches and theoretical interpretations	90
<i>Zhusupova A.D.</i> The History and Theory of Social Partnership and Corporatism	97
<i>Sairov E.B.</i> Concept and major forms of electoral technologies	100

BOOK-REVIEW

<i>Yerekeshova L.G.</i> Dr. Carol R. Saivetz. Putin's Caspian Policy	107
To Institute of economical studies of the Ministry of economics and trade of the Republic of Kazakhstan - 40 years	108

SUMMARY

	109
--	-----

CONTRIBUTORS

«КАЗАХСТАН В XXI ВЕКЕ: ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ» (КИСИ – Партия «Отан», 20 февраля 2001 года)

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В РЕАЛИЗАЦИИ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА СТРАНЫ НАРОДУ КАЗАХСТАНА «К СВОБОДНОМУ, ЭФФЕКТИВНОМУ И БЕЗОПАСНОМУ ОБЩЕСТВУ»

Терещенко С.А.

Сейчас, когда партии перестали быть государственной структурой, они могут способствовать реализации государственных решений и актов лишь своими сугубо специфическими, точнее, политическими методами оказывая в своей деятельности поддержку политического курса. В этой связи на первый план выступает задача пропаганды посланий Президента страны, разъяснение их содержания в широких массах. Указывая на этот аспект, мы исходим из ряда принципиальных положений.

Мы считаем, что пропаганда на государственном уровне не вполне удовлетворительна, мы имеем в виду соответствующие ведомства, призванные заниматься этим, и в первую очередь Министерство культуры, информации и общественного согласия. Наставляя на необходимости широкой, а бы сказал, масштабной пропаганды, мы должны остановиться на том, как, на наш взгляд, должна проводиться эта работа.

Необходимым условием верного понимания роли политической партии в пропаганде государственных документов является переосмысление роли партий в политической системе, содержания их смысла понятия «идеология», форм и методов проведения идеологической работы в новых условиях.

В отличие от КПСС, монопольно правившей в советской политической системе, партии в новых условиях стали более или менее полно соответствовать своему назначению. Они занимают промежуточное место между обществом и властью и этим определяется их роль в обществе. Они могут поддерживать официальную политику государства, находиться в оппозиции к власти и, на-

конец, поддерживать её в одних вопросах и оппонировать в других. Этим обуславливается их отношение к общегосударственным документам: программам, проектам, законодательным актам и т.д.

Партия «Отан» оказывает всемерную поддержку политическому курсу Президента и стремится определить свои подходы в реализации долговременных целей, изложенных в стратегии «Казахстан – 2030». При этом мы исходим из того, что понятие государственная идеология нуждается в пересмотре. Необходимо отказаться не от самого понятия, а от его узкоклассового толкования. Иными словами, государственная идеология должна выражать интересы если не всего, то большинства общества, быть выразителем общенациональной воли. В таком понимании государственная идеология есть совокупность принципов деятельности государства, с которыми согласно общество. Это, разумеется, прежде всего, общечеловеческие, духовно-нравственные принципы.

Наши подходы находят отражение в публикациях на страницах периодической печати, брошюрах и книгах, выступлениях по радио и телевидению.

В идеологической работе важное место занимают разъяснение и пропаганда выступлений Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева, его ежегодных посланий народу и Парламенту страны. В настоящее время организована широкая пропаганда Послания Президента «К свободному, эффективному и безопасному обществу», с которым он выступил 24 октября 2000 года. С этой целью проведены занятия в системе учебы партийного актива.

Придавая принципиально важное значение разработке теоретических основ партии, важной чертой которой является ее социал-демократическая направленность, Научно-консультационный совет проанализировал ряд ключевых проблем реализации стратегических целей. Результаты работы были обобщены в проекте политической доктрины, на основе которой разработана новая редакция программы партии.

В доктрине сделан важный вывод о том, что партия «Отан» способна оказывать влияние на процесс демократических преобразований в стране и стать эффективным дополнительным рычагом претворения в жизнь стратегии «Казахстан – 2030».

В программе четко и однозначно отмечается твердая приверженность партии демократическим принципам, ценностям и идеалам, стремление внести свой вклад в достижение стратегических целей и предлагаться свое видение форм и способов решения этих важнейших задач. Демократизация общества рассматривается как властный императив, веление времени. Ее необходимость мотивирована не только ценностно-этическими соображениями, хотя в первую очередь именно ими, но и рационально-прагматическими. Другими словами, демократия рассматривается как единственный рациональный тип организации общества, адекватный объективным тенденциям современного политического процесса.

В настоящее время готовится серия конференций в рамках партийной учебы: по проблемам формирования многополярной демократии, по местному самоуправлению и др. Составлен план их проведения, включенный в общий план мероприятий, посвященный десятилетию независимости Казахстана. Планируется издание материалов некоторых из них.

Разработка теоретических и политических проблем концептуального плана, которая осуществляется идеологическим отделом и членами Научно-консультационного совета, нашла отражение в многочисленных публикациях, важнейшими среди которых являются: «Социал-демократия: история, теория, практика» на русском и казахском языках; «Материалы по подготовке предвыборной платформы партии», информационные бюллетени. В настоящее время подготовлены к печати четыре монографии и очередной номер информационного бюллетеня. Эти публикации отличает новизна в подходах и ос-

мысливании фундаментальных проблем политического развития Казахстана, теоретические прорывы в понимании специфики транзитного общества, переосмысление концепций социализма и капитализма в свете основных тенденций мирового политического процесса. Именно это позволило подняться до создания политической доктрины и на ее основе разработать новую редакцию программы партии. Самое же важное состоит в том, что благодаря теоретической работе нам удается достаточно успешно отслеживать происходящие процессы, предвидеть тенденции и ход развития на основе теоретических конструкций опережающего характера.

Политические объединения, в том числе наша партия, могут и должны внести свой вклад в реализацию стратегических целей и идей. В этом плане важное значение имеет не только пропаганда Послания Президента Парламенту и народу, но и выдвижение инициатив, способствующих решению назревших общественных проблем, как в сфере взаимодействия конструктивных политических сил общества, так и в сфере законодательской деятельности и активного участия в государственных мероприятиях на различных уровнях.

Важную роль в реализации Послания Президента страны партия отводит конструктивному взаимодействию с теми общественными объединениями, которые ставят своей целью развитие различных сфер жизнедеятельности государства, нуждающихся в гражданской инициативе и требующих контроля за соблюдением интересов народа. Так, партия поддержала инициативу Центрально-Азиатского Горнопромышленного Союза, проводившего научно-общественный аудит состояния горнодобывающей промышленности Казахстана, приняла участие в мероприятиях в Инженерной Академии по проблемам глобализации, сотрудничает с Международной Академией Информатизации в части компьютеризации сельских школ и др.

В этом плане работа, которая проводится Центральным аппаратом, региональными филиалами, заслуживает внимания. Особо хочется отметить такие инициативы, как возрождение некоторых традиций, к примеру: формирование Молодежных трудовых отрядов, аналога ССО в рыночных условиях, института общественной помощи правоохранительным органам, т.н. отрядов дружинников и т.д. Идеи хорошие, но требуют тщательной проработки во всех отношениях: социальном, экономическом, правовом и т.д.

В плане развития молодежного движения выдвинута конструктивная идея проведения международного конгресса-фестиваля под девизом «Молодежь континентов по Шелковому пути – к миру», ведется широкая подготовительная работа по организации и проведению этого мероприятия, которое будет, несомненно, иметь важное значение для дальнейшего укрепления сотрудничества с другими странами, созданию единого молодежного пространства и повышению авторитета и престижа нашей страны на международной арене. Так что трудно переоценить значение этой и подобных акций. Затраты на их проведение незначительны и даже мизерны, эффект же достаточно велик, ибо решаются задачи активизации молодежной политики партии как важного направления сотрудничества в системе институтов и структур гражданского общества.

Важное значение для эффективной пропаганды государственной идеологии имеет совершенствование и обновление методов и форм работы. Не отказываясь от традиционных форм, оправданных опытом, следует, на наш взгляд, шире применять такие методы, как деловые игры (и очень жаль, что эти ранее запланированные игры не были включены в программу настоящего «круглого стола»), дебаты, участие в популярных телевизионных программах.

Состязательность, конкуренция, сопоставление мнений – это атрибут демократического общества, во многом определяющий специфику идеологической работы. Важно, чтобы дебаты не превращались в перебранку оппонентов, а работали на пользу всего общества. Лучшим результатом является состояние, когда в выигрыше все.

Центральным аппаратом, его идеологическим отделом накоплен определенный опыт по пропаганде и разъяснению теоретических основ деятельности партии. С этой целью проводились многочисленные «круглые столы», конференции, семинары как в период подготовки к парламентским выборам, так и после выборов.

Важное значение имели проведенные в Алматы и регионах конференции по социал-демократии, на которых выступали члены Научно-консультационного совета, а также серия «круглых столов» и семинаров по проблемам экстремизма и международного терроризма. Следует выделить «круглые столы» по данным проблемам, проведенные в июне 2000 года в Астане под эгидой парламента и

с приглашением представителей международных организаций и посольств зарубежных стран в Казахстане.

По инициативе партии были организованы и проведены также «круглые столы» о месте и роли ислама, православия и других конфессий в формировании национального единства.

Активисты партии «Отан» проводят работу в регионах Республики Казахстан по выявлению степени влияния ряда тоталитарных сект и деструктивных культов на воспитание молодежи и детей. Эта проблема давно уже вышла за рамки научных дискуссий и представляет реальную угрозу для безопасности нашей страны. Для правильной оценки уровня этой опасности проводятся социологические опросы, делается оперативный анализ ситуации, готовятся конкретные рекомендации и монографии на эту тему. Цель этой работы – ограничить рамками закона деятельность нетрадиционных деструктивных религиозных деноминаций и групп, явно злоупотребляющих лояльностью властных структур и возможностями нашей демократии в своих узкоэгоистических интересах. Научно-консультативный совет партии работает над новым вариантом соответствующего закона о религиозных образованиях. Встает вопрос о необходимости подготовки квалифицированных специалистов по истории и теории религии, способных грамотно проводить религиозную экспертизу и правильно сформировать мировоззренческую позицию у населения Казахстана, в первую очередь у молодежи.

Работники отдела идеологической работы и члены Научно-консультационного совета принимали участие в работе «круглых столов» на «31» телевизионном канале по темам: «Экстремизм», «Проблемы самоуправления» и др., а также в теледебатах на канале «Хабар». Зам. Председателя партии Казкенов К.М. и зав. отделом идеологической работы Балгимбаев А.С. участвовали в качестве экспертов в дискуссиях «31» телевизионного канала, посвященных Дню Республики и отношению к Парламенту.

Важным направлением в реализации этой нашей темы является, несомненно, инициирование идей, направленных на совершенствование государственной системы, избирательного процесса, выборного законодательства. Разработка и выдвижение законодательных актов, конечно, не являются прерогативой политических партий, однако наша партия, к примеру, как ряд других, может принимать активное участие в законодательском

процессе через свою фракцию в Парламенте, а также в ходе обсуждения тех или иных предложений законодательного характера в средствах массовой информации, в полемике с различными политическими силами, если наши позиции не совпадают. Мы принимали активное участие в обсуждении таких законов, как Закон «О земле», «Налоговый кодекс», «О местном государственном управлении и самоуправлении».

Наша партия инициировала в Парламенте принятие таких законов, как закон об отзыве депутатов, о необходимости формирования избирательных комиссий маслихатами с целью устранения вмешательства исполнительной власти в избирательный процесс. Совместно с группой «Енбек» фракция нашей партии выступила с заявлением, поддержанным Мажилисом Парламента, о повышении оплаты труда работников бюджетных организаций и компенсации средств в связи с отменой районных коэффициентов.

Важно подчеркнуть, что по всем этим проблемам у нашей партии есть свое концептуальное видение. Выдвигая свои предложения, мы учитываем мировой опыт и нашу специфику.

Третий раздел Послания посвящен вопросам национальной и региональной безопасности. В своей работе Центральный аппарат, его региональные филиалы уделяют этой проблеме большое внимание. По специальной программе, разработанной идеологическим отделом, осуществляется большая работа, проведено свыше 100 научно-практических конференций и «круглых столов».

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА*

Ашимбаев М.С.

Противоречивость перехода от тоталитаризма к демократии состоит в том, что построение демократического государства является не столько возрождением потерянного, а совершенно новым явлением в истории Казахстана.

* Заявленная статья для участия в Международной конференции «Казахстан в XXI веке: приоритеты развития»

Подготовлена к печати монография «Терроризм» объемом десять печатных листов, ее издание планируется в ближайшее время.

В своем Послании Президент справедливо указывает, что политическая реформа отстает от экономической. Мы считаем, что партия может и должна внести свой вклад в теоретическое обоснование идеи совершенствования политической системы.

В духовно-нравственной сфере можно однозначно констатировать ростки нового: начался процесс формирования новой политической культуры, изменения парадигмы мышления. Мы считаем своим долгом способствовать закреплению и развитию этого процесса. Свидетельством изменений в этой сфере является начавшееся преодоление иждивенческих настроений в обществе и фетишизации власти в целом.

Мы справедливо говорим о необходимости формирования политического человека, который самостоятельно и свободно определяет свое отношение к политике и государству. Такой человек, очевидно, должен прежде всего знать основной закон государства, т.е. Конституцию, уважать символы государства: гимн, герб, флаг. Он должен хорошо знать политический курс государства, который получает полное и четкое отражение в ежегодных посланиях Президента Парламенту и народу и других его выступлениях.

Центральное место в идеологической работе должна, на наш взгляд, занять идея Казахстанского патриотизма и верховенства закона. Это предпосылки создания подлинно демократического правового государства.

Поэтому для того, чтобы найти эффективные механизмы реализации политической реформы, необходимо активно использовать мировой опыт накопленный теми странами, которые уже пережили или, так же как и мы, еще переживают процесс транзита.

Такой подход в реализации политической реформы в Казахстане находится в русле принятых долгосрочных концептуальных документов государства. Так, в Стратегии «Казах-

стан – 2030» подчеркивается, что «... наша модель должна отражать конвергенцию разных моделей общественного развития. Наша модель будет определять наш собственный путь развития, сочетая в себе элементы остальных моделей, но опираясь в основном на наши специфические условия, историю, новую гражданственность и устремления, учитывая конкретность этапов развития» [1].

В конце XX столетия процесс демократизации получил широкое распространение во многих странах и принял глобальный характер. Если в середине 70-х годов к числу демократических стран всего мира так или иначе относилось около 40 стран, то к концу века уже более 100 государств мира имели демократические политические системы.

Необходимо учитывать, что процесс демократизации в большинстве государств Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Восточной Европы и бывшего СССР еще далек от своего завершения. Однако накопленный этими странами опыт трансформации политических систем представляет большую практическую ценность, дает возможность проследить динамику демократических процессов, определить особенности трансформации политических режимов в различных странах.

Для выявления общих закономерностей процессов перехода к демократии различных стран целесообразно провести условную классификацию государств, осуществляющих трансформацию своих политических систем по шести наиболее важным критериям:

- 1) по темпам демократических преобразований;
- 2) по содержанию переходного процесса;
- 3) по формам демократического процесса;
- 4) по детерминантам демократического транзита;
- 5) по масштабам вовлеченности граждан в демократический процесс;
- 6) по наличию в странах институциональных предпосылок процессов демократизации.

По темпам демократических преобразований все страны, осуществляющие и осуществлявшие политические реформы, можно условно разделить на четыре группы:

1. Это страны, в которых процесс перехода к демократии принял форсированные темпы. К этому числу можно отнести большинство стран Восточной Европы (Польша, Чехия, Венгрия) и Балтии. Успех демократических реформ

в этих странах был обусловлен наличием необходимых экономических и социокультурных предпосылок, наличием исторического опыта существования демократических институтов.

К началу 90-х годов в этих государствах удалось заложить основы новых демократических режимов путем проведения свободных выборов, принятия «досоциалистических» конституций, воссоздания институтов парламентской демократии.

В настоящее время в этих странах достаточно определенно стали прослеживаться общие признаки стабилизации новых демократических институтов и отношений. Это выражается в регулярном проведении свободных выборов, чередовании крупнейших партий у правительственного руля, положительном восприятии всеми политическими субъектами демократических принципов функционирования власти.

2. Поэтапные темпы реформирования политической системы избрали Россия и большинство стран СНГ (Армения, Молдова, Украина, Казахстан, Кыргызстан и др.). На этот путь вернулись после падения первых «демократических режимов» Грузия и Азербайджан.

В целом такой выбор темпов реформирования политических систем был предопределен необходимостью решения острых социально-экономических проблем, создания соответствующих условий для развития демократии.

3. В ряде стран наблюдается так называемый переменный темп демократических преобразований, т.е. в них периоды форсированных изменений чередуются остановками, «пробуксовками», откатами назад. В эту группу стран можно отнести ряд государств Латинской Америки, в которых деятельность демократически избранных правительств чередовалась установлением военных и авторитарных режимов.

4. Затяжной темп политических преобразований, обусловленный наличием «просвещенных» авторитарных режимов, избрали некоторые государства бывшего «социалистического лагеря» и азиатские страны (Индонезия времен Сухарто и др.).

Большинство из этих стран обладают слабыми социально-экономическими и политическими предпосылками для демократизации политической системы. Поэтому для быстрого и успешного осуществления рыночных преобразований в этих странах потребовалось установление режима «просвещенного» авторитаризма. В трудных условиях переходного периода

рычаги жесткого государственного управления оказались мобилизующим механизмом и наиболее подходящей формой для последовательного проведения рыночных реформ.

«Просвещенная» авторитарная власть в таких странах, хоть и формально, но вполне позитивно относится к демократическим традициям. Опыт стран «просвещенного» авторитаризма свидетельствует, что жесткая государственная власть в странах с переходной экономикой обладает реформаторскими способностями.

Однако примеры некоторых стран свидетельствуют о том, что существуют пределы такой реформы. Там, где режим «просвещенного» авторитаризма объективно не стремился к построению такой модели общества, в которой, наряду с развитыми рыночными отношениями, все большее развитие начинают получать демократические институты, такой режим неизбежно терял свою реформаторскую суть, что приводило к политическому тупику и кризису всей политической системы. Наглядный пример этому – события в Индонезии в последние годы правления Сухарто.

* * *

По внутреннему содержанию хода политических реформ транзитные страны могут быть объединены в следующие группы:

1. Это страны, которые одновременно осуществляли экономические, политические реформы и создавали свою независимую государственность, т.е. проводили комплексную трансформацию. Это практически все страны СНГ (кроме России), Словакия, страны Восточной Европы, образовавшиеся после распада Югославии (Хорватия, Словения, Македония).

2. Вторая группа стран осуществляла политические и экономические реформы. В их число можно отнести большинство стран Восточной Европы, страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Чили).

3. В третьей группе стран объединены те, в которых в основном менялась только политическая система общества. Это страны Южной Европы (Испания, Португалия, Греция). Процесс политических изменений в этих странах принял достаточно быстрый и наименее болезненный характер. После политических реформ в отдельных странах могли проводиться определенные экономические изменения.

По мнению большинства исследователей, стратегия успешного демократического транзита в этих странах характеризовалась тем, что в них вначале проводилась последовательная политическая демократизация, строились и

закреплялись эффективные демократические институты, а затем создавалось то, что Х. Линц и А. Степан называют «экономическим обществом», т.е. система социальных гарантий и посреднических институтов между государством и рынком, и лишь после этого осуществлялись болезненные экономические преобразования [2].

4. В четвертую группу стран входят ряд государств Восточной и Юго-Восточной Азии (например, Южная Корея, Тайвань, Сингапур и др.), где основной упор делался на проведение исключительно экономических реформ. Эти страны развивались по так называемой «догоняющей модели» модернизации и достигли успешных результатов реформ в экономике без форсированных реформ в политической сфере. К этой группе стран с известной долей обобщения можно отнести и соседний Китай, где, по мнению российского исследователя А.Ю. Мельвиля, экономические реформы не только предшествуют, но фактически заменяют политические [3].

В самом начале переходного периода в этих странах был выбран курс на интенсивное экономическое развитие, которое предшествовало демократизации политической системы. Такая стратегия позволила этим странам избежать общественно-политической дестабилизации, подготовить необходимые социально-экономические предпосылки для постепенного проведения демократических преобразований на последующем этапе.

* * *

По форме перехода к демократии транзитные страны можно условно сгруппировать следующим образом:

1. В ряде стран процесс трансформации политического режима был осуществлен мирным путем. К числу этих стран относятся страны Восточной Европы, в которых произошли так называемые «бархатные революции» – Чехия, Словакия, Польша, Болгария, Венгрия, большинство государств СНГ.

2. В некоторых странах переход к демократическому правлению стал следствием острой внутренней конфронтации и борьбы элит. К числу этих стран можно отнести Россию и Индонезию.

3. Революционная форма перехода к демократии была присуща Румынии, некоторым странам Центральной и Латинской Америки.

* * *

Процесс демократического транзита в различных странах был по-разному детерминирован, т.е. толчком для демократизации по-

служили как внешние или внутренние факторы, так и внешние и внутренние вместе.

1. **Внешние факторы** в проведении демократических преобразований наибольшую роль сыграли в странах Восточной и Центральной Европы. В этих странах демократическая трансформация в большей степени началась под мощным воздействием внешнего фактора – перестройки в бывшем СССР.

Внешние факторы сыграли особую роль в политическом развитии ряда стран Юго-Восточной Азии. На ход политического процесса в этих государствах оказывали существенное влияние так называемые страны-«локомотивы». Экономическое, политическое и военное присутствие США, Великобритании, Японии, Австралии и других западных стран в регионе послужило мощным фактором, катализирующим становление демократических традиций в ряде юго-восточных стран.

2. Показательным примером, когда **внутренние факторы** сыграли решающую роль в процессе демократизации политической системы, является опыт Индонезии и ряда стран Латинской Америки. В этих странах в результате возрастания внутренних антирежимных движений, политической активности граждан произошла ликвидация существующих форм правления. В этих странах был провозглашен курс на демократизацию политической системы.

3. Для демократических преобразований в ряде стран СНГ, прежде всего России, примерно равную роль сыграли **внешние и внутренние факторы**. На демократизацию в этих странах примерно равное влияние оказали целенаправленная политика отдельных стран – с одной стороны, а с другой, – внутренние экономические, политические, социальные, национальные противоречия режима, а также рост антитоталитарных и диссидентских движений внутри государств.

* * *

Процессы демократизации в том или ином обществе различаются также и по масштабам вовлеченности в них тех или иных общественных сил. Условно, по масштабам участия демократические преобразования в различных переходных странах происходят на трех основных уровнях:

1. В переходе к демократической системе могут принимать массовое участие широкие слои населения. В чистом виде такой масштаб демократических преобразований наблюдался в Румынии, некоторых странах Южной Европы, Центральной и Латинской Америки, где состо-

ялся слом прежней тоталитарной системы «снизу», под давлением большой массы населения.

Одним из классических примеров такого сценария политического транзита может служить послевоенная Италия, где переход от тоталитарной системы к демократии начался сразу же после свержения фашистской диктатуры, «снизу» – в ходе народного движения Сопротивления. Идеология Сопротивления ознаменовалась выходом на политическую арену широких социальных слоев, при котором рядовые граждане стали ощущать свою личную ответственность за судьбу страны [4].

2. Переход к демократии может происходить при участии только политической элиты. В ряде стран СНГ политические преобразования были детерминированы политической элитой.

Помимо постсоветских стран, весьма показательным примером довольно успешного проведения политической трансформации по этому сценарию может послужить также Испания конца 70-х годов XX столетия. Главной отличительной особенностью испанского сценария политического транзита является то, что его реализация стала возможной благодаря достигнутому в конце 70-х годов общенациональному согласию. Заслуга в установлении общенационального согласия принадлежала в значительной степени политической элите Испании, представители которой в октябре 1977 года заключили между собой соглашение, вошедшее в историю как «Пакт Монклоа» [5].

3. Демократическая трансформация может происходить под воздействием конкуренции и борьбы нескольких политических группировок. В частности, на протяжении последних нескольких лет в ряде стран СНГ политические преобразования сопровождаются периодическим противостоянием и внутренней конкуренцией различных политических группировок.

* * *

Различные страны, вступившие на путь демократического транзита, имеют разные институциональные предпосылки для этого. По этому критерию страны «новых демократий» можно подразделить на три основные группы:

1. В ряде стран, не имевших до этого опыта установления классических демократических институтов, политические реформы были начаты практически с нуля. К этой группе можно отнести, за исключением России, практически все страны СНГ.

2. В странах, в которых в их историческом прошлом были введены элементы или зачатки демократических институтов, переход к демократии осуществляется под флагом «возврата» к когда-то утраченным демократическим традициям. В эту группу стран можно отнести ряд стран Южной, Восточной и Центральной Европы, а также Балтии.

3. В некоторых странах демократический транзит имеет комплексный характер, т.к. представляет собой процесс возврата к утраченным демократическим традициям, но на уже более высоком цивилизационном уровне. Здесь показательным примером может послужить Россия, в которой происходит возрождение былых демократических институтов в более цивилизованных и модернизированных формах.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие закономерности, которые прослеживаются в ходе трансформации политической системы в большинстве стран «новых» демократий:

Первое. Быстрые темпы политических преобразований характерны для тех стран, в которых процессы демократизации были вызваны комплексом внутренних и внешних причин, массовой потребностью и участием в этих процессах широких слоев населения. При этом наиболее успешно процесс демократизации протекал в тех странах, которые имели институциональные предпосылки, т.е. возвращались к ранее существовавшим демократическим институтам.

Второе. В тех странах, которые одновременно осуществляли экономические и политические преобразования, а также создавали свою национальную государственность, процесс демократизации принял постепенный, поэтапный характер.

Третье. Отсутствие серьезных результатов в политических реформах характерно для тех стран, в которых нет необходимых экономических и социокультурных условий, а процесс демократизации является лишь следствием борьбы за власть отдельных элит и политических группировок.

Четвертое. Как показывает мировой опыт, чисто механический перенос тех методов, которые сыграли решающую роль в демократизации политической системы одной страны, оказывается бесполезным и даже вредным в другой стране, осуществляющей сходные процессы. Поэтому процесс демократизации для большинства стран должен носить индивидуальный характер.

Пятое. История не знает примеров существования демократии в государствах без рынка и частной собственности. Рыночная экономика обеспечивает автономию индивида, предохраняет его от тотального государственного контроля, стимулирует развитие у него таких необходимых для демократии качеств, как стремление к свободе, ответственность, предприимчивость. Это одно из базовых условий демократизации.

Шестое. Важное значение для демократических преобразований имеет геополитическое расположение страны. Нахождение «в зонах традиционных демократий» имеет существенное значение для ускорения политических реформ. В то же время сложное геополитическое положение может сдерживать процессы политической реформы.

Седьмое. Уровень процесса демократизации зависит от таких факторов, как многообразие социального состава населения, наличие в нем не однородной, аморфной массы, а четко оформившихся социальных групп, выражающих чьи-то интересы и обладающих способностью формировать независимые от государства партии и общественные организации. Уровень благосостояния большинства граждан также является определяющим фактором для степени поддержки политических и экономических преобразований. При этом основной заинтересованной группой (социальной базой) и опорой в процессе укрепления демократии является средний класс, который характеризуется более высоким уровнем образования, самосознания, политических суждений и активностью. Высокая степень урбанизации и грамотность населения также ускоряет темп демократического транзита.

Таким образом, в условиях Казахстана мы должны учитывать данные общемировые особенности политического транзита, что даст возможность выстраивать эффективные механизмы реализации политических реформ.

Теперь, с учетом проведенной типологизации политического транзита, попробуем позиционировать Казахстан в данной системе.

По темпам демократических преобразований Казахстан можно причислить к странам, которым характерны поэтапные темпы реформирования политической системы.

В целом, если проанализировать ход политических реформ в Казахстане, можно условно обозначить несколько этапов в данном процессе.

На первом этапе (1990 – 1993 гг.) – называем его условно «период слома» – основные изменения были направлены не столько на создание новой системы, сколько на разрушение существовавшей.

В это время произошел полный демонтаж партийно-советской системы управления, ликвидирована политическая монополия одной партии, введена многопартийность. Существенно расширились права и свободы граждан. На данном этапе в стране произошло становление парламентско-президентской формы правления, при которой за президентом был закреплён статус главы исполнительной власти.

На втором этапе (1993 – 1995 гг.) – «период поиска» – происходил процесс поиска, методом проб и ошибок, модели политической системы Казахстана, учитывающей политические, экономические, социо-культурные, психологические, геополитические, элитные, национальные особенности страны.

Изменения в политической системе общества были закреплены в принятой первой Конституции 1993 года.

В этот период в стране был законодательно закреплён принцип разделения властей. Законодательные, исполнительные и судебные органы были впервые определены как самостоятельные ветви государственной власти. Впервые были проведены альтернативные выборы в Парламент страны, сформированы новые органы представительной власти на местах – маслихаты.

На третьем этапе (1995 – 1998 гг.) – «период кристаллизации», наблюдался процесс создания стержня политической системы страны.

Развитие политической системы Казахстана стало определяться положениями принятой на референдуме Конституции 1995 года, которая юридически закрепила переход к президентской форме правления. В стране был создан профессиональный двухпалатный Парламент и другие основы политической системы.

Новый этап развития (с сентября 1998 года) – «период эволюции» – характеризуется наращиванием массы демократических элементов в политической системе страны.

Данный период начинается с внесения осенью 1998 г. существенных изменений в Конституцию и другие законодательные акты страны, расширившие полномочия Парламента, изменившие выборное законодательство. Проведена реформа избирательной системы.

На этой основе в 1999 г. прошли прямые и всеобщие выборы Президента Казахстана, а затем выборы в Парламент по смешанной системе, которая предусматривала голосование по партийным спискам.

По внутреннему содержанию реформ Казахстан относится к странам, проводящим комплексную трансформацию.

Республика осуществляла преобразования одновременно по трем направлениям:

- создание основ независимого государства;

- рыночные реформы;

- политические реформы.

По форме перехода к демократии республика относится к странам, где данный процесс протекает мирным путем.

Во многом независимости Казахстана связана с развалом Советского Союза, которому способствовали внутренние противоречия, объективные и субъективные внешние и внутренние факторы.

По детерминированности демократического процесса можно сказать, что в Республике Казахстан политические реформы в конце 80-х и начале 90-х были обусловлены в основном внешним влиянием. На сегодняшний день на первый план выходят внутренние факторы реформ. Под внутренними факторами подразумеваются интересы среднего слоя населения, региональных элит, организованных политических групп.

Такого рода детерминированность демократических реформ в Казахстане в известной мере перекликается с триадой доминантных парадигм развития политического процесса в Казахстане, предлагаемой казахстанским исследователем М.С.Машаном. По мнению Машана, если первый этап (1985 – 1991 гг.) посттоталитарной трансформации в нашей стране прошел под знаком доминирования национальной парадигмы, то второй этап (1992 – 2002 гг.) – детерминирован парадигмой государственно-политического развития, на котором поиск оптимального государственно-политического устройства Казахстана стал totally определять содержание, логику и направление развития нашего государства. Следующий, третий, этап политического транзита будет отличаться доминированием социально-экономической парадигмы и начнется примерно на уровне 2003-2005 гг. [6].

По масштабам вовлеченности тех или иных общественных сил Казахстан относится к странам, где политические реформы во многом начинались политической элитой.

Сегодня по мере кристаллизации среднего класса в политических реформах все большую заинтересованность проявляют средние слои населения.

По институциональным предпосылкам республика относится к странам, где реформы начинались практически с нуля.

В конце 80-х у нас не было достаточных экономических, социо-культурных предпосылок для демократических реформ

* * *

Исходя из данной типологизации, в отношении Казахстана можно сделать следующие выводы:

Первое. В условиях Казахстана достаточно сомнительны попытки форсировать процесс политических реформ без создания необходимых экономических и социо-культурных предпосылок. Поэтому реформы объективно должны носить поэтапный характер. Основной задачей для нормального развития демократических процессов является формирование среднего класса, действенной партийной системы, охватывающей интересы различных социальных групп, формирование устойчивых демократических традиций, демократической культуры населения, преодоление правового нигилизма.

Второе. Одновременно с этим сегодня нельзя пытаться тем или иным образом затормозить процесс политической либерализации. Это чревато серьезными политическими последствиями. Сегодня у нас формируется реальная база для демократических реформ. Если раньше политические реформы были

востребованы теми или иными политическим группами, сегодня у реформ формируется определенная социальная база.

Десять лет рыночных реформ сегодня существенно изменили социальную структуру общества. По оценкам специалистов, сегодня около 500 тысяч человек в стране можно причислить к среднему слою. Это группы людей, у которых кристаллизуются определенные политические интересы и нужны цивилизованные каналы для реализации этих интересов.

Третье. Казахстану необходимо иметь свою модель политических преобразований, которая не должна копировать чужой опыт. Необходимо учитывать ментальность населения, существующие традиции, геополитические особенности страны.

В любом случае политическая система Казахстана должна характеризоваться сильной центральной властью, обладающей достаточными полномочиями. В силу ряда обстоятельств, прежде всего геополитических, у нас должно быть сильное государство, сильные государственные институты. Это налагает свою специфику на процессы демократизации в Казахстане.

Таким образом, при реализации политической реформы в Казахстане необходимо учитывать ряд особенностей страны, а также мировой опыт. Это позволит более безболезненно пройти политический транзит в Казахстане и создать эффективную политическую систему, которая сможет адекватно ответить на вызовы нового века.

Литература:

1. Назарбаев Н.А. Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: Послание Президента страны народу Казахстана. – Алматы, 1997. – С. 131.
2. См.: Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore – L., 1996.
3. См.: Мельвил А.Ю. Демократические транзиты (Теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М., МОНФ, 1999.
4. См.: Лисовский Ю.П. Социокультурные предпосылки модернизации (Послевоенная Италия) // Полис. 1992, № 5-6, – С. 167 – 175.
5. См.: Хенкин С.М. Политика пакта: испанские иллюстрации // Полис. 1996, № 5, – С. 129 – 135.
6. См.: Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целедостижение. – Алматы, ЦПИ КДИ, 2000. – С. 60 – 69.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАНЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОГНОЗЫ

Телебаев Г.Т.

Общественно-политическая ситуация в стране в 2000 году характеризовалась в целом стабилизацией «поствыборных» настроений, уменьшением политизации общества, «разогретого» двумя предыдущими выборными кампаниями.

Важным фактором стабилизации общественно-политической ситуации стало заметное улучшение социально-экономического климата в стране, выразившееся в ликвидации задолженностей по пенсиям и заработной плате бюджетников, их своевременной выдаче, в уменьшении инфляции и роста цен, в реанимации некоторых остановленных ранее предприятий.

Выборы в Парламент по партийным спискам явились сильным катализатором партийного строительства. В своем развитии многопартийность Казахстана вышла на новый уровень. В республике сложилась устойчивая иерархия в расстановке политических партий и движений.

В то же время сложившееся политическое поле не структурировано по четким партийным позициям. Большинство партий представляют из себя группы единомышленников, не имеющих сколько-нибудь значимой социальной поддержки. За исключением партии «Отан» и Коммунистической партии, остальные партии еще не являются по-настоящему политическими организациями.

Многие из них утратили четкие социальные и идеологические ориентиры, находятся в затяжном внутрипартийном кризисе. Их внутренние противоречия, личные амбиции лидеров, невладевание современными политическими технологиями ведут к тому, что партии не пользуются поддержкой населения.

По данным социологических исследований, проводимых Министерством культуры, информации и общественного согласия, рейтинг большинства партий не превышает 5 – 6 процентов.

Самое главное и потенциально опасное: называющие себя пропрезидентскими партии, прошедшие в Парламент, оказались недостаточно эффективными политическими институтами.

Партия «Отан» из-за отсутствия политической инициативы, неудовлетворительного подбора кадров в регионах так и не смогла завоевать лидирующие позиции в системе партийных отношений. Декларируемые социал-демократические лозунги партии оказались не подкреплены реальными политическими действиями. В общественном мнении «Отан» продолжает идентифицироваться как «тень» власти.

У Гражданской партии сложился устойчивый образ «олигархической» партии, защитника одной финансово-промышленной группы. Деятельность партийной фракции в Парламенте, пропаганда ее в средствах массовой информации неприкрыто направлены на защиту узкоотраслевых интересов.

Аграрная партия также имеет имидж партии, защищающей интересы одной из экономических групп, связанных с зерновым бизнесом. Ее называют «партией городских владельцев элеваторов». Создание второй «сельской» партии – крестьянской социал-демократической партии «Ауыл» – на следующих парламентских выборах приведет к раздроблению и дезориентации сельского электората, что, безусловно, усилит позиции коммунистов.

Если эти партии не станут заниматься политикой более профессионально, с большой долей вероятности можно предполагать, что следующие парламентские выборы будут ими проиграны.

Адекватный анализ угроз социально-политической безопасности в республике предполагает определение отношения населения к проводимым реформам. Динамика изменения настроений населения свидетельствует о противоречивости ориентаций, установок и поведения казахстанцев. Достаточно наглядно об этом свидетельствует сравнительная характеристика позиций жителей республики по сравнению с замером общественных настроений прошлого года.

Опасную тенденцию недостаточно высокого уровня поддержки курса реформ с соответствующими последствиями, отмеченную в конце 1999 года, удалось нейтрализовать. Стабилизация реформ на макроэкономическом

уровне способствовала в определенной мере тому, что отношение населения к рыночным преобразованиям стало развиваться по нарастающему вектору. Так, если в октябре 1999 года число сторонников проводимого курса реформ составляло (по сумме позитивного восприятия) 41,6%, то в 2000 году соответствующий период представлен показателем в 47,6%. При этом основной рост произошел за счет увеличения числа активных сторонников (1999г. – 14,7%, 2000г. – 20,1%).

В то же время необходимо отметить, что данный процесс нельзя характеризовать как достаточно стабильный и устойчивый. В мае наблюдался рост негативного отношения к политике реформ.

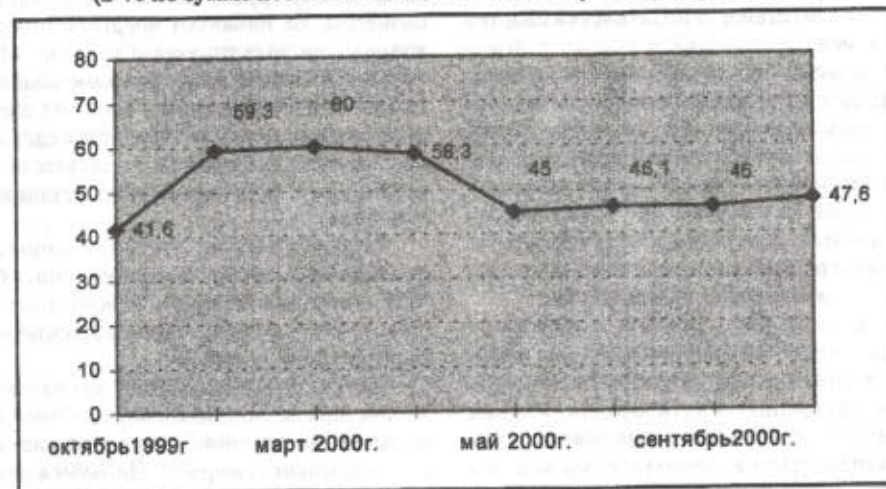
Существенное снижение числа сторонников, в различной степени выражающих свое согласие с курсом проводимых рыночных преобразований, было обусловлено целым комплексом причин социально-экономической и общественно-политической ситуации, сложившейся в регионах в мае 2000 года.

зафиксировано 7 акций протеста, то в мае их количество увеличилось более чем в 2 раза.

Характер акций протеста, прошедших в мае 2000 года, которые в свою очередь повлияли на рост негативизма населения, в целом носил социально-ориентированный характер. Основными причинами социального протеста являлись задолженности по выплате социальных пособий, безработица, рост цен на коммунальные услуги, внутрипроизводственные конфликты по правам собственности, задолженности по заработной плате, ущемление прав представителей малого бизнеса.

Ситуация осложнилась и в аграрном секторе. Именно в это время сельхозпроизводители наиболее остро ощущают свою «ущемленность». Ситуацию усугубилась из-за резкого роста цен на горючие и смазочные материалы, получившего развитие в апреле 2000 года и из-за остановки нефтеперерабатывающих заводов в разгар посевной кампании. Работники сельскохозяйственной сферы негативно отнеслись к тому, что государство не смогло урегулировать создавшуюся ситуацию. Беспредел

Диаграмма 1. Динамика изменения оценок населения к курсу реформ (в % по сумме позитивных оценок к общему числу опрошенных)

Именно в этот период активизировалась деятельность РНПК в поддержку идеи проведения Национального диалога посредством сбора подписей среди населения под «Обращением граждан Республики Казахстан» и выражения однозначно отрицательного отношения к законопроекту «О земле».

В это же время отмечался значительный рост социальной напряженности среди населения. Так, если в апреле по республике было

монополизировано общественное сознание населения самым непосредственным образом связывается с деятельностью государственных органов и проводимой ими политики.

Региональное распределение фиксировало развитие данной тенденции в значительной мере в г. Алматы, г. Астане, Алматинской, Атырауской, Акмолинской, Жамбылской, Западно-Казахстанской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Ко-

станайской и Южно-Казахстанской областях.

Общественно-политический фон майской социально-экономической и общественно-политической обстановки задал новый вектор развития отношения к политике, проводимой государством.

Последующие месяцы, как показали результаты мониторинга, по объективным субъективным причинам несли на себе «отпечаток» майского среза общественного мнения. Тем не менее наблюдается хотя и не значительное, но стабильное повышение числа субъектов, выражающих свое позитивное отношение к проводимой политике.

Необходимым условием успешности и необратимости проведения социально-политических и экономических реформ является наличие в обществе соответствующей социальной базы, то есть тех групп населения, которые сознательно участвуют в общественно-политическом и социально-экономическом процессе, заинтересованы в нем и способствуют его успешному становлению и развитию.

Основная социальная база поддержки проводимого курса реформ на октябрь 2000 года в своей основе, как и год назад, представлена руководителями предприятий и организаций всех форм собственности, государственными служащими, работниками правоохранительных органов, военнослужащими.

В то же время считаем необходимым отметить, что весной 2000 года эта социальная база была существенно шире. Наибольшая поддержка населения по всем социально-профессиональным группам в апреле 2000 года в результате «майских катализаторов» стала постепенно снижаться. Так, за полугодие достаточно серьезно снизилась социальная база поддержки реформ среди рабочих промышленной сферы, рабочих сельскохозяйственной отрасли, фермеров, работников торговли, студентов.

Особую тревогу вызывает значительное снижение числа сторонников среди руководителей предприятий (с 78,1% до 64,5%), государственных служащих (с 80% до 56,2%), работников правоохранительных органов (с 72% до 52,2%) и военнослужащих (с 81% до 66,6%), то есть той категории населения, которая традиционно считалась основными проводниками проводимых преобразований, которая представляет государственную власть как таковую. Ситуация усугубляется также и тем, что имен-

но с представителями данных структур связываются понятия стабильности и безопасности. Уменьшение числа сторонников из этих социальных категорий может существенно повлиять на общественное сознание населения в целом, в силу того, что специфика их деятельности предполагает в значительной степени влияние на оценки, а соответственно, и действия жителей республики.

В то же время с определенной долей уверенности можно утверждать, что, в связи с Посланием Президента РК в октябре 2000 года и последними мерами, направленными на реабилитацию системы обороны и правоохранительных органов, тенденции уменьшения числа сторонников курса реформ из данной среды сократится.

Прогнозная линия на 2001 год: при сохранении стабильности на макроэкономическом уровне и выполнении Правительством РК социально-ориентированных поручений, обозначенных в последнем Послании Президента РК, очевидно, сохранится тенденция увеличения числа сторонников проводимого курса социально-экономического и общественно-политического реформирования.

Социальная база поддержки реформ в своей основе останется не достаточно выраженной. Дальнейший прогноз развития ситуации в среде государственных служащих предполагает сохранение имеющейся негативной тенденции.

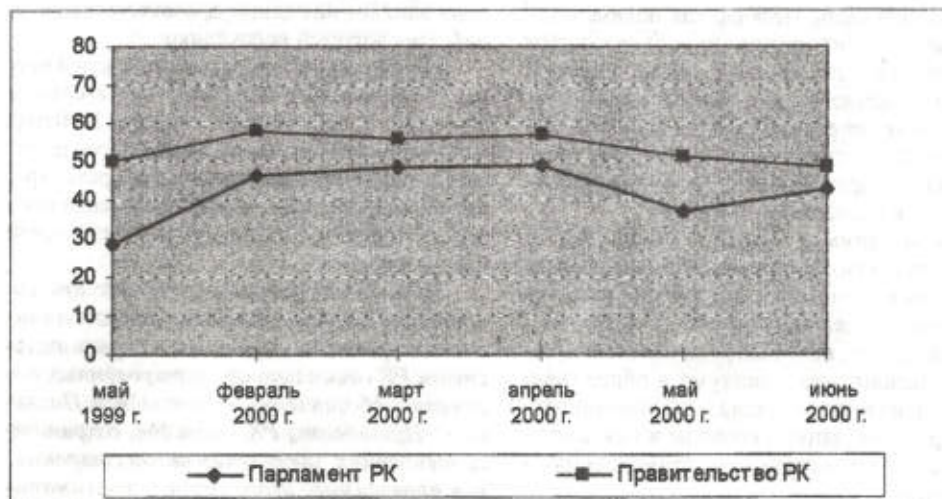
Наряду с темпами адаптации людей к рыночным условиям происходит процесс трансформации и модернизации в таких узловых моментах, как отношение к органам власти, являющихся одним из основных проводников реформ.

Несмотря на то, что власти смогли обеспечить социально-экономическую и политическую стабильность на макроэкономическом уровне, отношение населения к ним характеризуется определенного рода противоречивостью. Оценки населения преломляются в первую очередь через уровень укрепления и развития основ индивидуальных ценностей, социальных установок и жизненно важных характеристик удовлетворения насущных бытовых проблем, то есть уровня притязаний и практической реализации собственных социальных потребностей. Население еще не ощутило конкретно на себе результаты макроэкономической стабилизации. Нестабильность своего существования казахстанцы связывают с деятельностью органов власти.

Доминантами массового политического настроения в течение 2000 года является некоторое ухудшение отношения к государственным институтам власти.

Так, если в 1999 году свою поддержку Парламенту РК выражали 28,3% казахстанцев, то в 2000 году – 42,4%. За год произошел рост кредита общественного доверия на

Диаграмма 2. Динамика изменения уровня доверия населения к органам государственной власти (в % по сумме позитивного восприятия)

Уровень доверия Правительству РК

Динамики изменения уровня доверия населения Правительству страны за год практически не наблюдается (разница составляет 1,5% в сторону уменьшения числа сторонников).

В феврале 2000 года несколько увеличилось число тех, кто позитивно относится к деятельности Правительства РК. Однако уже в мае 2000 года срез общественного мнения зафиксировал уменьшение числа казахстанцев, выражающих свое доверие Кабинету Министров. Уменьшение числа сторонников в одинаковой степени происходит как из числа активных сторонников, так и умеренных. Тенденция сокращения числа активных сторонников политики Правительства РК более всего выражена в Актыбинской, Восточно-Казахстанской, Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской областях.

Уровень доверия Парламенту РК

Если уровень доверия к Правительству РК имеет общий вектор развития с разницей количества доверяющих и увеличением или уменьшением числа сторонников в зависимости от сложившейся социально-экономической и общественно-политической обстановки, то степень доверия населения высшему представительному органу власти характеризуется показателями роста.

14,3%. Постоянный рост уровня доверия населения к деятельности нового представительного органа отмечается до мая 2000 года. В связи с дестабилизирующими факторами в мае происходит определенное снижение, что характерно для всех уровней государственной власти. Однако в последующий период ситуация меняется.

Данную ситуацию, по всей видимости, можно объяснить следующими факторами:

- в то время, когда исполнительная власть свое основное внимание сосредоточила на задачах стабилизации макроэкономики, представительная власть активно выступала в защиту реализации социально значимых для населения вопросов. Для населения более значимо – второе;

- по причине инерционности мышления людей негативное отношение к Правительству, сложившееся еще 1 – 2 года назад, продолжает оставаться в общественном сознании большинства казахстанцев. Стабилизация же по всем параметрам населением связывается по субъективным причинам с деятельностью вновь избранного Парламента РК.

Рост рейтинговых позиций Парламента РК в большей мере детерминирован увеличением числа полностью поддерживающих среди населения г. Астаны, Акмолинской, Ал-

матинской, Жамбылской, Кызылординской и Южно-Казахстанской областей.

Анализ общественно-политической ситуации в 2000 году показал, что в прошлом году акции протеста были преимущественно социально-экономическими и носили локальный характер. Основными и традиционными побудительными причинами социальной активности населения выступили:

- задолженности по заработной плате, пособиям по инвалидности, детским пособиям;
- повышение тарифов на коммунальные услуги;
- неисполнение бюджета в части выплат заработной платы работникам бюджетной сферы.

Наряду с этим, причиной для недовольства населения являлась неопределенная ситуация в вопросах собственности на ведущих промышленных объектах республики и, как следствие этого, социальная, кадровая политика руководства данных предприятий.

Политическая выраженность ряда акций протеста была обусловлена внешними факторами (митинг в феврале в Астане в связи с созданием союза Россия – Беларусь, инициированный Республиканским славянским движением «Лад», Союзом казаков Степного

но-Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Южно-Казахстанская области и города Алматы и Астана.

Большинство акций протеста носили стихийный, «самодеятельный» характер, роль общественно-политических объединений в их подготовке и проведении минимальна.

Мониторинг общественно-политической ситуации в стране, проводимый МКИОС с 1998 года демонстрирует следующее. Общий процент готового к активным действиям населения составляет 48% от общего числа респондентов. Активность проявления социальной напряженности имеет четко выраженный «сезонный» характер. Так, весна и осень характеризуются максимальной вероятностью проявления акций протеста, а лето традиционно является временем спада политической активности.

Опросы общественного мнения выявили, что предпочтения респондентов в способах отстаивания своих гражданских прав остаются в целом в рамках закона. Треть респондентов, например, считает приемлемыми способами общественного воздействия в отстаивании собственных гражданских прав взаимные консультации и обмен мнениями, письма в органы власти, обжалование в суде действий должностных лиц.

Таблица. Динамика степени готовности населения к отстаиванию своих прав за 10 месяцев 2000 года

Месяц	Да	Потенциально готовы	Не определились	Не готовы
Февраль	22,5	26,8	23,6	15,8
Март	24,9	30,0	20,2	14,2
Апрель	21,7	25,5	22,3	18,5
Май	25,9	24,2	19,5	18,8
Июнь	18,0	19,5	22,0	26,3
Сентябрь	23,3	23,6	19,3	18,0
Октябрь	26,8	24,7	17,8	16,3

края, городским комитетом Коммунистической партии Казахстана; акция западно-казахстанских областных организаций Компартии и «Поколения» в связи с заявлением Российского Правительства об отмене безвизового передвижения граждан на территории Казахстана и России).

Социальная активность в области защиты своих прав высока у таких социально-профессиональных слоев населения республики, как: пенсионеры, рабочие промышленных предприятий, малоимущие, безработные.

Наиболее социально напряженными регионами представляются Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Жамбылская, Западно-

Казахстанская, Карагандинская, Костанайская, Южно-Казахстанская области и города Алматы и Астана. Таким образом, на конец 2000 года в случае ущемления собственных гражданских, политических прав общий процент готового к активным действиям населения составлял 51,5%. Это серьезная и опасная тенденция. По результатам опросов намерены принять активное участие в массовых акциях протеста жители следующих регионов: Акмолинская, Актыбинская, Алматынская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Жамбылская, Костанайская, Кызылординская, Павлодарская области.

Акмолинская, Восточно-Казахстанская, Жамбылская, Костанайская и Павлодарская области характеризуются высокой

частотой проявления массового недовольства в последние годы. Данные регионы представляются наиболее взрывоопасными и социально напряженными.

Прогнозные оценки на 2001 год сводятся к следующему. Существующие предпосылки возникновения конфликтов находятся в тесной взаимосвязи между собой. Напряженность в одной сфере может неизбежно дестабилизировать другие. В дальнейшем возможна возможность роста митинговой активности населения, ухудшение жизненного уровня населения, рост уровня бедности, ускоренный рост дифференциации доходов, динамика явной и скрытой безработицы, особенно среди молодежи, наличие законодательных актов, вызывающих наблюдаемое недовольство людей, могут повлиять на дальнейшее увеличение уровня социальной напряженности. При этом активная социальная политика государственных органов, несомненно, приведет к снижению социальной напряженности.

Межэтнические отношения в стране в целом отличаются стабильностью. Так, 74,9% респондентов отмечают, что в республике преобладают дружеские и спокойные взаимоотношения между представителями этносов. По мнению 61,8% опрошенных данная сфера остается без изменений.

Напряженность отношений между представителями разных национальностей отметили 18,2% респондентов, участвовавших в опросе. В этой связи, по мнению опрошенных, дестабилизирующими факторами являются:

- напряженность в социально-экономической сфере, снижение уровня жизни. В регионах, где функционируют промышленные предприятия (Западно-Казахстанская, Костанайская, Актюбинская, Мангыстауская области) уровень позитивных оценок ситуации значительно выше, чем в депрессивных (Жамбылская и Южно-Казахстанская области);

- поляризация населения. Резкое расслоение в крупных городах (особенно в Алматы и Астане) на богатых и бедных;

- проявление различных форм экстремизма и терроризма в сопредельных государствах: России, Кыргызстане и Узбекистане и угроза его возникновения на территории республики;

- миграция населения как внутри страны (в особенности из села в город), так и за ее пределы: неоднородность этнической карты страны и ее изменчивость;

- ухудшение демографической ситуации

в стране, увеличение потока беженцев из неблагополучных в политическом плане стран: Таджикистана, Узбекистана, а также Чечни.

Ответы респондентов, участвовавших в социологических исследованиях в 1999 и 2000 годах, указывают на наличие некоторых нарушений прав этнических групп, особенно в Астане и Алматы. Они проявляются: при приеме на работу, в выдвижении на руководящую работу, создании собственного бизнеса и поступлении в вуз. Особую обеспокоенность данной проблемой выражают представители чеченской, узбекской, немецкой и украинской национальностей.

Если предположить экстремальное развитие межнациональных отношений и возникновение конфликта, то поведение казахстанцев может быть следующим: не будут вмешиваться в конфликт – 21,6%; будут требовать от власти принятия мер – 21,1%; вступят в общественное движение, партию, защищающую интересы своего народа или активизируют их деятельность – 11,9%; постараются выехать из страны – 11,3% опрошенных.

Некоторые показатели говорят о существовании опасной тенденции: 7,9% опрошенных собираются с оружием в руках защищать права своего этноса.

Существует определенная национальная дифференциация мотивов возможного участия населения в межнациональном конфликте:

- наиболее острым вопросом для представителей чеченской, курдской и украинской диаспор является ущемление их политических прав;

- толчком к активности чеченцев, корейцев и украинцев может послужить кровь родных и близких;

- оскорбительные слова и действия вызовут негативную реакцию у этнических групп корейцев, курдов и уйгур.

Мотивация активных действий в отстаивании национальных интересов значительно меньше у представителей двух основных этносов: казахов и русских.

Учитывая вышесказанное, необходимо отметить: на современном этапе имеется (хотя и небольшая) вероятность возникновения на территории республики национальных конфликтов. Индикаторами такого сценария событий в дальнейшем могут стать:

- экономическая нестабильность и социальная незащищенность населения республики;

- проявление дискриминации по отношению к некоренным национальным группам в вопросах кадровой и языковой политики;

- возможная конфронтация между коренным населением и беженцами из горячих точек на территории СНГ (таджики, узбеки, киргизы и чеченцы), проникновение в страну идей радикализма и исламского фундаментализма.

Следует также учесть, что этносоциальная напряженность проявляется больше в регионах со смешанным населением (север, юг).

Прогноз на 2001 год может быть примерно следующим. Миграционные процессы будут продолжать значительно менять картину расстановки этнических групп. Русскоязычное население покидает пределы республики, а пополнение населения республики лишь отчасти происходит за счет иммигрантов из центрально-азиатских стран.

В этих условиях национальная политика государства должна отличаться выверенностью и взвешенностью. Для своевременного предупреждения напряженности требуется систематическое проведение мониторинга ситуации.

Развитие межконфессиональных взаимоотношений протекает в стране в целом в правовом русле. За прошедший год, как и за последние годы, не отмечено фактов столкновений на религиозной почве. Традиционная толерантность казахстанцев подкрепляется взвешенной, сбалансированной государственной политикой в этом направлении. Соответству-

ющие ведомства и местные исполнительные органы власти поддерживают постоянный контакт с религиозными объединениями. Позитивным шагом явилось создание Совета по связям с религиозными объединениями при Правительстве Республики Казахстан.

Избрание нового руководства Духовного управления мусульман Казахстана позволило преодолеть негативные тенденции раскола мусульманских общин. Следующим шагом должна стать большая централизация ДУМ-Ка, создание четкой вертикали его структур по всей республике. Это позволит улучшить контроль за ситуацией внутри мусульманских общин, локализовать вероятность проникновения в них деструктивно настроенных лиц, преодолеть тенденцию создания мечетей по национальному принципу.

Главной задачей остается обеспечение деятельности религиозных объединений в правовом поле. В ходе проверки духовных учебных заведений и религиозных объединений южных областей республики на предмет наличия соответствующей лицензии и юридической регистрации выявлено более 500 незарегистрированных общин и 20 медресе. Активизируется миссионерская деятельность зарубежных религиозных проповедников, в первую очередь нетрадиционных для Казахстана конфессий. Становится реальностью проблема прозелитизма, способная создать потенциал межнационального напряжения в республике.

КОСМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС «БАЙКОНУР»: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Бисембаев С.А.

В реализации долгосрочных задач «Стратегии – 2030» Аэрокосмический комитет Министерства энергетики и минеральных ресурсов Республики Казахстан (Комитет) вносит свой достойный вклад. В последние годы отмечается более активное участие Республики Казахстан в реализации космических программ и проектов, в том числе и коммерческих, осуществляемых Россией на космодроме «Байконур». В частности, в проектах по созданию и эксплуатации новых ракетно-космических комплексов «Днепр», «Содружество», «Ямал» для запусков космических аппаратов (КА) различного назначения на базе совместного использования объектов космодрома «Байконур» [1].

По оценкам академика Умирзака Султангазина, в СНГ (кроме России, конечно) нет другой республики, которая бы готовила уже четвертую научную программу космических полетов. На борту орбитальной станции «Мир» выполнены три казахстанские программы научных исследований и экспериментов – в 1991 году Тохтаром Аубакировым, в 1994 и 1998 годах Талгатом Мусабаевым. Сейчас готовится четвертая научная программа двухнедельного космического полета Талгата Мусабаева уже на Международной космической станции (МКС). В подготовке программ участвуют около 15 отечественных академических институтов во главе с Институтом космических исследований Минобрнауки РК. Есть концепция развития косми-

ческой отрасли Казахстана, которая послужит основой для государственной программы [2].

В российском центре подготовки космонавтов интенсивно тренируется будущий третий казахстанский космонавт Руслан Мухамедрахимов, прошедший жесткий отбор из 460 претендентов. В нынешнем году в Байконурском филиале Московского государственного авиационного института (Технического университета) будут защищать дипломные проекты первые 11 выпускников из числа граждан Казахстана. Всего по контракту обучаются более 80 студентов из числа граждан Республики Казахстан.

Сразу же после распада СССР, 31 августа 1991 года, был издан Указ Президента Казахской ССР Н.А. Назарбаева № 410, устанавливающий, что предприятия и организации союзного подчинения всех отраслей народного хозяйства, их структурные подразделения и филиалы, находящиеся на территории Казахской ССР, переходят в ведение органов государственного управления Казахской ССР и их имущество является собственностью республики. Таким образом, уникальный космический комплекс «Байконур» стал собственностью суверенного государства – Республики Казахстан. Перед Казахстаном встал острый вопрос о дальнейшей судьбе космодрома, о возможности и дальнейших путях эксплуатации этого уникального комплекса, являющегося важным и неотъемлемым звеном ракетно-космической отрасли бывшего СССР. Наше молодое государство начало искать пути для сохранения жизнедеятельности космодрома. В 1992 – 1993 годах на уровне Глав Государств и Правительств Казахстана и России были подписаны важные Соглашения и Меморандумы, позволяющие решить вопросы о порядке использования космодрома «Байконур», обеспечения его дальнейшего функционирования в интересах Казахстана, России, стран СНГ [3].

Для выполнения специальных исполнительных и контрольно-надзорных функций, а также руководства сферой аэрокосмической деятельности, 25 февраля 1993 года Указом Президента Республики Казахстан было создано Национальное аэрокосмическое агентство Республики Казахстан (НАКА). Возглавил его летчик-космонавт СССР, первый летчик-космонавт Казахстана, Герой Советского Союза, Халык Каһарманы Республики Казахстан, генерал-майор авиации Тохтар Онгарбаевич Аубакиров. Т.О. Аубакиров руководил НАКА РК с февраля 1993 г. по апрель 1994 г., затем с апреля 1994 г. по декабрь 1997 г. генеральным директором был назначен доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Инженерной

академии РК, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (Россия), академик Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского (Россия), специалист в области небесной механики и космодинамики Айсултан Абдуллоевич Калыбаев. С января 1998 года по настоящее время Аэрокосмическим комитетом МЭИТ РК руководит доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук РК, академик Инженерной академии РК, академик Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского (Россия), член Высшего научно-технического Совета при Правительстве Республики Казахстан, специалист в области систем автоматического управления Мейрбек Молдабеков. Перед вновь созданным государственным органом были поставлены следующие основные задачи и функции:

- участие в разработке концепций и программ по реализации государственной политики в сфере аэрокосмической деятельности;
- разработка планов и прогнозов развития космического комплекса Республики Казахстан и рынка аэрокосмической продукции и услуг на краткосрочный, среднесрочный период;
- участие в разработке и реализации мероприятий по сохранению и развитию аэрокосмической инфраструктуры Республики Казахстан, включая объекты комплекса «Байконур»;
- участие в разработке и обеспечении реализации основных направлений научно-технического и технологического развития Республики Казахстан в сфере аэрокосмической деятельности;
- организация координации деятельности государственных органов РК по выполнению Договора аренды комплекса «Байконур», международных соглашений и договоров в сфере аэрокосмической деятельности;
- осуществление контроля за условиями эксплуатации и сохранностью объектов комплекса «Байконур», в том числе арендуемых Российской Федерацией;
- участие в разработке и реализации мероприятий по обеспечению экологической безопасности в сфере аэрокосмической деятельности;
- организация подготовки космонавтов, подготовки и переподготовки кадров в сфере аэрокосмической деятельности;
- осуществление лицензирования деятельности по использованию космического пространства.

После распада СССР космонавтика оказалась одной из отраслей, наиболее подверженных влиянию процессов дезинтеграции. Это легко

понять, поскольку создание и эксплуатация космической техники остается пока еще весьма затратной областью человеческой деятельности и требует наличия в высшей степени отлаженного механизма научно-технического, промышленного и других форм взаимодействия между большим количеством предприятий и организаций различных министерств и ведомств. Априори, что единственным и основным лидером среди новых независимых государств в космической деятельности, имеющей соответствующий финансовый, научно-технический, военно-промышленный и кадровый потенциал, является Россия.

Сложившаяся к началу 1990-х годов отраслевая кооперация была способна осуществлять весьма масштабные по своему размаху проекты, такие как организация и проведение пилотируемых полетов на долговременных орбитальных станциях, создание универсальной ракетно-космической транспортной системы «Энергия-Буря», разработка большой номенклатуры новых ракет-носителей (РН) и космических аппаратов (КА) различного назначения. В те годы в орбитальной группировке насчитывалось до 190 КА, а пуски проводились с интенсивностью один в три-пять дней.

Обострившиеся в 1990 – 1991 гг. финансовые трудности сказались прежде всего на объемах работ. Финансирование многих программ практически сошло на нет. В самом трудном положении оказались, пожалуй, эксплуатационные организации и в первую очередь – Министерство обороны (МО) РФ, которому подчинился весь комплекс средств подготовки и проведения пусков, управления аппаратами на орбите, приема и обработки информации со спутников.

В 1991 г. Россия располагала возможностью осуществлять пуски из трех географически весьма удаленных друг от друга районов – 5-го НИИП МО вблизи г. Ленинска (г. Байконур) в Казахстане, 53-го НИИП МО в районе г. Мирный (Архангельская обл.) и 4-го ГЦП МО в окрестностях г. Капустин Яр (Астраханская обл.).

Свертывание работ по ряду космических программ, для которых на Байконуре уже была создана и эксплуатировалась наземная космическая инфраструктура, потребовала ответа на вопрос: «Что же делать со всем этим сложным и дорогостоящим хозяйством? Законсервировать или демонтировать?» Практически все объекты наземной космической инфраструктуры полигона были подведомственны МО РФ, так как в свое время данные объекты создавались по заказу того же Министерства обороны. Поэтому и техническое, и финансовое бре-

мя при любом исходе полностью ложилось на него. Также существовал другой аспект проблемы – необходимость сокращения численности подразделений МО РФ, расквартированных на территории суверенного Казахстана. По состоянию на конец 1991 г. объекты наземной космической инфраструктуры космодрома «Байконур» размещались на территории 6717 кв. км. В их число входили:

- 10 стартовых комплексов (СК) для запуска РН семи типов (15 пусковых установок, ПУ) и 8 шахтных пусковых установок (ШПУ) ракетных испытательных частей (РИЧ) для проведения испытаний МБР;
- 11 монтажно-испытательных корпусов (МИК);
- 34 технических комплекса (ТК) для предстартовой подготовки РН (8 ТК) и КА (26 ТК);
- 33 места хранения КА и 33 места хранения РН;
- полигонный измерительный комплекс в составе 8 отдельных измерительных пунктов и 3 отдельных измерительных станций;
- посадочный комплекс орбитального корабля с аэродромом «Юбилейный»;
- 4 заправочно-нейтрализационные станции (ЗНС);
- кислородно-азотный завод;
- ТЭЦ на 60 МВт;
- газотурбинный энергопоезд на 72 МВт;
- 32 узла связи;
- коммуникации и инженерные сети (470 км железнодорожных путей, 1281 км автодорог, 6610 км линий электропередач, 2784 км линий связи, 1240 км трубопроводов водоснабжения, 518 км трубопроводов теплоснабжения и др.) [4].

Площадь земель, временно отведенных под районы падения отделяющихся частей (ОЧ) РН на территории Республики Казахстан, составляла 46,01 тыс. кв. км., Республики Туркмени – 11,9 тыс. кв. км. и Республики Узбекистан – 1,7 тыс. кв. км.

На территории полигона проживало 146,6 тыс. человек, в том числе в г. Ленинск (г. Байконур) – 97,3 тыс. человек. До августа 1991 года космодром «Байконур» являлся основным звеном космической инфраструктуры бывшего СССР [5].

Первыми объектами, для которых пришлось решать проблему существования, стал комплекс сооружений, созданный в рамках программы «Энергия-Буря». В силу выпевеченных причин, военные все меньше проявляли интерес к этой программе, а после

встречи 18 февраля 1992 г. большой группы генеральных конструкторов, ученых, военных, представителей вновь образованных правительственных структур с Президентом РФ Б.Н.Ельциным, где он выразил отрицательное отношение к продолжению работ по данной программе, интерес к теме «Энергия-Буран» пропал совсем. Вместе с тем мысль, что результат передовой научно-технической и инженерной мысли, труда десятков тысяч ученых, конструкторов, технологов, заводских рабочих, строителей и военных – МИК и, УКСС, аэродром «Юбилейный» и много других объектов, просто так все это бросить, не могла прийти в голову никому из тех, кто принимал участие в разработке этой, пожалуй, самой масштабной и дорогостоящей космической программы. В то же время Министерству обороны было невыгодно держать у себя на балансе такое количество сооружений, которые оно не собиралось использовать каким-либо образом (пусть даже являлось ранее заказчиком программы).

Одновременно с этим началась проработка вопроса о возможности переноса части космических программ с Байконура в Плесецк. Однако было очевидно, что в обозримом будущем без Байконура России не обойтись, поскольку только здесь имеются стартовые комплексы РН тяжелого класса «Протон-К», только отсюда осуществляются запуски объектов по пилотируемой программе, а также все запуски КА на геостационарную орбиту.

Вышеупомянутая встреча в Кремле 18 февраля 1992 г. преследовала главной целью окончательное определение позиций руководителей относительно идеи создания в России космического агентства вместо существовавшего ранее Министерства общего машиностроения. Поскольку этот вопрос неоднократно обсуждался, в том числе на уровне Совета Министров РСФСР, то идея получила поддержку, и 25 февраля 1992 года был подписан Указ Президента Российской Федерации № 185 о создании Российского космического агентства («Росавиакосмос», РКА).

Правительство Российской Федерации Постановлением от 29 августа 1994 г. № 996 «О мерах по обеспечению выполнения Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома Байконур» от 28 марта 1994 г. передало части объектов комплекса «Байконур» под управление Российскому космическому агентству. МО РФ предписывалось в месячный срок по согласованию с казахстанской стороной осуществить мероприятия по пе-

редаче объектов, используемых для реализации Федеральной космической программы России.

Поскольку реальных работ по консервации многих объектов (в частности, по программе «Энергия» – «Буран») не проводилось ввиду отсутствия финансовых средств, то часть оборудования была расхищена. Более того, из-за выхода из строя оборудования теплоснабжения и кондиционирования МИКи подготовки КА на площадках 2 и 254 зимой 1994 г. находились в аварийном состоянии – внутри помещений скопившаяся вода местами замерзала и лед приходилось откалывать. Так что в итоге передаваемые объекты сдавались по фактическому состоянию, без предварительного доведения в соответствии с эксплуатационными требованиями [6]. Данная ситуация констатирует печальный факт, что в кризисные 1993 – 1994 гг. комплексу «Байконур» был нанесен опутный ущерб.

7 октября 1994 г. Совет Федерации одобрил принятый 21 июля Государственной Думой Федеральный Закон «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома Байконур». Тем самым была заложена полноценная правовая основа для нормального функционирования космодрома. 27 декабря 1994 г. в Москве состоялось подписание договора между Казахстаном и Россией об аренде космодрома «Байконур». Тем самым вопрос о комплексе «Байконур» был переведен из политической в экономическую плоскость, была определена стоимость аренды \$ 115 млн в год.

Несмотря на пессимистические прогнозы, Договор аренды по комплексу «Байконур» доказал свою жизнеспособность: самоотверженным трудом воинских коллективов и организаций ракетно-космической отрасли и жителей города удалось сохранить уникальный научно-технический и социальный комплекс «Байконур» для Казахстана, России, СНГ и мирового сообщества. Кризисная ситуация 1993 – 1994 гг. в на комплексе «Байконур» была преодолена потому, что органы государственного управления обеих государств опирались на самое главное богатство – человеческий потенциал космодрома. Аренда комплекса «Байконур», наверное, один из уникальных проектов в мире, где в аренде находится громадная территория с городом и сложным научно-производственным комплексом и человеческий фактор играет огромную роль [7].

Комитет, согласно Договору аренды, является уполномоченным органом Республики Казахстан по контролю условий эксплуатации

и сохранности объектов комплекса «Байконур». Для осуществления специальных контрольно-надзорных функций непосредственно на комплексе функционирует Управление космодрома «Байконур» (Управление) Комитета. В составе Управления три отдела:

- отдел контроля условий эксплуатации объектов;
- отдел контроля учета основных средств;
- отдел контроля ввоза-вывоза движимого имущества.

В Управлении работают высококвалифицированные специалисты, прошедшие открытый конкурс на вакантные государственные административные должности в органах государственного управления республиканского уровня, согласно Закону Республики Казахстан от июля 1999 года «О государственной службе» – десять специалистов окончили филиал «Восход» Московского авиационного института, четверо – МВТУ им. Н.Баумана, Казахский Национальный технический университет им. К.Сатпаева, Павлодарский индустриальный институт, Таразский государственный университет им. М.Дулати. Все они успешно прошли открытый конкурс на замещение вакантных административных государственных должностей в государственном органе республиканского уровня [8].

В соответствии с Соглашением о порядке контроля со стороны Республики Казахстан за сохранностью и условиями эксплуатации объектов комплекса «Байконур» от 18.08.95 г., подписанным в рамках Договора аренды космодрома «Байконур» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации от 10.12.1994 г., специальной межведомственной комиссией по инвентаризации в 1999 году была проведена объемная и плодотворная работа по инвентаризации объектов и имущества наземной космической инфраструктуры комплекса «Байконур» с привлечением высококвалифицированных российских и казахстанских специалистов.

Она проводилась тремя блоками, а именно:

- воинские части и организации Минобороны РФ (56 предприятий);
- предприятия и организации «Росавиакосмоса» (52 предприятия);
- предприятия и организации РФ городской администрации г. Байконур (35 предприятий).

Необходимо отметить, что все войсковые части, организации и предприятия Российской Федерации с должной ответственностью отнеслись к данному вопросу и эта трудоемкая и кропотливая работа была проделана.

Вместе с тем по некоторым предприятиям, организациям и воинским частям имелись замечания и предложения, которые были отражены в результирующих протоколах по итогам инвентаризации 1999 года, подписанных Сторонами с учетом их дальнейшего устранения. В подавляющем большинстве руководств данных предприятий, организаций и воинских частей в рабочем порядке с Управлением космодрома «Байконур» Комитета устраняют и дорабатывают имеющиеся замечания и предложения.

Однако отдельным примером проявления отсутствия взаимопонимания является 456 Управление военной торговли МО РФ на комплексе «Байконур», руководство которого, ссылаясь на объективные и субъективные причины, продолжает всячески избегать проведение детальной инвентаризации в своей организации. Такие неадекватные действия руководства предприятия предполагают к нежелательным прогнозам по поводу сохранности имущества Республики Казахстан в конкретной ситуации. Это отдельный факт недобросовестного отношения руководства организации к выполнению межгосударственных договоренностей двух государств. Необходимо акцентировать, что в основном Управление в ежедневной работе с российскими предприятиями и организациями находит традиционное взаимопонимание.

Инвентаризация 1999 года поставила острую проблему бухгалтерского учета объектов комплекса «Байконур». Установлено, что на многих объектах с момента строительства и эксплуатации космодрома «Байконур» не производилась оценка их балансовой стоимости. Таким образом, на данный момент Казахстан не может вести полноценный учет имущества комплекса «Байконур», не владеет важной экономической информацией.

Для решения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо:

- соответствующим постановлением Правительства Республики Казахстан четко определить, что хозяйствующим субъектом является предприятие «Центр бухгалтерского учета объектов комплекса «Байконур» с конкретным источником финансирования;

- для проведения квалифицированной оценки уникального имущества при БТК ИИП Минфина РК открыть «Центр оценки имущества объектов комплекса «Байконур» с привлечением российских специалистов (по согласованию);

- соответствующим протоколом внести дополнения в Договор аренды от 10.12.1994 года, о необходимости ведения Арендатором бухгалтерского учета соответствующего Стан-

дарту бухгалтерского учета (СБУ) № 6 «Учет основных средств», утвержденного Постановлением Национальной комиссии РК по бухгалтерскому учету № 3 от 13.11.1996г., в соответствии с Указом Президента РК «О бухгалтерском учете» от 26.12.1995 г. № 2732.

Также одним из серьезных вопросов является вопрос внесения **отделимых и неотделимых улучшений в арендованное имущество российской стороной**. Проведенный Управлением анализ вопроса согласования внесения отделимых и неотделимых улучшений в арендованное имущество российской стороной показывает, что к разногласию и разночтению между сторонами приводит нечеткая разграниченность в пункте 6.3. Договора аренды от 10.12.1994 г. капиталообразующих терминов, к которым, по нашему мнению, необходимо отнести капитальное строительство, техническое перевооружение, и пункт 6.2. некапиталообразующих терминов как текущий ремонт, капитальный ремонт, замена оборудования, реконструкция в такой специфической аэрокосмической отрасли, как наземная космическая инфраструктура. Применение одних и тех же терминов в гражданском и военном строительстве именно на космодроме «Байконур» имеет следствием разное толкование. Непосредственно сам подход к решению данного вопроса лежит, на наш взгляд, в регламентации данных терминов именно в связи с комплексом «Байконур». Целесообразно, на наш взгляд, считать **капиталообразующими** капитальное строительство и техническое перевооружение отделимых и неотделимых улучшений, на которые российская сторона может сохранять право собственности или право возмещения остаточной стоимости. **Некапиталообразующими** целесообразно считать текущий ремонт, капитальный ремонт, замену оборудования, реконструкцию, в связи с которыми российская сторона не может пре-

тендовать на какое-либо финансовое возмещение, так как данные работы ведутся для обеспечения нормального функционирования наземной космической инфраструктуры.

Анализ деятельности аэрокосмической отрасли показывает, что предпринятые главой государства и Правительством республики меры были правильными, о чем свидетельствуют ощутимые достижения в данной сфере.

Вместе с тем для более эффективной и оперативной деятельности, на наш взгляд, целесообразно реформировать Комитет по одному из предложенных вариантов:

1) в Агентство Республики Казахстан по аэрокосмической деятельности («Казаэрокосмос») с непосредственным подчинением его главе государства, по аналогии с Агентством Республики Казахстан по делам государственной службы;

2) в Агентство Республики Казахстан по аэрокосмонавтике («Казаэрокосмос») в качестве центрального исполнительного органа, не входящего в состав Правительства РК, по примеру Агентства РК по чрезвычайным ситуациям.

Принимая во внимание целый ряд факторов, нам представляется более эффективным первый вариант реформирования аэрокосмического Комитета, поскольку существующая структура государственного управления аэрокосмической отраслью Республики Казахстан (Схема 1 на странице 25) не соответствует реалиям сегодняшнего дня.

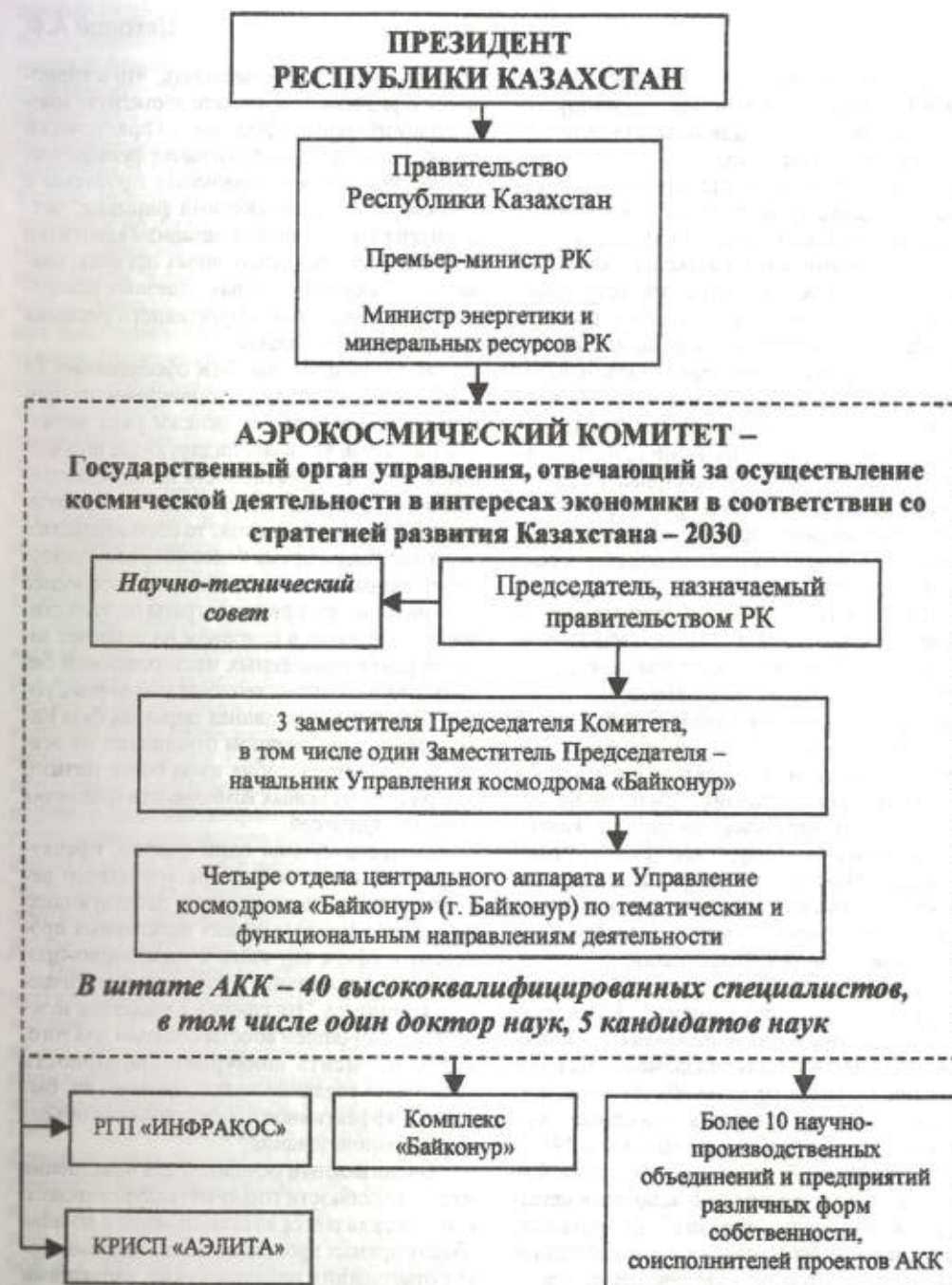
Космодром «Байконур» является основным звеном космического комплекса Республики Казахстан с балансовой стоимостью 15,8 млрд рублей в ценах 1991 года. Его полноценное функционирование, а также дальнейшая долгосрочная программа по традиционному взаимовыгодному сотрудничеству Республики Казахстан с Российской Федерацией в аэрокосмической сфере будет служить гарантом обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Литература:

1. Молдабеков М. О космодроме «Байконур» и космической деятельности Республики Казахстан // Мы и Вселенная. – 2000. – № 3. – С. 15.
2. Латышова Е. Хотелось бы, чтобы какая-то часть денег от аренды и использования Байконура шла на развитие космической деятельности // Панорама. – 2001. – 9 февраля.
3. Агапов В. Космодром «Байконур» становится гражданским // Новости космонавтики. – 1999. – № 8. – С. 43 – 44.
4. Там же.
5. Кубирова И., Казяков С. «Байконур»: страницы летописи космодрома // Мы и Вселенная. – 2000. – № 3. – С. 23.
6. Агапов В. Указ. соч. – С. 45.
7. Горев С. Главное богатство Байконура – это люди // Новости космонавтики. – 2000. – № 3. – С. 56, 57.
8. Закон РК «О государственной службе» от 23 июля 1999 г. № 453-І ЗРК.
9. Молдабеков М. Указ. соч. – С. 6.

Схема 1.

АЭРОКОСМИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

РАЗВИТИЕ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КАЗАХСТАНА

Цеховой А.Ф.

В одном из интервью Президент Республики Н.А.Назарбаев отметил, что по стратегической значимости для Казахстана горно-металлургический комплекс (ГМК) не уступает нефтегазовой отрасли, а в некоторых отношениях даже превосходит ее. С этим нельзя не согласиться, ибо, используя традиционный ресурс этого комплекса, Казахстан сможет сделать прорыв и войти в число индустриально развитых стран, подобно таким государствам, как Канада и Австралия, имеющим, как и Казахстан, большую территорию и значительные запасы полезных ископаемых. Сегодня вряд ли кто-то из политиков рискнет называть Канаду и Австралию «сырьевыми придатками» других государств. Это индустриально развитые государства, которые, умело регулируя ресурсами именно горно-металлургического комплекса, поддерживают высокий уровень своих экономик.

Горно-металлургический комплекс с точки зрения стабильной составляющей в формировании ВВП нашего государства является более жизнеспособным, чем нефтегазовый. Конъюнктурные изменения, разброс цен и потребителей в ГМК значительно меньше, чем в нефтегазовой отрасли, а сам рынок его товарной продукции более устойчив. Тем более не следует забывать, что Казахстан занимает ключевые позиции по хрому, урану, ряду цветных металлов. Поэтому существует реальная возможность стратегического управления этими ресурсами, особенно с учетом новых факторов глобализации мировой экономики.

За прошедшие 10 лет на предприятиях горно-металлургического комплекса Казахстана произошли существенные перемены [1]. Осуществлена приватизация горнодобывающих предприятий. Созданы крупные объединения, специализированные по отраслям и имеющие полные технологические циклы. Начиная с 1999 г. происходит рост общих объемов продукции. Финансовое состояние горнодобывающих и металлургических предприятий стабилизировалось, чему также способствовали рост цен на некоторые цветные металлы и увеличение спроса на черные металлы на мировом рынке.

Сегодня можно утверждать, что в горно-металлургическом комплексе достигнуто много положительных эффектов, он практически полностью восстановлен и начал функционировать. Решаются возникающие проблемы с инвесторами, управляющими фирмами, четко виден развивающийся механизм адаптации деятельности государственных органов, связанных с добычей твердых полезных ископаемых, в направлении эффективного решения задач недропользования.

В последние годы ГМК обеспечивает 23 – 26% от всего объема промышленного производства в стране. По запасам ряда металлов Казахстан занимает лидирующее положение в мире и эффективность их использования имеет для республики большое стратегическое значение. Беспокоит то обстоятельство, что в настоящее время более 90% всех инвестиций направляется на добычу и лишь менее 10% на разведку, причем затраты по этой статье производятся в основном на пересчет запасов ранее выявленных месторождений без проведения полевых геологоразведочных работ. При этом разведанная сырьевая база Казахстана в качественном отношении не всегда конкурентоспособна из-за более низкого содержания полезных компонентов и наличия вредных примесей.

Существует еще один фактор, препятствующий включению стратегического ресурса ГМК в число активно действующих. Речь идет о произошедших негативных процессах в сфере научного и инженерно-проектного обслуживания горно-металлургического комплекса. Эта сфера в Казахстане нуждается в скорейшем восстановлении для того, чтобы повысить конкурентоспособность ГМК через создание новых технологий, быстрое и эффективное проектирование объектов недропользования.

Очень важным моментом для повышения жизнеспособности горно-металлургического комплекса является восстановление в полном объеме прямых производственно-экономических отношений с предприятиями, входящими в инфраструктуру горно-металлургического

комплекса стран Евразийского экономического сообщества.

Анализируя параметры, характеризующие жизнеспособность предприятий и промышленных структур [2], можно констатировать, что жизнеспособность ГМК в Казахстане восстановлена. Здесь налицо: реализованный принцип продолжающейся деятельности; преодолены или преодолеваются трудности в финансировании деятельности этого комплекса; сбалансированы, балансируются долговые обязательства или имеются реалистичные перспективы их погашения; формируются и восстанавливаются основные фонды; величина чистых активов имеет тенденцию к положительному росту. Одновременно с этим объем невыполненных заказов минимален, а работа горно-металлургического комплекса уже не зависит от выполнения какого-либо одного или группы крупных заказов. Произошла определенная демополизация этой сферы с точки зрения как списка поставщиков оборудования, так и с точки зрения списка потребителей. Достаточно сказать, что, при отсутствии собственного производства взрывчатых веществ, три государства конкурируют за то, чтобы поставлять эту продукцию на рынок Казахстана: Россия, Китай и Турция. Это положительный момент, который уже реально существует.

Можно считать потенциально решенными и кадровые проблемы ГМК. Та утечка кадров, которая имела место в течение последних лет, не оказалась разрушительной, так как в условиях более интенсивной рыночной экономики специалистов требуется меньше, чем при плановой экономике. Сегодня можно говорить о том, что кадровое сопровождение горно-металлургического комплекса соответствует задачам, которые перед ним стоят. Этому способствует и завершившаяся по существу перестройка всей системы высшего образования Республики Казахстан.

Важным резервом развития горно-металлургического комплекса является его информатизация [3]. Сегодня Казахстан существенно отстает в области внедрения информационных компьютерных технологий в базовых отраслях промышленности, в том числе и в ГМК. Главным недостатком имеющихся информационных систем (ИС) горно-металлургического комплекса Республики Казахстан является отсутствие баз данных, согласованных по структуре и содержанию между собой и с другими промышленными базами данных. Практически отсутствуют эксперт-

ные системы для оценки эффективности инвестиций. Разнородна техническая база ИС ГМК. Сертификация программных средств, поступающих в республику и связанных с использованием в процессе проектирования и заключения контрактов, не проводится. При заключении договора на разработку месторождения не оговариваются условия информационного взаимодействия недропользователей с государственными органами, ввиду чего затрудняется контроль за рациональным использованием недр и исполнением условий контракта в полном объеме. Это чревато не только экономическими потерями, но и ухудшением экологической ситуации в местах добычи и переработки полезных ископаемых. До 1999 г. не осуществлялась подготовка инженеров-системотехников для разработки и эксплуатации информационных систем ГМК. С сентября 1999 г. подготовка таких специалистов начата в Казахском национальном техническом университете на кафедре компьютеризации технологических процессов и производств.

В перспективе для развития горного производства в Казахстане требуются разработка новых технологий переработки руд с низким содержанием полезных компонентов, обеспечение комплексности использования минерального сырья, а также вовлечение в производственные циклы техногенных месторождений. Большое значение для решения этой задачи имеет процесс информатизации отрасли. Располагая информацией о минеральных богатствах недр нашей страны в виде стандартизированных и пополняемых компьютерных баз данных, ученые-эксперты смогут реально способствовать принятию оптимальных решений по управлению ГМК. В условиях ограниченных ресурсов на восстановление инфраструктуры инженерно-научного обслуживания отрасли экономически целесообразно применить методику выполнения экспертиз по принципу «телеработы» с использованием телекоммуникационных сетей.

Очень важной с точки зрения активизации деятельности ГМК является общественно-политическая работа, проводимая общественными объединениями, политическими партиями и движениями, реально способствующими реализации Стратегии – 2030 путем вовлечения научно-технического потенциала в эти процессы. Так, в сентябре 2000 года Центрально-Азиатским горнопромышленным союзом, объединяющим известных ученых Казахстана, работающих в области недропользования, проведен общественно-научный

аудит состояния горно-металлургической отрасли, результаты которого представлены в сборниках трудов Международной конференции «Горное дело, геология и металлургия». В этих уникальных материалах содержится много полезных предложений по развитию горно-металлургического комплекса Казахстана, рациональному использованию минеральных ресурсов, привлечению инвестиций. Большое внимание уделено проблемам разработки твердых полезных ископаемых, внедрения новых информационных технологий в практику управления предприятиями горно-металлургического комплекса и подготовки инженерных кадров.

Конференция дала возможность убедиться, что в нашем казахстанском обществе сформировались конструктивные силы, представленные в значительной степени технической интеллигенцией государства, которая, наряду с глубокими профессиональными знаниями, обладает общественно-политическим потенциалом, необходимым для активизации всех процессов в рассматриваемой сфере деятельности. Вся работа по подготовке и проведению конференции осуществлялась на общественных началах, что явно свидетельствует о патриотизме инженерно-технического корпуса нашего государства. В контексте рассматриваемой проблемы заслуживает внимания конференция по новым технологиям переработки бедных руд и отвалов, прошедшая недавно в институте «ВНИИцветмет» (г. Усть-Каменогорск) с участием японских специалистов. Сказанное позволяет утверждать, что научно-техническая интеллигенция нашего государства сумела самоорганизоваться через систему конференций, семинаров, научных публикаций, не требуя при этом государственных ресурсов.

Существует еще и другая проблема, которая требует к себе определенного внимания. Речь идет о том, что основные инвестиции осуществляются, как правило, в крупные объекты по индивидуальным проектам. Однако остаются не вовлеченными в разработку многие малые и средние месторождения полезных ископаемых. Это происходит по той причине, что крупные инвесторы не хотят вкладывать капитал в производство с малыми объемами производства и отдаленной перспективой получения прибыли. Отечественные инвесторы не всегда уверены в твердости государственных гарантий и устойчивости системы налогообложения. Представляется, что для преодоления возникшего противо-

речия государство может взять на себя роль активного катализатора процесса вовлечения в разработку малых и средних месторождений. Это может быть достигнуто путем создания акционерных обществ со значительной долей государственного капитала по созданию обслуживающих ГМК предприятий по ремонту большегрузных автосамосвалов, крупной техники, производству взрывных работ и др. Большую положительную роль в этом процессе могут сыграть межнациональные компании по лизингу техники и технологии, создаваемые в сфере недропользования в рамках Евразийского экономического сообщества.

Особое место в развитии ГМК принадлежит реструктуризации инфраструктуры его проектного обеспечения. При этом нет необходимости восстанавливать ее в прежнем виде. Потребуется относительно небольшие государственные ресурсы под программу создания информационных распределенных систем для проектирования предприятий недропользования в сфере малого и среднего бизнеса, финансируемую посредством специальных грантов. Такая работа в настоящее время проводится кафедрой компьютеризации технологических процессов и производств Казахского национального технического университета. На этой кафедре ведутся также фундаментальные исследования в области создания моделей и систем искусственного интеллекта для последующего выполнения прикладных разработок, направленных на решение производственных, проектных и консалтинговых задач недропользования.

Актуальность прикладных исследований в этом направлении обусловлена, прежде всего, тем, что компании, эксплуатирующие малые и средние месторождения, являясь, как правило, отечественными недропользователями, не располагают достаточными финансовыми ресурсами для приобретения дорогих специализированных программных средств и систем проектно-инжинирингового сопровождения своей деятельности. Но даже если они и располагают необходимыми ресурсами, то вряд ли станут приобретать вышеуказанные средства и системы из-за того, что в условиях разработки рассматриваемой категории объектов большая часть расчетных возможностей таких систем, как Datamine, Vulcan, Surpac, Micromine, Gemcom и др., окажется попросту ненужной.

Таким образом, приходим к выводу, что реализация приоритетов, связанных с горно-металлургическим комплексом, лежит в двух

сферах. С одной стороны, это реализация разработанной Министерством энергетики и минеральных ресурсов Программы развития горно-металлургического комплекса, а с другой стороны, – подключение к этой программе научно-технического потенциала страны через такие общественные объединения, как Центрально-Азиатский горнопромышленный союз, Международная академия информатизации, Инженерная академия.

Такие объединения могут осуществлять независимую экспертизу новых технологий и научно-технических проектов. На базе общественных объединений возможно создание Координационного научно-технического совета из числа известных ученых и инженерно-

технических работников для проведения независимой экспертизы, экологического и технологического мониторинга объектов недропользования, инвестиционных проектов, проектов новых объектов с учетом законодательства Республики Казахстан и требований международных и отечественных стандартов. Очень важны работы, связанные с мониторингом приватизированных объектов, с проверкой, насколько выполняются заключенные крупными иностранными инвесторами контракты с государством. Весь этот комплекс мероприятий позволит обеспечить устойчивое, безопасное и эффективное развитие нашего государства, вступившего десять лет назад на путь независимости.

Литература:

1. Школьник В.С., Рясков Е.Я., Рыспапов Н.Б. Привлечение научно-технического потенциала для реализации Программы развития ГМК Республики Казахстан // Труды Первой международной научно-практической конференции «Горное дело в Казахстане. Состояние и перспективы», – Алматы, РИО ВАК РК, 2000.
2. См.: Чикунев Е.П. Аудиторская оценка жизнеспособности предприятия // Дайджест директор. – 2000. – № 7.
3. Цеховой А.Ф. Основные направления исследований в области моделирования и развития информационных систем ГМК Казахстана // Труды Первой международной научно-практической конференции «Горное дело в Казахстане. Состояние и перспективы», – Алматы, РИО ВАК РК, – 2000.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КАЗАХСТАНА И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Султанов Б.К.

Президент Н.А.Назарбаев в своей книге «На пороге XXI века» пять лет назад обратил внимание, что «...после колоссальных политических сдвигов на стыке 80-х и 90-х годов нашего столетия мир стал гораздо более непредсказуемым. ...Сегодня невозможно создать ту простую картину международных отношений, к которой мы привыкли в течение 50 послевоенных лет, когда весь мир был поделен на две огромные зоны влияния».

И действительно, человечество в новом тысячелетии столкнулось с новыми вызовами и проблемами, связанными с глобальной перестройкой существующего миропорядка.

Мы являемся очевидцами безудержного процесса глобализации, характеризуемого углублением межгосударственных и межобщественных отношений и стремительным ростом глобальных торговых и финансовых потоков, транснациональных предприятий, кон-

тактов между различными культурами, универсальностью мировой науки, с одной стороны, загрязнением окружающей среды, ростом международной преступности, других негативных явлений, с другой. Ни одно государство мира не сможет остаться в стороне от мировых процессов и развиваться обособленно при закрытых границах.

На состоявшемся в сентябре прошлого года в рамках 55-й сессии Генеральной ассамблеи ООН Саммите тысячелетия – крупнейшего в современной истории форума глав 188 государств и правительств мира было указано на проблемы глобального характера, которые можно решить только усилиями всего мирового сообщества: рост населения планеты, трудно поддающиеся урегулированию конфликты, геноцид и этнические чистки, нищета, изменения в климате планеты, преступность, наркотики, терроризм.

Можно привести в качестве примера только один факт: в 1999 году население нашей планеты перевалило 6-миллиардный рубеж. К середине XXI века ожидается демографический взрыв, в результате чего население Земли достигнет 9 миллиардов человек. Для сравнения в 1960 году население планеты составляло только 3 миллиарда человек.

При оценке воздействия мирового демографического фактора на Казахстан необходимо иметь в виду следующее:

- во-первых, развитие демографической ситуации в Китае и Узбекистане, которое всем известно и не нуждается в комментариях;

- во-вторых, по подсчетам Госкомстата России, численность россиян в 2050 году уменьшится на 50 млн человек. Оставшихся трудоспособных граждан будет недостаточно для такой огромной страны, как Россия. На многих предприятиях просто некому будет работать. По словам руководителя Департамента социального развития аппарата Правительства Российской Федерации Е.Гонмахера, «...если в самое ближайшее время не предпринять энергичных мер, то Россия не сможет адекватно парировать эту серьезнейшую угрозу, и тогда мы окажемся в числе третьеразрядных «сырьевых» стран». Поэтому, считает Е.Гонмахер, наряду с усилиями, направленными на подъем экономики, повышение уровня жизни, снижение смертности, Россия должна «широко открыть границы для массового приезда иммигрантов. Речь прежде всего идет о русском населении, проживающем в странах СНГ, границы должны быть открыты для всех русскоязычных без исключения (и из ближнего, и из дальнего зарубежья), желающих приехать на свою историческую родину».

В 90-е годы в Россию из стран СНГ и Балтии прибыло 8 млн чел. Одновременно выехало из страны (в том числе и в дальнее зарубежье) 4 млн чел. По оценкам Е.Гонмахера, «русских в ближнем зарубежье 10 – 11 миллионов. Из них 4 – 5 миллионов могли бы в ближайшее время перебраться в Россию».

До сих пор попытки проводить скоординированную политику решения вышеуказанных проблем глобального характера не принесли успеха.

Поскольку политика в международном масштабе делается на трех уровнях: в международных организациях, в региональных блоках и союзах, а также в национальных государствах, глава нашего государства предложил на Саммите тысячелетия, чтобы и ООН и на-

циональные правительства взяли на себя следующие обязательства:

- с одной стороны, каждая страна должна четко и ответственно определить свои позиции в процессах глобализации, чтобы предусмотреть и максимально нейтрализовать возможные негативные проявления;

- с другой, в рамках модернизации своей деятельности в качестве одной из приоритетных задач ООН могла бы взять на себя разработку модели глобализации, максимально учитывающей интересы всех, условно говоря, обделенных государствах.

Как известно, после окончания второй мировой войны человечеству, «благодаря» угрозе взаимного ядерного уничтожения, на полвека удалось вначале заморозить ядерную мировую войну на уровне «холодной войны», а затем и ликвидировать ее возможность.

К сожалению, сегодня окончательно испарились надежды на прекращение войн, которые возникли после окончания «холодной войны». После падения Берлинской стены разразилось более сорока так называемых малых войн, в которых погибло почти 5 млн человек. По данным Лондонского института стратегических исследований только в 2000 году погибло 100 тысяч человек, в основном гражданское население. Миллионы людей стали беженцами.

Эти людские страдания являются во многом следствием непомерных амбиций политиков и просто нечистоплотных людей, рвущихся к власти любой ценой или уже пришедших к ней на волне популизма, национализма и социальной демоагнонии.

Тем, кто сознательно или бездумно окружает и поддерживает этих горе-политиков, хотелось бы напомнить слова поэта И.Бродского, о том, что «в настоящей трагедии гибнет не герой, гибнет хор». Посмотрите вокруг, разве мало таких примеров, только на постсоветском пространстве, где были пролиты океаны не слез, а крови: Нагорный Карабах, Приднестровье, Абхазия, Чечня, Таджикистан.

Поэтому необходимо, чтобы в ООН, влиятельных международных региональных организациях, таких как ЕС, ОБСЕ, были созданы эффективные институты, не только предупреждающие о назревающих конфликтах, но и способные, при содействии всемирного сообщества, ликвидировать социальные и экономические причины конфликтов на зародышевой стадии. В этом случае есть надежда, что новый век станет веком мира и сотрудничества, а не конфликтов и насилия.

Серьезную озабоченность не только у граждан Казахстана, но и во всем мире вызвали террористические действия международных бандформирований в 1999 – 2000 гг. на территории соседних Кыргызстана и Узбекистана.

Задолго до появления бандформирований в Сурхандарьинской области в Казахстане были предприняты профилактические меры с целью недопущения боевиков из Афганистана на территорию Казахстана. В частности, был усилен визовый режим, пограничный и таможенный контроль на отдельных участках границы на южном направлении, а также на транспорте, была проведена проверка религиозных организаций, усилен контроль за миграционными и туристическими потоками.

Еще в 1999 году, предвидя развитие событий в Кыргызстане и Узбекистане, на южной границе были сформированы пограничные отряды, выставлен ряд контрольно-пропускных пунктов.

В первой половине 2000 года был создан Южный военный округ.

С целью обеспечения координации международных усилий по борьбе с международным экстремизмом и терроризмом в 2000 году был проведен ряд международных переговоров.

На январском саммите лидеров СНГ в Москве нашла поддержку казахстанская инициатива о необходимости разработки программы борьбы с преступностью и создания единого Антитеррористического центра.

По итогам апрельского саммита глав государств Центральной Азии по вопросам региональной безопасности в Ташкенте был подписан Договор о совместных действиях по борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом, транснациональной организованной преступностью и иными угрозами стабильности и безопасности.

Во время официальных визитов главы нашего государства летом 2000 года в Душанбе и Москву были обсуждены вопросы совместных усилий по борьбе с экстремизмом и терроризмом, наркобизнесом, организованной преступностью, а также перспективы военно-технического сотрудничества и партнерства в области безопасности.

На состоявшемся в июле 2000 года саммите глав государств – членов «шанхайской пятёрки» большое внимание было уделено проблемам борьбы с терроризмом, экстремизмом, наркоторговлей, национальным сепара-

тизмом. Было принято решение о том, что встречи руководителей правоохранительных, пограничных, таможенных организаций и спецслужб стран «шанхайской пятёрки» перейдут на регулярную основу.

В августе вопросы борьбы с международным терроризмом и религиозным экстремизмом были обсуждены в Бишкеке на заседании глав государств – участников Ташкентского соглашения. Как известно, участники встречи обратились к Совету Безопасности ООН, ОБСЕ, ОИК, ко всем государствам мира не только решительно осудить международный терроризм, но и перейти от деклараций к выработке скоординированных практических мер.

На Саммите тысячелетия ООН президентом Казахстана был поставлен вопрос о необходимости специального заседания Совета Безопасности ООН, посвященного рассмотрению ситуации в Афганистане и Центральной Азии для разработки практических мер по стабилизации ситуации в этом регионе.

10 октября в Астане главы Казахстана, Беларуси, России, Кыргызстана, Таджикистана подписали договор о создании на базе Таможенного Союза новой международной экономической организации – Евразийского Экономического Союза.

11 октября в Бишкеке состоялась очередная сессия глав государств – участников Договора о коллективной безопасности, на котором были приняты конкретные документы, касающиеся взаимодействия вооруженных сил Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана в случае возникновения угрозы территориальной целостности одной из стран. Принято решение о создании региональных систем безопасности, в частности, в Центральноазиатском регионе. Определен статус войсковых группировок, которые будут проводить совместные учения, а при необходимости и воевать под единым руководством.

30 ноября – 1 декабря в Минске состоялась очередная саммит СНГ, на котором было утверждено положение об Антитеррористическом центре – органе, призванном координировать действия силовых структур стран СНГ в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом.

Рассадником международного терроризма, политического и религиозного экстремизма является Афганистан, раздираемый гражданской войной. Нестабильность, бедность в этой стране превратили ее территорию в плац-

дарм распространения экстремизма, международного терроризма не только в Центральной Азии, но и по всему миру.

В Казахстане проводится соответствующая работа по борьбе с распространением наркотиков: полностью сформирована соответствующая правовая база. Казахстан присоединился ко всем конвенциям ООН по борьбе с наркотиками. В мае 2000 года была утверждена Стратегия Программы по борьбе с наркомагией и наркобизнесом, рассчитанная на 5 лет.

К сожалению, Казахстан не имеет возможности самостоятельно установить заслоны на пути международного наркотрафика: не хватает техники, позволяющей обнаруживать наркотические вещества, не хватает квалифицированных специалистов, специально обученных собак. В этой связи необходима консультационная, техническая и финансовая поддержка международных организаций.

Требуют решения на международном уровне следующие проблемы:

- разрешение спорных территориальных вопросов с последующей делимитацией и демаркацией границ;

- водная проблема. По данным западных экспертов в XXI веке войны будут происходить не из-за нефти, которой в ближайшие двадцать лет найдут заменитель, а из-за питьевой воды, которой нет альтернативы. Учитывая, что истоки в нашу страну находятся в Ки-

тае и Кыргызстане, надо уже сейчас заняться этими вопросами;

- нефть и загрязнение окружающей среды в Каспийском регионе. Уже сейчас поступают тревожные сигналы из Атырауской и Актауской областей.

На наш взгляд, для решения этих проблем, наряду с двусторонними отношениями, сейчас на первый план должна выйти политика в рамках региональных систем безопасности, доказавших свою перспективность.

В первую очередь это относится к Договору о коллективной безопасности, Евразийскому экономическому сообществу, Центральноазиатскому экономическому форуму, которые имеют достаточно предпосылок для углубления своих интеграционных возможностей.

В последнее время достаточно активно развиваются отношения стран — членов «шанхайской пятёрки». Процесс реализации договоренностей в рамках этой организации принимает все более последовательный характер. Встречи глав государств «шанхайской пятёрки» становятся постоянной практикой. Причем на этих встречах обсуждается более широкий круг вопросов, выходящих за рамки «Соглашения об укреплении мер доверия в военной области в районе границы» и «Соглашения о сокращении вооруженных сил в районе границы». Таким образом, налицо тенденция выхода отношений стран «шанхайской пятёрки» за рамки первоначальных соглашений.

Внутренние факторы

Казахстан и другие страны Центральной Азии находятся в зоне повышенной опасности. И основная угроза может идти не сколько извне, сколько из существующей социально-экономической обстановки в регионе. На данный момент к внутренним факторам, способным выступить в роли детерминанты распространения экстремизма в Центральной Азии, можно отнести:

1. Духовный и идеологический кризис, приводящий к появлению вакуума, который может быть заполнен идеями экстремистского характера.

2. Бедность основной массы населения и безработица, что создает почву для возникновения и распространения радикальных и агрессивных идей и форм их реализации.

3. Концентрация политической власти в одних руках и репрессии по отношению к оппозиции, что увеличивает уровень политической напряженности и опасность появления тайных радикальных политических террористических групп.

4. Потеря контроля над собственной территорией и увеличение регионального сепаратизма в некоторых странах региона.

Вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что главными причинами и факторами, порождающими терроризм, являются причины социально-политического характера. К ним можно отнести и обнищание значительной массы населения, и увеличение разрыва в распределении материальных благ, а также острые социальные, национальные или конфессиональные противоречия, которые являются благодатной почвой для разгула насилия и терроризма во всех его разновидностях. Это, кстати, подчеркнул и один из видных экспертов, специальный советник ватингтонского Центра стратегических и международных исследований Арно де Борчрейя, по мнению которого, рассадником терроризма является нищета и экономическая отсталость. Но хотелось бы обратить внимание на то, что вряд ли стоит связывать рост террористических акций только со снижением жизненного уровня населения, как это пытаются делать некоторые исследователи. Не исключая значительного влияния бедности на повышение радикализации общественного сознания, необходимо помнить, что пример той же Западной Европы этого не доказывает. Не следует сводить причину расцвета политического экстремизма лишь только к социально-экономическому факто-

ру, тем более что это не дает ответа на самый главный вопрос: «Почему современный политический экстремизм появился и начал активно развиваться именно в начале XX века?», как утверждают некоторые авторы.

Конечно радикальные политические акции, убийства политических деятелей совершались на протяжении всей политической истории человечества. И целью многих таких действий была попытка сменить прежний политический курс (например, убийство Авраама Линкольна). Но, в большинстве случаев, многочисленные перевороты, путчи и политические убийства были инициированы представителями контрэлиты, которыми нередко двигали не столько идеологические мотивы, а сколько меркантильные интересы. При этом объект политического экстремизма был вполне конкретен, и очень часто причина его ухода в мир иной была известна только посвященным. Политический радикализм прошлого был рассчитан не на широкий резонанс, а лишь для внутреннего внутризлитного пользования. Современный экстремизм также направляет свой удар против государственной власти и ее конкретных носителей, но посредством использования «слепого» или «рассеянного» терроризма, жертвами которого становятся в первую очередь случайные люди.

Как ни парадоксально это звучит, но одной из главных причин расцвета современного терроризма явилась мировоззренческая революция эпохи Просвещения, в результате которой произошло отделение индивидуума от государства. Этапистская идеология античности и средневековья была сдерживающим фактором для активизации тех или иных экстремистских организаций, которые уже могли наделять себя правом быть носителями иной идеологии, чем государственная. Все это подкреплялось возникновением как идей о неизбежном отмирании государства, так и теорий нравственного нигилизма. И можно полностью согласиться с тем мнением, что одной из главных предпосылок для расцвета терроризма является духовно-идеологический кризис общества, ведущий к делегитимации власти в глазах определенных слоев населения, который порожден неуклюжестью политической системы в отношении реакции на существующие социальные требования и ожидания.

Более того, если исходить из вышеизложенного определения «экстремизма», то главная причина его появления заложена в самом

ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сампаев Д.А.

При изучении террористической деятельности в первую очередь следует иметь в виду ее политическую подоплеку, а не только рассматривать ее как акт реального или гипотетического ущемления. Поэтому, с нашей точки зрения, под терроризмом следует понимать радикальную форму политического поведения, часто проявляющуюся в подпольной, вооруженной, диверсионной деятельности, направленной на достижение определенных политических целей посредством угрозы применения или применения насилия против лич-

ности, общества, политической системы, идеологическо-духовной и социально-экономической структуры государства.

Опираясь на вышеуказанное теоретическое толкование экстремизма и терроризма, а также на анализ внутривнутриполитической ситуации в центральноазиатских государствах относительно проявления экстремистских тенденций, можно попытаться выявить основные факторы, благоприятствующие распространению экстремизма и влияющие на его специфику.

механизме функционирования политической системы. То есть, если экстремизм существует в той или иной политической системе, это означает, что в самой системе что-то не так. Нужно признать, что экстремизм неискореним, по сути, поскольку представляет собой ту самую туберкулезную палочку, которая перманентно находится внутри государственного организма и готова развиваться при благоприятных условиях. Более того, можно сказать, что экстремизм и радикальная форма в виде терроризма как источник насилия порожден амбивалентной сущностью самой государственной власти, одним из признаков которой М.Вебер считал наличие легитимного права на насилие. Но даже если это право легально и легитимно, то, с извращенной точки зрения того же политического террориста, он имеет такое же право по отношению к государству. Таким образом, терроризм реализуется как процесс самолегитимации и самолегализации насилия в глазах субъекта терроризма.

В свою очередь, это открывает шлюзы для политического, религиозного, националистического экстремизма. Здесь вполне оправдано звучат слова бывшего министра внутренних дел Франции Христиана Боннэ, который считал, что терроризм – это явление не новое в истории. Но имеется существенная разница между терроризмом сегодняшнего дня и терроризмом прошлого. Терроризм сегодняшнего дня – это результат определенной интеллектуальной логики, результат философии насилия, которой не существовало в XIX веке. Появление глобального информационного пространства и развитие электронных СМИ дали новую жизнь политическому экстремизму, так как, по выражению Маргарэт Тэтчер, освещение в СМИ деятельности террористов является настоящим кислородом для них.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что именно трансформация мировоззренческих полей и духовно-идеологический кризис оказывают значительное влияние на уровень и состояние политического экстремизма. Это подтверждает и анализ деятельности большинства террористических групп, который показывает, что экстремизм часто является порождением идейного вакуума. Духовный и идеологический кризис почти всегда приводит к появлению идейной пустоты, которая может быть заполнена идеями экстремистского характера.

Как уже указывалось ранее, если проследить эволюцию терроризма в XX веке, то пик

террактов на Западе пришелся на конец 60-х и 70-х гг., что полностью разрушило существовавшие иллюзии относительно наличия устойчивого иммунитета развитых стран против терроризма. И было бы смешно увязывать богатый урожай на террористические акты с энергетическим кризисом в 70-е г., который нанес значительный экономический удар по Западу.

В данном случае низкий жизненный уровень не являлся главной детерминантой насилия в форме терроризма. В его основе лежала другая причина, а именно: ренессанс левого и правого радикализма как результат разочарования определенной части населения, представляющей в основном интеллектуальную студенческую среду, в существующей модели политического развития западных стран. Наглядным примером здесь может быть история становления «Красных бригад» в Италии, которые в большинстве своем состояли из студентов, имевших крайне левые взгляды и намеревавшихся построить на территории Италии социалистическое государство.

Все вышесказанное относится не только к политическому субверсивному терроризму, направленному на дестабилизацию и полное разрушение той или иной политической системы путем разнообразных методов насилия (убийства политических деятелей, взрывы, захват заложников). Это имеет отношение и к терроризму, в основе которого лежат религиозные или сепаратистские мотивы, так как очень трудно провести грань между всеми типами терроризма, изначально имеющих антигосударственную и антиконституционную направленность.

При этом здесь имеется в виду доморощенный терроризм, который возникает и развивается самопроизвольно внутри той или иной политической системы, благодаря сложившимся внутрисистемным факторам.

Но, как считают многие эксперты-террологи, в настоящее время терроризм становится своего рода индустрией, работающей на экспорт. Речь идет уже не об одной группе, «вдохновленной» деятельностью или идеями «коллег-террористов» из другой страны и перенимающих их опыт, а о налаживании террористическими группами из различных стран сложных взаимоотношений, включающих такие сферы, как оперативно-боевую подготовку, материально-техническое сотрудничество, в том числе в области вооружения, а также совместное проведение акций.

В частности, хорошо известны факты сотрудничества между палестинскими террористическими организациями и представителями японской «Красной армии». Стоит вспомнить и то, что боевики Курдской рабочей партии проходили подготовку в лагерях палестинских партизан в Сирии и Ливане.

Что касается Казахстана, то здесь не исключено появление каких-нибудь левачских, марксистских или социалистических террористических групп, по типу кolumбийских левых повстанцев или перуанской «Тупака Амару», которые могут избрать терроризм как ответ на репрессивные действия местных властей. Не исключено возникновение в республике и праворадикальных или неонацистских групп из среды «потерянного поколения», как это происходит в России, где официально действует профашистское «Русское Национальное Единство» или в Беларуси, где появилась некая «Армия праворадикальных реформ: «Нова парадок» («Новый порядок»), которая объявила войну сотрудникам ОМОНА, принимавших участие в разгоне демонстраций оппозиции.

Кроме этого, радикальная молодежь может представлять собой активную социальную базу для тех или иных религиозных сект наподобие «Белого лотоса», небезызвестного «Аум Синреке» или расцветающего религиозного экстремизма. Для последнего в ЦАР могут сложиться вполне тепличные условия в случае окончательной победы талибов в Афганистане, когда странам Центральной Азии следует ждать появления «нежеланных гостей» в образе экстремистских исламских групп, которые имеют большой опыт подпольной деятельности, как это произошло в Кыргызстане и Узбекистане. И именно в этом случае Казахстан может столкнуться с такой проблемой, как появление профессиональных казахстанских террористов, прошедших подготовку за рубежом не без помощи радикальных исламских группировок.

То, что для Казахстана пока имеет гипотетический характер, для соседней России это уже стало реальностью – теракты, организованные профессионалами, прошедшими школу в Пакистане, Афганистане или Чечне, стали головной болью ФСБ. Вполне возможно, что эта головная боль появится и у наших спецслужб, которые должны принимать во внимание опасное соседство с государствами, где политический терроризм может выйти за государственные границы.

Но мир терроризма был бы не полным без упоминания таких многовариантных ти-

пажей, как террорист-одиночка. Этот тип может иметь свои подвиды в форме террориста-романтика, террориста-уголовника, фанатика или психически неуравновешенного человека.

Внешние факторы

К концу 90-х гг. Казахстан и другие страны Центральной Азии впервые столкнулись с реальной, а не гипотетической опасностью распространения экстремистских идей, облеченных в форму террористической деятельности. Более того, республика оказалась зажата дугой нестабильности, которая окружает ее практически по всему периметру границ. События на Северном Кавказе, связанные со второй чеченской войной, фактически поставили под угрозу весь прикаспийский регион и раскрутили новую спираль политического терроризма. Февральские взрывы в Ташкенте, которые до сих пор не получили своей объективной оценки; Баткенский инцидент в Кыргызстане, грозивший привести к внутривнутриполитическому кризису в этой республике; локальные военные столкновения с экстремистами в Узбекистане; латентная политическая напряженность между государствами Центральной Азии; перманентная нестабильность в СУАР; активизация афганских наркокартелей – все это говорит о том, что наша республика входит в полосу стабильной нестабильности, грозящей подорвать хрупкий баланс сил и интересов в региональных рамках.

Вообще стоит отметить, что, начиная с 1999 года, для Центральной Азии начался период активизации политического радикализма. Судя по всему, наш регион начинает оправдывать концепцию Збигнева Бжезинского о существовании «мировой зоны распространения насилия», куда, кстати, входит и Казахстан. Если раньше основным очагом напряжения и экстремизма был Таджикистан, то теперь границы этого очага существенно расширились, вначале затронув Узбекистан, а теперь и Кыргызстан. Для этих государств политический экстремизм – уже не гипотетическая угроза, а жестокая реальность, что лишь в очередной раз подтвердило мнение об иллюзорности существующей региональной безопасности. Можно с полной уверенностью говорить, что страны региона стоят на пороге серьезных испытаний, с которыми они никогда еще не сталкивались.

Но насколько Казахстан готов к встрече нового врага, о котором местные аналитики говорят уже достаточно давно? Вряд ли на

этот вопрос будет дан однозначно положительный ответ, если вспомнить о «боеготовности» нашей армии, когда, по сведениям некоторых экспертов, на единицу нашей суверенной площади приходится 1/68 численного состава войск, означающее, что каждый солдат должен охранять 68 кв. км. территории, тогда как в Китае это соотношение равняется 1/3,2, а в США – 1/5,5. При этом речь не идет, будет ли этот солдат полностью укомплектован, чтобы выполнять боевую задачу или же нам придется обращаться к России за военной помощью, как это сделал Кыргызстан. Не стоит забывать и уже об упомянутом «социальном благополучии» основной массы населения, в среде которого процесс обнищания идет параллельно с процессом радикализации настроений, что может обелиться в разные формы политического экстремизма, будь то религиозный радикализм или фашизм в одежде терроризма.

Таким образом, можно сказать, что к внешним факторам, благоприятствующим распространению политического экстремизма и непосредственно терроризма, можно отнести:

1. Расположение стран центральноазиатского региона вблизи от горячих точек: Афганистан, Синьцзян-Уйгурский автономный округ, Тибет, Северный Кавказ, Кашмир, откуда может исходить опасность распространения политического и религиозного терроризма.

2. Межгосударственные противоречия внутри региона, которые могут повлиять на рост политического экстремизма.

3. Заинтересованность некоторых государств в дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в регионе для ослабления местных правительств и установления своего идеологического влияния.

Опасность распространения заключается также в том, что терроризм постепенно превращается в бизнес, на котором можно делать неплохие деньги. Естественно, как и во всяком бизнесе здесь есть свои продавцы и покупатели. Очень часто в качестве такого покупателя выступают государства, использующие террор для реализации своих внешнеполитических целей. Соединенные Штаты со свойственной им категоричностью относят такие государства (как, например, Сирию, Иран или Ливию) к государствам-террористам. Хотя если заглянуть в историю «холодной войны» и проследить эволюцию многих террористических организаций, то

можно увидеть, что большинство из них были порождены глобальным противостоянием США и СССР, в котором они играли роль инструмента в этой борьбе. Более того, значительная ответственность за то, что джихад терроризма был не только выпущен из бутылки, но и искусственно взращен, лежит на совести этих двух держав. Известно, что в семидесятые годы Москва не раз пыталась консолидировать курдские группировки, чтобы эффективно использовать их против Турции, США и НАТО в Восточном Средиземноморье. Руководители ЦК КПСС и КГБ неоднократно устраивали встречи лидеров обеих (КРП и ДПК) курдских партий в столицах среднеазиатских республик. В отношении США можно привести нашумевший в 80-е годы скандал по поводу секретной операции «иран-контранс», когда Вашингтон оказывал активную материально-финансовую помощь боевикам в Никарагуа, борющимся против левого сандинистского правительства Даниэля Ортеги. Здесь можно вспомнить историю скандально известного Осам бен Ладена, которого Белый Дом внес в список самых опасных террористов мира, хотя в 80-е годы этот новый «американский демон» активно сотрудничал с ЦРУ во время афганской войны с Советским Союзом.

Что касается Казахстана, то со стороны спецслужб иногда звучала довольно интересная информация о выявлении экстремистской политики в Казахстане со стороны некоторых исламских государств. Говорилось и о деятельности уйгурских террористических организаций, которые действуют на территории республики и способствуют контрабанде оружия в Синьцзян через Казахстан.

При этом стоит отметить, что социально-политическая обстановка в Казахстане в немалой степени будет зависеть от общего состояния региональной безопасности, которая оставляет желать лучшего. Уже в этом году, по сообщению немецкой газеты «Die Welt», федеральная служба Германии (BND) прогнозирует новый, «очень серьезный» конфликт в Центральной Азии. Как и за последние два года, это будет связано с нападением двух-трех тысяч исламских боевиков на Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан. Интересно, что по сообщениям BND, уже в этом году Россия может быть втянута в региональную войну, которая будет сопровождаться «очень тяжелыми боями» из-за горного ландшафта и невозможности использования тяжелой военной техники.

Комментируя данный аналитический материал немецкой разведки (BND), следует отметить, что данная спецслужба не первый раз, с постоянной регулярностью готовит такие исследования, внимательно анализируя ситуацию в конфликтных точках на постсоветском пространстве. Особенно там, где Германия имеет свои геополитические и экономические интересы. И Центральная Азия здесь не исключение, если вспомнить хотя бы, что в том же Казахстане, кроме уже вложенных инвестиций, имеется немецкая диаспора.

В прошлом году BND также прогнозировала активизацию политических экстремистов не только в Центральной Азии, но и на Северном Кавказе. Как показали прошлогодние события в регионе, процент «попадания» немецкой разведки «в яблочко» был достаточно большой, так как их прогнозы частично оправдались. Следует отметить, что ЦРУ США также указывало на то, что в начале нового столетия основной центр международного экстремизма будет перемещен с Ближнего Востока и Латинской Америки в Афганистан, что, естественно, отразится на ситуации в Центральной Азии.

В то же время следует иметь в виду, что одним из основных принципов аналитической работы всех спецслужб является предугадывание самого нежелательного и опасного развития событий с тем, чтобы иметь отработанный механизм превентивных мер. Это не означает, что все мрачные прогнозы сбываются на 100%. Хотя некоторые выводы BND вполне соответствуют мнению местных аналитиков о возможном развитии ситуации в Центральной Азии. Более того, предположение о том, что очередное нападение экстремистов следует ожидать весной этого года, центральноазиатские эксперты выдвигали еще осенью прошлого года, когда боевики снова ушли на зимовку в труднодоступные горные районы Таджикистана и в Афганистан.

Реальность данного прогноза достаточно высокая, учитывая прецеденты двух предыдущих конфликтов. Хотя некоторые аналитики, исходя из последних событий, связанных с попыткой Ташкента и Астаны наладить контакты с талибами, в том числе и через Пакистан, считают, что нового нападения может и не быть. Это произойдет, если лидеры Центральной Азии, признав талибов хозяевами Афганистана, получат от движения «Талибан» гарантию безопасности, в том числе и обязательства не поддерживать мес-

стных радикалов. Но такие оптимистические прогнозы не учитывают то, что Исламское движение Экематана было порождено не талибами, а, скорее, местными политическими системами, загнавшими политический ислам в подполье, как это было когда-то в Алжире. Поэтому основной целью тех же узбекских исламистов является не сколько создание халифата в рамках ФАНО (Фергана, Андижан, Наманган, ОШ), как это утверждает BND, а получение права на легальное политическое участие, как этого когда-то хотела исламская Объединенная Таджикская Оппозиция (ОТО) во время гражданской войны в Таджикистане. Как известно, ОТО своего добила, и результатом этого является пуск хрупкий, но мир.

Что касается роли России в Центральной Азии, о которой также говорилось в исследовании BND, то немецкая спецслужба, скорее всего, исходила из анализа тенденции расширения конфликта в регионе в течение последних двух лет. По самым мрачным прогнозам в ареал конфликта в этом году может попасть и Казахстан, что, естественно, не может не беспокоить Москву. При этом, по мнению экспертов Центральноазиатского агентства политических исследований (АПИ), экстремисты могут активизировать свою деятельность на спорных территориях, тем самым, спровоцировав межгосударственные столкновения в районе границ, которые являются одними из самых болевых точек в Центральной Азии. Такой разворот ситуации также невыгоден России, как, впрочем, Китаю, США и Ирану.

Кроме этого, можно согласиться с мнением немецкой разведки о том, что Россия не в состоянии «работать» на два фронта (Кавказ и Центральная Азия), увязнув в Чечне. Как считают некоторые российские эксперты, Москва крайне не заинтересована ввязываться в гипотетическую центральноазиатскую войну. Но это все-таки может произойти в двух случаях. Во-первых, если региональные экстремисты нанесут удар по российским пограничникам на афгано-таджикской границе. В этом случае экстремисты могут специально подставить талибов, нагнав на них Россию. Во-вторых, Москва примет решение о прямом вмешательстве в конфликт, если в него будет вовлечен Казахстан с его общими границами с Россией и значительным процентом русского населения. Тогда не исключено и появление российского воинского контингента в южных реги-

онах республики. В других случаях, Россия может ограничиться лишь военно-технической помощью или посылкой военных инструкторов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изжить экстремизм из политической жизни в одночасье вряд ли возможно. Особенно в современной обстановке, которая характеризуется нарастанием экономического кризиса, ослаблением правопорядка и ростом преступности. Даже в обстановке относительной политической стабильности исключить эксцессы экстремизма весьма не просто. Объясняется это как живучестью экстремистской психологии определенных социальных слоев, не нашедших своего места в социальной структуре общества, так и умением экстремистских лидеров реагировать и использовать в своих интересах неудовлетворенность простых людей сложившейся социально-экономической обстановкой.

Изживание экстремизма – длительный процесс, предполагающий создание необходимых объективных и субъективных условий для достижения этой цели. При этом невозможно уничтожить экстремизм силовыми, экстремистскими же средствами: насилие неизбежно порождает насилие. Важно убедить общество, все политические силы в том, что спекуляция на объективных трудностях и противоречиях, силовой вариант их решения – это путь, ведущий к национальной катастрофе.

Наиболее важной предпосылкой изживания экстремизма является стабилизация экономического и политического положения в стране, укрепление демократических принципов в общественно-политической жизни. Необходимо сформировать нормальное гражданское общество, в котором резко сузится социальная база экстремизма. Конечно, и в благополучных обществах возможны всплески социальной конфронтации, но они, как свидетельствует мировой опыт, значительно более редки, чем в обществах неблагополучных. Другая очень важная предпосылка – выработка и укоренение демократических традиций, становление и развитие политического и идеологического плюрализма, утверждение таких «правил политической игры», которые характеризуются взаимной терпимостью, отказом от конфронтационности в отношениях между различными социальными и политическими силами, поиском и нахождением консенсуса. Особенно важно, чтобы в государстве сформировалась стабильная демократическая политическая система, меха-

низмы цивилизованного политического диалогизма во всех центральноазиатских республиках. Необходимо, чтобы публикация. Одним из важнейших направлений стоящие у власти, исключили из своей деятельности глав центральноазиатских государств силовые приемы решения назревших проблем, учитывали настроения оппозиции, действовали по предупреждению, локализации, способствовали обеспечению прав и законных интересов меньшинства. Разумеется, экстремизма, так как отдельные конфликты, позиционные силы также должны отказываться от подобных методов в своей политической деятельности. Для вытеснения экстремизма из жизни необходима выработка высокой политической и правовой культуры в обществе, четкое установление правовых санкций за экстремистские действия.

Необходимо создать благоприятные условия для нормального равномерного развития всех регионов в государстве, обеспечить полноценное развитие всех этносов и реализацию их интересов, чтобы предотвратить конфликты на национальной основе. Задача государства заключается в формировании всех проживающих в стране этносов такового самосознания, при котором чувство принадлежности к своему государству имело бы приоритет перед фактором этнической принадлежности в процессе самоидентификации граждан.

Кроме вышеуказанного, государственные органы должны активизировать свои усилия в превентивной деятельности, направленной на локализацию и нейтрализацию экстремистских тенденций, устранить потенциальные предпосылки их формирования. Необходимы меры по усилению границ в ЦАР, повышению контроля над деятельностью зарубежных организаций (вне зависимости от приоритетов их деятельности), чтобы максимально снизить возможность импорта экстремизма из третьих стран. Активная молодежная политика, меры, направленные на сокращение безработицы, и решение назревших социально-экономических проблем способны снизить социальную напряженность в обществе, нейтрализовать главный источник потенциальных социальных эксцессов.

Одних совещаний и договоров на высшем уровне для искоренения экстремизма недостаточно. Государствам ЦАР требуется серьезная долгосрочная программа по борьбе с экстремизмом, учитывающая мировой опыт комплексного решения социально-экономических и политических проблем. В нем непременно должны быть учтены интересы населения (политико-экономические, культурно-религиозные и его психология), проблемы и конфликтогенный потенциал эк-

Трагические результаты экстремизма, которые характеризуют это явление политики, должны послужить важным предостережением всем политическим силам в Центральноазиатском регионе о том, что попытки решить политико-экономические и иные проблемы с помощью насилия, экстремистскими методами не способствуют решению поставленных задач, а наоборот, ведут к усугублению и нарастанию противоречий в обществе.

РАСШИРЕНИЕ ВЫБОРНОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЫБОРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Машан М.С.

Процесс политической трансформации в Казахстане нашел выражение в модернизации процесса интеракции политической системы и окружающей среды. Получили новое качественное направление развития институты, имевшие в тоталитарной системе квазидемократический характер. Прежде всего к ним относятся политические партии и выборы, выполнявшие мобилизационную функцию демонстрации единства интересов Коммунистической партии и народа, а в современный период стремящиеся к диверсификации своих ролей.

Системный подход к исследованию политики предполагает рассмотрение совокупности отношений и деятельности вышеуказанных институтов, соответствия интересов партийной и электоральной систем, выполняющих функции ввода требований и поддержки в политическую систему, а также поддержания непрерывного функционирования контура петли обратной связи. Исходя из этого, можно определить место партийной и электоральной систем в пограничной зоне между государством и обществом, политической системой и окружающей средой.

Чрезвычайно важным представляется вопрос выбора системы представительства при выборах в Парламент и местные представительные органы. До октября 1998 г. в Казахстане законодательством о выборах органов власти всех уровней предусматривалась только мажоритарная система представительства без института партийных списков, не способствующая формированию сильных политических партий. В результате осен-

них конституционных изменений добавилось 10 депутатских мест в Мажилисе Парламента, формируемых по пропорциональной системе. Этот факт резко подтолкнул процесс партотгенеза в Казахстане, инициировав и катализировав бум в партийном строительстве. Вместе с тем при выборах в Сенат вообще не предусматривается партийного участия.

Хотя большинством экспертов признается недостаточность выделенных 10 мест в Мажилисе по пропорциональному принципу, данный факт явился катализатором пробуждения политизированной части общества.

Неразвитость элементов партийной системы, каналов коммуникации между ними и с окружением ведут к тому, что партийная система не достаточно эффективно справляется с ролью информирования политической системы о состоянии окружающей среды. На основе сбоев в функционировании входов политической системы и петли обратной связи формируется неадекватная политика, что снижает адаптационные возможности системы и шансы ее самосохранения.

Успешное функционирование и самосохранение политической системы, ее адекватное реагирование на вызовы и требования окружающей среды, минимизация потерь от постоянно возникающих конфликтов во многом зависят от способности общества артикулировать, агрегировать и институционализировать любые проявления социальной напряженности, гармонизируя ее последствия. В современных обществах такую роль выполняют государственные органы. Поэтому особую актуальную становится проблема механиз-

ма рекрутирования их кадрового состава путем рациональной организации выборов в органы государственной власти.

Одним из основных механизмов коммуникации политической системы и окружающей среды является избирательная система, опосредующая путем электоральных процедур рекрутирования политической элиты ввод разнообразных требований и поддержки существующего режима. В этом смысле представляется вполне адекватной точка зрения Т.Т.Исмагамбетова, считающего, что «...электоральная система является: во-первых, институциональным фильтром между политической системой и общественной средой, окружающей эту систему; во-вторых, каналом ввода требований и запросов в политическую систему; в-третьих, одним из компонентов петли обратной связи между политической системой и окружающей ее средой, что особенно проявляется в период выборов. В пределах политической системы электоральная система составляет часть нормативно-регулятивной подсистемы, являясь комплексом политических и правовых норм и традиций. Электоральной системе свойственна функция коммуникативной подсистемы – конкуренция политических альтернатив» [1].

Исходя из вышесказанного, представляет интерес степень эффективности электоральной системы как механизма адаптации политической системы к условиям динамичной окружающей среды.

Нас в первую очередь интересуют последствия реализации заложенных в электоральную систему норм и механизмов.

В 1995 г. впервые в отечественной практике Парламент был разделен на нижнюю и верхнюю палаты с различными типами рекрутирования, что имеет следствием качественные отличия депутатского корпуса. Выборы в Сенат проводятся на основе юсвенного избирательного права по одномандатным округам с трехгодичным циклом перевыборов половины сенаторов (после конституционных изменений осенью 1998 г.) [2]. Исходя из этого, Сенат становится выразителем интересов региональных элит, что обусловлено системой выборщиков, когда лишь нотабли, пользующиеся авторитетом у местных депутатов, получают мандат. Немаловажен в этом смысле и конституционно закрепленный трехлетний ценз оседлости, призванный устранить конкуренцию кандидатам от регионов со стороны столичных политиков.

Отсутствие ценза оседлости среди кандидатов к кандидатам в Мажилис продолжает ситуацию слабой представленности интересов некоторых областей в результате столичных соискателей, что имеет и плюсы: усиление законодательского начала в работе в противовес региональному лоббированию, общегосударственный подход к проблемам. Различные циклы и типы выборов ведут к тому, что Сенат, в сравнении с нижней палатой, обладает большей преемственностью в действиях и большей консервативностью. Мажилис же является более динамичным и инновационным за счет смены всего состава палаты и более репрезентативным вследствие прямых выборов.

Двухступенчатые выборы сенаторов, отличие от прямых выборов депутатов нижней палаты, ведут к большей элитарности Сената и, напротив, к сравнительной демократичности Мажилиса. Этот же фактор способствует отсеку популистски и радикально настроенных кандидатов в верхнюю палату; большинство оппозиционеров в связи с этим предпочитают баллотироваться в Мажилис.

Смешанная форма финансирования сколько расширяет возможности правой позиции, которая может опираться на финансовую помощь предпринимательских структур. Но при учете шансов отечественной позиции следует иметь в виду ее преимущественно левую ориентацию, что детерминирует незначительность финансовых средств в ведении предвыборной борьбы.

В нашем обществе властные ресурсы обладают более высокой степенью конвертируемости в финансовые и людские ресурсы. Наоборот, а это значит, что кандидаты, поддерживаемые центральной и региональными властными элитами, имеют несравненно более высокие шансы на успех.

Мировой опыт свидетельствует, что на выборах по мажоритарной системе проблема является формирование избирательных округов. В США на этот счет существуют жесткие правила, которые можно свести к следующим принципам:

1. Конституционные критерии:

- а) равенство округов по населению;
- б) равенство возможностей быть представленным на выборах (недопущение дискриминации отдельных групп).

2. Географический критерий:

- а) компактность территории округов;
- б) территориальная целостность.

3. Политико-географический критерий:
а) соблюдение по возможности границ политико-административных единиц, отражающих территориальную организацию общества.

4. Политические критерии:

- а) преемственность окружных сеток после ревизии в результате корректировки с данными переписи населения, минимизация внесистемных изменений;
- б) «внепартийность» округов в интересах той партии, которая в настоящее время находится у власти.

В случаях вступления в противоречие данных критериев друг с другом приоритет отдается конституционным и географическим критериям, остальные же используются как вспомогательные на общих основаниях [3].

Наш электоральный закон устанавливает приоритет политико-географического критерия над другими, оттеняя конституционный критерий равенства округов по населению легализацией 25-процентной разницы численности избирателей, допуская превалирование принципа административно-территориального деления над компактностью территории округов. 25-процентная разница в численности избирателей округов серьезно нарушает принцип равного избирательного права. В этой связи представляется, что необходимо минимизировать максимально допустимое отклонение и детализировать процедуру образования округов в соответствии с иерархией вышеприведенных критериев.

Чрезвычайно важным представляется вопрос выбора системы представительства из существующих трех основных: мажоритарной, пропорциональной и смешанной. Каждая из них имеет свои плюсы и минусы, однако вполне возможен выбор оптимальной модели, соответствующей состоянию общества и выдвигаемым целям. В Казахстане применяется мажоритарная система абсолютного большинства при выборах Президента и сенаторов, а также смешанная, с избранием 67 депутатов по вышеупомянутой разновидности мажоритарности и 10 – по пропорциональной системе, при формировании Мажилиса. В первом случае при отсутствии явного победителя предусматривается второй тур голосования, но уже по мажоритарной системе относительного большинства.

Главным достоинством мажоритарного представительства является учет мнения большинства избирателей определенного округа при формировании органа государственной

власти, недостатком – неучет мнения значительного числа людей, формирующегося в целом по стране (в проигранных одномандатных округах), возможность несправедливого распределения мандатов.

Например, в Англии, где принята мажоритарная система, на парламентских выборах 1974 г. 35% голосов избирателей обеспечили лейбористам 50% мест в парламенте [4]. Пропорциональная система ориентирована на более справедливое представительство в органах власти всех значительных социально-групповых интересов. Она способствует формированию полноценной многопартийности в силу самого своего характера, когда избирательные объединения (партии, блоки) получают законное право на выдвижение избирательных списков, подкрепленных партийными программами, предвыборными платформами. В результате этого избирательный процесс в значительной мере теряет ту персонификацию, какую мы имеем при мажоритарном типе представительства без партийных списков, и переходит в новое качество, когда избиратель выбирает уже не автобиографии кандидатов, а ясные программы предвыборных объединений на предмет соответствия их своим интересам.

Пропорциональная система способствует более быстрой и четкой артикуляции и агрегированию социально-групповых интересов, структурированию гражданского общества, что является одной из предпосылок перехода к плюралистическому обществу.

Принятая в Казахстане до осени 1998 года мажоритарная система представительства без института партийных списков не способствовала формированию сильных политических партий как связующего звена между гражданским обществом и государством, оставляя одну из главных предпосылок тоталитаризма – атомизацию общества. Фактически действовавший до конституционных изменений электоральный закон оставлял только два преимущества выдвижения от общественных объединений:

- 1) можно было зарегистрировать активистов и аппарат общественного объединения в качестве инициативной группы граждан;
- 2) финансовый взнос общественного объединения мог являться одним из трех источников образования избирательного фонда кандидата [5].

Последнее не предусмотрено при выборах в Сенат, что существенно снижает мотивацию выдвижения от общественных объеди-

нений (для кандидатов в сенаторы вообще не предусматривается создание избирательных фондов и выдвижение от общественных объединений).

Введение осенью 1998 г. 10 мест в Мажилисе Парламента по пропорциональной системе с использованием партийных списков резко подтолкнуло процесс партотгенеза в стране, однако не решает данной проблемы по причине незначительности указанной квоты.

В политической науке широко известно сформулированное М. Дюверже влияние типа представительства на характер партийной системы [6]. Пропорциональная система выборов ведет к партийной системе с многочисленными партиями, обладающими достаточно жесткой внутренней структурой, негибкими, стабильными и независимыми друг от друга. Мажоритарная двухтуровая система ведет к системе многочисленных стабильных партий, занимающих гибкие позиции и стремящихся к взаимным контактам и компромиссам. Мажоритарная одностуровая система голосования порождает двухпартийность.

Выборы по пропорциональной системе приводят к существованию многочисленных партий, независимых друг от друга, так как возможность получения депутатских мандатов даже для слабой партии существенно возрастает. Отсюда появление и функционирование многочисленных партий, почти не отличающихся друг от друга. К тому же союзы, заключаемые партиями, не дают им значительных электоральных преимуществ. Существование равных возможностей на получение депутатских мандатов при получении соответствующей поддержки избирателей не благоприятствует поиску поддержки или слиянию слабых партий с сильными. Скорее, наоборот, сохраняется благодатная почва для раскола сильных партий, так как отколовшиеся организации сохраняют свое представительство в парламенте. Вдобавок ко всему пропорциональная система выборов провоцирует честолюбивые устремления политических лидеров к созданию новых партий. Если мажоритарная система выталкивает с политической арены слабеющие партии, то пропорциональное представительство останавливает или замедляет процесс их исчезновения, так как дает им шанс на парламентское представительство. Все это детерминирует складывание системы многочисленных, негибких и независимых друг от друга партий.

Мажоритарная одностуровая избирательная система с неизбежностью ведет к бипартизму. Как отмечает М. Дюверже, этому способствуют, по крайней мере, 2 фактора: 1) технический и 2) психологический. Первый заключается в «эффекте недопредставительства», когда третья партия всегда оказывается слабо представленной в парламенте, потому что количество голосов, полученное менее удачливой партией на выборах, не идет прямо пропорционально количеству депутатских мандатов по причине неучета голосов избирателей в проигранных выборах по одномандатным округам.

Ярким примером страны с мажоритарной одностуровой системой является Англия, где кандидат, получивший относительное большинство, становится депутатом, между тем как избиратели, отдавшие голоса его соперникам, остаются без представительства в властных структурах. Не репрезентированным, таким образом, вполне может оказаться большинство населения. При этом, если интересы избирателей-лейбористов еще могут быть отображены оппозицией со своего теневого кабинета, то избиратели-либералы и социал-демократы (почти четверть всего электората) полностью исключаются из отношений политического представительства. К тому же жесткая ситуация одного тура выборов детерминирует объединение близких друг другу партий с целью недопущения победы противника. В результате действия психологического фактора избиратели предпочитают голосовать за кандидатов двух основных партий с тем, чтобы не потерять свой голос, даже если приходится выбирать по принципу: из двух зол – меньшее. Отсюда отсутствие практического интереса у массового избирателя к новым или слабым партиям, которые вначале не получают достаточного представительства, а затем фактически устраниваются с парламентской арены.

Для действия психологического фактора требуется более длительный период времени, нежели для технического. Мажоритарные выборы в один тур одновременно играют роль замедлителя и ускорителя. Замедлителя – потому что они постепенно создают преграду появлению новой сильной партии, пока ей не удастся потеснить одну из партий текущего состава. Ускорителя – если этот прорыв произойдет, то выборы ускорят упадок вытесняемой партии.

«Чистая мажоритарность» по-британски приводит к подчинению партийно-пар-

ламентного компонента местническим интересам. Данная тенденция в странах с большим разнообразием географических, культурно-исторических и этнонациональных условий с неизбежностью ведет к расколу на несколько государств по вышеприведенным критериям [7].

Мажоритарные выборы в 2 тура дают возможность самостоятельно выступить на первом этапе каждой, даже небольшой, партии, что создает условия для многопартийности. Второй тур выборов вынуждает близкие друг другу партии противостоять общему противнику, заключая между собой союзы. Но многопартийность, даже смягченная союзами между партиями, продолжает сохраняться.

Данные закономерности были выведены М. Дюверже на основе изучения опыта Запада с его развитым гражданским обществом. В наших же условиях начального этапа партиобразования они срабатывают несколько иначе. Мажоритарные выборы играют роль замедлителя, а пропорциональные – ускорителя процесса партотгенеза.

Поэтому представляется необходимым сразу задать направление формированию партийной системы, сочетающей прочную стабильность с высокой легитимностью, с помощью введения смешанной системы представительства – одну половину депутатов избирать по мажоритарному, другую – по пропорциональному принципу (как принято, например, в Российской Федерации). Причем для справедливого определения волеизъявления электората при применении

мажоритарного представительства особое внимание надо уделить вышеприведенным правилам нарезки округов, а при пропорциональной системе – увеличению многомандатности округа с целью получения более широкой амплитуды голосов избирателей и более точного и справедливого выявления воли электората. Следует также установить умеренно высокий «порог проходимости» избирательных объединений в парламент с целью поощрения создания крупных блоков и недопущения их «карликизации». Мировая практика свидетельствует о том, что оптимален порог в 4 – 5%, поэтому в Казахстане желательно его снижение с существующих 7%.

Основной целью электоральной системы должно стать справедливое отражение воли избирателей, способствующее вводу адекватного соотношения требований и поддержки, позволяющее на основе действия отрицательной обратной связи проводить своевременную корректировку правительственного курса с целью недопущения социальных катаклизмов и взрыва политической системы.

Таким образом, для повышения адаптационного потенциала политической системы требуется дальнейшая модернизация механизмов коммуникации с внешней средой, заключающаяся в их институционализации, развитии структурной дифференциации и рационализации. На наш взгляд, становление полноценных партийной и избирательной систем является одним из важнейших условий самосохранения и выживания политической системы Казахстана.

Литература:

1. Исмагамбетов Т.Т. Особенности посттоталитарного развития электоральной системы Республики Казахстан: Дис. канд. полит. наук. – Алматы, 1999. С.9.
2. Там же. Ст.50, п.3; ст.51, п.1.
3. Левин Д.А. Основные элементы электорального права и их применение в Российском законодательстве 1992 – 1994 гг. // Кентавр. 1994. № 5. – С. 108 – 109.
4. Там же. – С.107.
5. Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу Конституционного Закона, «О выборах в Республике Казахстан». Ст. 30; ст. 34, п.3; ст. 58, 92.
6. Пушкарева Г.В. Партии и партийные системы: концепция М.Дюверже // Социально-политический журнал. 1993. № 9 – 10. – С. 116 – 120.
7. Левин И.Б. О реформе избирательной системы в Италии // Полис. 1993. № 3. – С. 83.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА

Макашев Е.

Представительная демократия – это разновидность демократии, которая обеспечивает участие населения в управлении государством не путем его прямого волеизъявления, а через своих полномочных представителей, т.е. через систему представительных органов власти. Население, наделив властью своих представителей, в последующем ограничивается общим наблюдением за тем, как они осуществляют государственное управление, за эффективностью использования ими предоставленных прерогатив. На передний план выдвигаются институты власти, должностные лица, другие структуры, которые реально «вершат» государственное управление, определяют общую политику.

В современном национальном государстве, в котором численность населения достигает сотни миллионов человек, именно институт представительства способствует формированию республиканской или демократической формы правления [1].

Это обусловило важность системы контроля представительной власти со стороны народа. Необходимым компонентом представительной демократии является контроль электората за деятельностью Парламента, местных органов власти, депутатского корпуса, который может быть осуществлен через открытый характер сессии представительных органов, доступность их для посещения гражданами, представителями СМИ, через отчеты перед избирателями. Без этого народное представительство теряет смысл и приобретает характер бюрократически-чиновничьей структуры. Поэтому регулирующее и стимулирующее воздействие избирателей на своих представителей обосновывает необходимость применения средств непосредственной демократии на всех уровнях системы представительных органов власти, превращения ее институтов в повседневный, стабильный элемент практики государственного строительства. В этом смысле вызывает интерес организация и деятельность Ассамблеи народов Казахстана. Она явилась сочетанием представительства (от национально-культурных центров) и черт прямой демократии (полуобщественная, полугосударственная структура). Ее рекомендации (например, о проведении двух республиканских референ-

думов 1995 года) учитывались государственными органами.

В целом механизм функционирования представительной демократии предусматривает систему двухстороннего взаимодействия властей и народа и представительной власти [2].

Воздействие народа на представительные органы выражается в двух формах: Первой формой – это референдум, выступающий формой прямого волеизъявления народа, которая может либо задать параметры функционирования представительной демократии, либо внести в существующие ее институты определенные коррективы, поправки, изменения. (Например, республиканский референдум 30 августа 1995 года о принятии новой Конституции Республики Казахстан, в соответствии с которой прежний однопалатный Верховный Совет был заменен двухпалатным Парламентом, взамен системы местных Советов были созданы маслихаты и акиматы).

Вторая форма – это отчеты депутатов перед избирателями, а также указы и указы народных представителей, что создает условия для реализации конституционного права граждан на участие в управлении государственными общественными делами.

Однако процесс воздействия носит не односторонний характер. Институты представительной демократии в свою очередь также оказывают воздействие на избирателей:

1. обеспечивают материальные и организационные условия для поддержания активности населения в решении вопросов управления, используют формы прямого народного участия, увязывают их действия с задачами преодоления кризиса;

2. законодательно регулируют и устанавливают процедуру и порядок функционирования собраний граждан, работу с наказами избирателей, отчеты депутатов перед населением, порядок разрешения исков, предложений, заявлений граждан;

3. в пределах своих полномочий осуществляют контроль за законностью исполнения отдельными группами населения права митинг, собрания, пикетирование, уличествия, демонстрации. Применяется шир-

окий комплекс методов регулирования и решения этих вопросов (разрешительный, уведомительный и т.д.).

На первый взгляд создается впечатление, что институты непосредственной демократии доминируют над элементами представительной демократии. Но не следует забывать, что главные рычаги воздействия граждан – выборы и референдумы – носят эпизодический характер, используются один раз в течение сравнительно большого периода. В силу своей особенности народ не в состоянии непосредственно и решающим образом влиять на характер дальнейшего развития представительных органов. В отличие от него институты представительной демократии действуют постоянно. Их влияние на социальную действительность, в том числе на функционирование институтов непосредственной демократии, более реальны и действенны.

Отсюда можно заключить, что современные модели представительного правления базируются на трех принципах:

1. представительность доминирует над плебисцитарным началом;

2. прямая демократия функционирует только в рамках закона и устанавливается верховным, выборным или представительным органом;

3. основные принципы Конституции, касающиеся неотъемлемых прав человека и гражданина, принимаются в качестве непререкаемых верховными выборными органами [3].

Таким образом, взаимное сдерживание представительных и плебисцитарных установлений в обществе проявляется в системе политических противовесов (парламент не может изменить политические права личности, в то время как правила организации плебисцита, устанавливаемое парламентом, предотвращает охлократию).

В современном демократическом государстве развитие идеи представительства основывается на договорных отношениях. Они представляют собой одну из наиболее распространенных форм отношений представительства. Наряду с делегированием власти, принцип договоренности является одним из основополагающих критериев политической организации общества и одной из универсальных всеобщих форм политических отношений. Делегирование властных полномочий представителю народа в лице отдельных или коллективных политиков осуществляется в ходе демократической процедуры выборов. Но представитель, являясь аккумулятором общественных возможностей и об-

лада определенным влиянием на общество, в то же время становится объектом давления со стороны избравшей его общности. Соблюдение условий договора, заключенного между политическим деятелем и социальной общностью в явном или неявном виде, предполагает механизм взаимной ответственности.

Дальнейший анализ формирования отношений политического представительства с точки зрения многомерной политической власти раскрывает еще одну качественную черту, связанную с отношениями политического деятеля и социального института общества – институционализацию отношений представительства. Получив доверие социальной общности путем демократических выборов в орган государственной власти, народный представитель оказывается вовлеченным в политический институт и становится представителем властвующей элиты. Процесс институционализации представительства вынуждает политика не только выражать интересы представляемой им общности, но и подчиняться законам и нормам, распространяющимся на деятельность политических институтов. Данное явление обуславливает двойственное положение политика: с одной стороны, он является выразителем частного интереса социальной общности, с другой стороны, будучи представителем государственного института, он выражает и общегосударственные интересы.

Таким образом, система представительства, являясь посредником между обществом и государством, выступает в своем роде как механизм коррекции функционирования политической системы в целом [4].

Процесс становления гражданского общества предполагает прежде всего развитие отношений представительства граждан в органах власти. В этом смысле фундаментальными основами гражданского общества являются легитимность власти, ее представительство от народа, свободное волеизъявление граждан в гражданском, политическом, социальном отношениях; всеобщность демократии, ее распространение на все уровни и формы власти путем создания системы представительства; эффективность системы гражданского представительства в органах государственной власти.

Вышеперечисленные факторы обуславливают исключительную роль выборов в органы власти в процессе функционирования и развития гражданского общества. Главным условием выборов является ее легитимность, которая предполагает признание справедливости норм, положений и правил, по которым они проводятся.

Критерием справедливости выборов является социальный консенсус относительно избирательной процедуры, обеспечивающий равенство условий для всех социально-политических сил [5]. Возникновение между гражданами и политическими деятелями представительных отношений посредством демократических выборов означает политическое участие граждан в формировании политической элиты и рассматривается как признание ее легитимности.

Принцип представительства наиболее ярко проявляется и в деятельности политических партий. Признание законности разнообразных интересов в обществе обосновывало признание законности интересов (политических) в лице партий, призванных представлять эти интересы в системе власти.

Механизм партийного представительства как средство цивилизованного разрешения социальных конфликтов имеет как достоинства, так и недостатки.

К недостаткам партийного представительства относятся:

- наличие посредников (партийная бюрократия) между представителем и социальной общностью;

- связанность представителя корпоративным интересом, партийной дисциплиной.

Большую весомость представляют преимущественно партийного представительства:

- реальные и обоснованные программы;
- оказание большего влияния на государственные органы власти благодаря силе своей организации.

Другой особенностью партийного представительства является внутренне противоречивая природа партий, которая оказывает влияние на возможность политического представительства. Партийная структура (штаб, бюрократический аппарат и т.д.) требует внутрипартийной легитимности «партийной олигархии», так как без внутренней иерархии партия, как стабильная организация, существовать не может. Характер высшего руководства партий определяет природа самой организации. Как правило, члены партий требуют от руководства не только активной работы и четкого партийного курса, но и демократичности в организации. Это часто приводит к возникновению во внутренней структуре конфликтных ситуаций (принцип эффективной организации вступает в противоречие с демократизмом). Объективная неизбежность неравного участия в политической жизни партийного руководства и партийных масс выдвигает необходимость в доказательстве реальности своего представи-

тельства как на уровне социальных групп, так и на уровне внутрипартийной структуры.

Вместе с тем «политическая активность масс может играть положительную роль лишь тогда, когда политическое участие институционализировано, то есть осуществляется через политические институты» [6]. Распространение институционализированных политических партий с широким членством, обеспечивающим вовлечение граждан в политическую жизнь, «способствуют формированию реальной политической силы, выработке идеологических установок, ценностей, политических потребностей, способных оказывать влияние на решения властных структур. Развитая партийная система позволяет контролировать социально-экономические процессы в стране, формируя стратегию развития общества» [7].

Одним из показателей эффективности партийного представительства является соотношение уровня ее институционализации и социальной мобилизации, что непосредственно вызывает влияние на трудности партийного представительства в переходных обществах. Оперативный характер формальной институционализации партий уровня ее социальной мобилизации выдвигает на передний план проблемы эффективности управления общественными процессами. Большое количество партий на фоне отсутствия у них прочной социальной базы ведет к жесточайшему и малопродуктивному столкновению интересов отдельных лидеров и оказывает благотворного влияния на развитие общества в целом. В результате характер деятельности таких партий оказывает ослабляющее действие на функциональную дееспособность всей партийной системы.

Следует также отметить, что механизм представительных отношений выдвигает проблему возможного отчуждения представителя от представляемой им социальной общности. Данный феномен может выражаться следующим образом: отчуждение, связанное с низким уровнем реального осуществления власти, дематериализация отношений доверия, связанная с институционализацией политического представительства; отчуждение, связанное с уровнем политической культуры населения.

Следствием отчуждения представителя от социальных общностей является абсентизм – индифферентное отношение населения к политической жизни, устойчивое уклонение от участия в процессе голосования на выборах разных уровней.

Во многих странах с демократическим режимом власти функционирует механизм

предотвращения отчуждения политиков от избирателей, который подразумевает обязательность периодических выборов.

Эволюция систем представительной демократии в развитых странах указывает на наличие определенных признаков, обусловленных самой природой демократии: 1) четкая и всеобъемлющая конкуренция (регулярная и ненасильственная) за посты в органах власти; 2) регулярные и законные выборы; 3) непрерывность гражданских и политических прав и свобод.

Интенсификация процессов демократического строительства, необходимость проведения политических реформ в Казахстане обусловила необходимость проведения преобразований законодательства о выборах. Вызывает интерес избирательная кампания по выборам Президента Республики Казахстан, которые впервые проводились на альтернативной основе 10 января 1999 г. По результатам выборов Н.Назарбаев отдал свои голоса 81,75% избирателей. Одним из главных итогов президентских выборов было то, что электоральная поддержка стала основным фактором легитимации политической власти.

Реформа электорального законодательства Республики Казахстан была проведена осенью 1998 года, в ходе которой были введены следующие новшества: отмена обязательности 51% участия зарегистрированных избирателей на выборах Президента, депутатов Мажилиса. Введение дополнительно 10 мест в нижней палате Парламента.

В переходном обществе поступательное продвижение преобразований на пути к построению реальных механизмов представительной демократии невозможно без построения сильной партийной системы. Несомненно, в перспективе это создаст условия для прогрессивного развития (демократической стабилизации) политической системы, так как именно сильная, институционализированная партия должна стать основным каналом упорядоченного выражения интересов различных сегментов общества [8].

В контексте рассматриваемой проблемы привлекает внимание характер парламентских выборов в Республике Казахстан. Согласно Закону РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК» от 7 октября 1998 года 10 из 77 депутатов Мажилиса Парламента были избраны на основе партийных списков по системе пропорционального представительства. При выборах депутатов Мажилиса, избираемых на основе партийных списков по системе пропорционального представительства, еди-

ным общенациональным избирательным округом являлась вся территория Республики Казахстан, а вопрос о допуске политических партий к участию в выборах относился к компетенции Центральной избирательной комиссии республики. К распространению депутатских мандатов по итогам выборов в Мажилис на основе партийных списков были допущены партии, набравшие не менее 7% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Этот барьер преодолели «Отан» (30,89% голосов), Аграрная партия (12,63%), КПК (17,75%), Гражданская партия (11,23%). Результаты выборов показали появление новых тенденций в партийном строительстве Казахстана. Логика развития политического процесса выявила усиление политических сил, ориентированных прежде всего на реализацию своих социально-экономических требований.

Характер прошедших выборов показал, что все еще продолжающийся процесс институционализации политических партий в Казахстане, сравнительно недавнее введение института пропорционального представительства в Мажилисе обуславливают неразвитость некоторых объектов правовой регламентации участия политических партий в избирательном процессе.

Изменения и дополнения в Конституционный Закон «О выборах в РК», касающиеся участия политических партий в избирательном процессе, еще слабо соответствуют реалиям и требованиям сегодняшнего дня. Необходимость достижения действительного равенства в правах и обязанностях всех субъектов избирательного процесса требует пересмотра положения о запрете государственного финансирования политических партий. По мнению многих политологов Казахстана, представляется целесообразным увеличение числа мандатов и мест в Мажилисе, распределенных между политическими партиями и снижение 7%-го барьера, а также проведение ряда мер, направленных на дальнейшее развитие и укрепление партийной системы в целом [9].

Другими словами, внесенные изменения в избирательное законодательство дали импульс для развития политических институтов и движений, но 13% депутатских мест в нижней палате Парламента – это недостаточное партийное представительство. На сегодня в Казахстане отсутствует более или менее развитая система партийного представительства. Трудности становления демократии и партийной системы обусловлены рядом факторов:

1. отсутствием широкого слоя собственников, института частной собственности;

2. для полноценного функционирования партийной системы необходим определенный уровень социально-политической дифференциации, когда в политический процесс вовлекаются слои и группы, четко осознавшие свои интересы. Казахстанское общество переживает начальные стадии этого процесса;

3. незавершенностью социальной стратификации в новых условиях общественно-исторического развития, когда вектор общественной дифференциации граждан и их последующей консолидации смещен в сторону неополитических – отраслевых, групповых, региональных, корпоративных и иных интересов [10];

4. отсутствие эмоционального притяжения к межпартийной конкуренции объясняет малоэффективность партийной идентификации в наших реалиях.

Крупные партии стремятся быть выразителями интересов всех казахстанцев, а не какого-либо социального слоя. Если западные демократии основываются на долговременных традициях голосования электората за «свою» партию, то у нас еще нет таких стран, которые имели бы партии как выразительницы их интересов. Этим объясняется слабая укорененность отечественных партий, отсутствие у них прочной опоры среди различных слоев казахстанского общества. Отсутствует главное, что емко выражено в словах «корневая система партий – представлен-

ность ими интересов социальных групп». Поэтому можно сказать, что значительная часть населения связывает свои интересы не с партиями, а с конкретными личностями, руководствуясь при этом идеологическими постулатами.

В этой связи преждевременным является соизмерение уровня прошедших выборов стандартами стран развитой демократии. Как отметил профессор Байдельдинов Л. «...как бы мы ни оценивали выборы в представительные органы вследствие их некоторого соответствия идеалам развитых демократических стран, мы должны отметить, что наша страна, по инициативе Президента Н.А. Назарбаева, совершила реальный поворот к созданию многопартийной системы парламентской демократии» [12].

Как видно из изложенного, политические и конституционные основы суверенизации Республики Казахстан – весьма непростой процесс. Он обусловлен переходом от одной социально-политической формации к другой и находится в центре внимания всех политических сил не только внутри республики, но и за ее пределами. Практика государственного строительства показала, что проблемы совершенствования институтов казахстанской государственности не только не снимаются, но и ложатся и поэтому их решение возможно лишь на глубокой теоретической основе.

Литература:

1. Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М., 1997. – С. 167.
2. Баймаханова Д.М. Конституционные проблемы развития непосредственной демократии. – Алматы, 1998. – С. 63.
3. Тиунова Л.Б. Формирование отношений политического представительства в современной России. – М., 1996. – С. 58.
4. Назарбаева Д.Н. Демократизация политических систем Союза Независимых Государств. – Алматы, 1997. – С. 75.
5. Комаровский В.С. Выборные кампании в системе институтов демократий современного российского общества // Политолог: взгляд на современность. – М., 1995. – С. 5–6.
6. Балгимбаев А.С. Политические институты – главный инструмент преобразований // Сб. материалов республиканской научно-практической конференции «Государство и политические партии: история и современность». – Алматы, 1998. – С. 63.
7. Ахметжанова Г. Политическая стабильность как системное образование // Евразийское сообщество. – 1999. – № 1. – С. 18.
8. Шауенов Е.С. Стабилизирующие функции политических партий: методология, подходы и оценка. – Саясат. – 2000. – № 4–5. – С. 52.
9. Машан М.С. Политическая модернизация на постсоветском пространстве: предварительные итоги. – Саясат. – 2000. – № 2–3. – С. 65–66.
10. Сейдуманов С.Т. Становление многопартийности в Казахстане: политико-социологический анализ. Автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – Алматы, 1998. – С. 4.
11. Исмагамбетов Т.Т. Парламентские выборы 1999 года в Казахстане в контексте особенностей поведения электората // Саясат. – 1999. – № 8. – С. 23.
12. Байдельдинов Л.А. Материалы конференции «Представительная демократия как социально-общественная форма управления обществом» // Евразийское сообщество. – 1999. – № 4.

К ВОПРОСУ О ПОЛЯРИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Матаев Г.М.

Одним из объективных требований при переходе общества к качественно новому состоянию является соблюдение принципа социального равновесия.

Социальное равновесие в современном индустриальном обществе поддерживается следующими методами:

1) в экономике – государственным регулированием цен, доходов, сферы занятости, финансированием социальной инфраструк-

туры;

2) в социальной сфере – обеспечением равных социальных прав, политикой социальной стабильности и выравнивания уровня жизни и доходов социальных групп, механизмами социальной защиты от рыночных кризисов.

Для транзитных обществ, каковым является и современный Казахстан, стремление к достижению и сохранению социального равновесия представляется особенно актуальным, поскольку трансформация всегда предполагает глубокие перестановки внутри социальной структуры и сопровождается появлением, ростом, сужением, исчезновением различных социальных групп, изменением их доходов, статуса и престижа и т.д. Такие социальные метаморфозы не могут проходить безболезненно для общества. Условием их преодоления обществом являются социально взвешенные и реалистичные реформы.

Социальная политика государства должна осуществлять регулирование социальной сферы на основе ряда индикаторов и критериев. Последние определяют пределы деформаций общественных отношений и состояний, за которыми может наступить социальный взрыв, катастрофа. Переход за эти незримые, но вполне реальные границы недопустим из-за возможных последствий, которые сделают бессмысленным дальнейшее реформирование общества.

Одним из таких критериев является степень дифференциации (поляризации) населения по уровню получаемых доходов.

В период СССР большая часть домашних хозяйств входила в среднюю по уровню доходов группу, величина денежного дохода

лишь косвенно влияла на уровень и структуру потребления и не была главным параметром, определявшим благосостояние людей. Бедность официально не признавалась, соответственно никто не занимался изучением проблемы, не было критериев ее определения и измерения. Конечно, были так называемые малообеспеченные семьи, но считалось, что государственные меры социальной поддержки нивелируют разницу в условиях и уровне жизни населения. В целом по СССР в 1975 году среди семей рабочих и служащих доля имеющих доходы ниже установленного порога (а он тогда составлял 50 рублей) была 16%, а среди колхозников – 39%, в 1985 году (тогда уже порог равнялся 75 рублям) – соответственно 16,3 и 27,6%. Накануне реформ к категории бедных по разным оценкам относились 16–25% общей численности населения [1]. Конечно, используемая в советский период методика определения численности бедного населения имела свои изъяны, и вероятнее всего, что приводимые данные были не совсем адекватны действительности. К тому же необходимо учитывать региональный фактор (имея в виду значительную по протяженности территорию Союза и различия в уровне экономического развития регионов), семейно-демографические аспекты (например, заметная разница в среднечисленном составе семьи в прибалтийских и азиатских республиках).

Степень неравномерности в распределении денежного дохода несколько изменилась в 80-е годы, однако резкий скачок, обусловивший фактическую поляризацию общества, произошел уже в 90-е годы. Однако не следует понимать данный тезис как утверждение в пользу того, что бедность как социальный феномен являлась результатом начавшихся рыночных реформ. И в эпоху СССР существовала социальная группа населения, которая по уровню жизни (доходам, условиям жизни, социальному статусу и т.д.) соответствовала критериям бедности. В условиях же переходного периода это социальное явление обрело новые черты и параметры.

Разрыв в уровне денежных доходов – 10% наиболее состоятельных и 10% самых

бедных слоев населения в дореформенные годы, по оценкам специалистов, составлял 4 раза, оптимальным же соотношением считается 4 – 6 раз. В процессе перехода к рынку во всех постсоветских странах произошло нарушение этого предела. В Казахстане уже в 1998 г. этот разрыв составил 11,3 раза, в 1-м полугодии 1999 г. наблюдается некоторое снижение до 10,5 раза, но в 1-м полугодии 2000 г. – снова тенденция увеличения разрыва до 12,8 раза. На долю 20% наиболее обеспеченных граждан в 1999 г. приходилось 42% денежных доходов, на долю наименее обеспеченных – 6,2 %. В 1-м полугодии 2000 г. выросла доля богатых – до 43,7%, зато заметно снизилась доля бедных – до 6,0% [2]. Налицо тенденция дальнейшей поляризации доходов.

Обобщающим показателем неравенства в распределении доходов является коэффициент концентрации доходов, так называемый индекс Джини. Этот индикатор характеризует степень отклонения фактического распределения доходов отдельных лиц от абсолютного равенства (значение индекса изменяется от 0 – абсолютного равенства до 1 – абсолютного неравенства).

В период между 1980 – 1990 гг. индекс Джини колебался в интервале от 0,23 до 0,24. В 1990 году этот показатель по Казахстану находился на отметке 0,246, в 1991 году – 0,202, однако уже в 1998 году достиг 0,347, на конец 1-го полугодия 2000 года вырос до 0,348.

Следует отметить, что во многих индустриально развитых странах, по статистике Организации экономического сотрудничества и развития, в 80-х годах наблюдался рост дифференциации доходов. Но скорость и интенсивность изменений, произошедших в сфере распределения доходов в странах СНГ и, в частности, в Казахстане, не имеет аналогов. Так, восьмипроцентное изменение коэффициента Джини в Великобритании заняло 11 лет (с 1980 по 1991 годы). В Казахстане за 7 лет этот показатель вырос на 70%, необходимо отметить – цифра достаточно высокая, даже с учетом специфических условий страны.

Резкое усиление неравенства доходов в республике объясняется, по-видимому, в первую очередь двумя факторами:

- 1) в процесс распределения были включены неделимые прежде составляющие общественного богатства;
- 2) произошел переход от скрытого неравенства к открытому.

Данные официальной статистики об уровне дифференциации населения по доходам могут быть признаны адекватно отражающей реальность. В них учитываются только официальные источники доходов, составляющие, как показывает практика, лишь долю действительно получаемых доходов. Поэтому индекс Джини по Казахстану сопоставим показателями развитых стран. Так, индекс Джини в Швеции в 1987 году составлял 0,30, в Италии – 0,31 (1986г.), в Великобритании 0,297 (1985г.). Очевидно, что концентрация богатства и бедности в современном Казахстане не соответствует процессам в этих странах. По различным экспертным оценкам, около 5% населения значительно обогатилось, сосредоточив в своих руках до 80% богатств страны, от 40 до 75% населения Казахстана находятся ниже черты бедности (данные значительно отличаются вследствие различия подходов к определению прожиточного минимума, потребительской корзины и т.д., а также из-за разницы в методиках определения самой черты бедности), по некоторым оценкам, разница в доходах самых богатых и самых бедных достигает 80 раз (при 5% группах тех и других).

За неувязками и искажениями статистики стоит, как представляется, проблема теневой или «параллельной» экономики, масштабы которой достигают, по разным оценкам, 5 до 30% ВВП. Это означает, что скрытые налоговых органов и государственной статистики формы и размеры доходов представляют немалый объем, а данные официальной статистики об уровне доходов населения степени дифференциации доходов не отражают реальные процессы, происходящие в обществе.

Можно ожидать, что в ближайшее время одним из ключевых факторов роста дифференциации индивидуальных доходов будет оставаться укрытие значительной части доходов от налогообложения. Этому способствует, в частности, сокращение государственного сектора, так как доходы, полученные в частном секторе, не всегда поддаются сколько-нибудь строгому учету. Несомненность процедуры по учету прибыли и убытков в частном секторе создает стимулы для расширения занятости в неформальном секторе.

В плане рассматриваемой проблемы интерес представляет развитие ситуации с применением закона о легализации теневых капиталов. Существуют различные точки зрения

(причем достаточно полярные) относительно необходимости, механизма, сроков реализации, возможной его эффективности (или неэффективности) [3]. В нашем случае интересны в первую очередь прогнозируемые результаты акций, то есть, какой объем денег вернется в страну. Эти цифры также варьируются весьма значительно. Однозначно, что появление этих денег в стране, официальное обретение ими хозяев сыграет на усиление дифференциации общества, степень поляризации еще более усилится.

С задачей адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям справляется меньшая часть общества и это естественно. Однако благополучная в материальном отношении группа населения заметно сократилась за последние годы, данные статистики в динамике позволяют увидеть тенденцию размывания средних слоев населения и перетекания их в группу бедных.

В размерах текущих денежных доходов, объемах сбережений и, соответственно, степени адаптированности населения имеются также глубокие межрегиональные различия. Заметна прямая и тесная связь адаптации населения с уровнем развития регионов, показывающая «продольную» дифференциацию возможностей социальной мобильности. Имеется также «поперечная» дифференциация, свидетельствующая о разной степени адаптации жителей различных типов поселений, – существенно меньших возможностях жителей средних и малых городов, еще меньших возможностях сельского населения.

Усилению поляризации населения по доходам во многом способствует и наличие разрыва в оплате труда:

- основной части работников и администрации на одном и том же предприятии (до 20 раз);
- отраслевые различия (до 15 раз);
- региональные различия (до 3 раз);

• между государственными и частными предприятиями, в т.ч. совместными предприятиями (до 7 раз).

Примечательно, что в числе внутренних угроз национальной безопасности страны эксперты (в их числе политологи, философы, представители государственных структур, общественных объединений, политических партий, журналисты) на первое место поставили высокий уровень криминализации, а на второе – поляризацию общества.

Безусловно, проблема поляризации населения для Казахстана существует. И также безусловно, что она является одной из приоритетных проблем, не брать ее во внимание – значит в перспективе подвергнуть общественную стабильность и спокойствие опасности, вплоть до возникновения социальных столкновений. В то же время нельзя не отметить рост внимания правительственных структур Казахстана к социальной составляющей их деятельности (принятие Закона «О прожиточном минимуме», реализация Государственной программы борьбы с бедностью и безработицей на 2000 – 2002 годы, погашение задолженности по пенсиям и социальным пособиям, программа микрокредитования и другие меры работают на то, чтобы смягчить трудности переходного периода для социально незащищенных слоев населения).

Необходимо также иметь в виду, что в отличие от большинства стран, переживших подобную ситуацию, Казахстан все-таки имеет преимущество в том плане, что в числе малообеспеченного на сегодняшний день населения большинство целевых групп (те же бюджетники) имеет в целом достаточно высокий уровень квалификации и образованности. И при условии создания соответствующих правовых и экономических условий представители этих социальных групп очень быстро повысят уровень своих доходов и перейдут из категории малообеспеченных в категорию «среднего класса».

Литература:

1. Кривко Н. Оценка уровня бедности в Республике Казахстан // Экономика и статистика. – 2000. № 2.
2. Нусупова А., Нусупова А. За чертой бедности // Деловая неделя. 9 июня, 2000.
3. Рамазанов А., Саханова А. Справедливость распределения доходов // Саясат, апрель – май 2000.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Баймагамбетов С.

В Послании Президента страны народу Казахстана «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев» подчеркивается, что одним из важных факторов обеспечения безопасности нации и сохранения государственности является внутрисполитическая стабильность и консолидация общества. В реализации этого долгосрочного приоритета немаловажная роль отводится вопросам решения социальных проблем, которые возникают в переходный и последующие периоды.

Взятый курс на создание социально направленной рыночной экономики остро поставил проблему психологической адаптации к новым условиям независимости государства и становления идентичности у населения как граждан Казахстана. Положение еще более усугублялось разрывом экономических связей, спадом производства, увеличением безработицы, проблемой неплатежей, инфляционными процессами, ростом абсолютного обнищания населения.

Важной проблемой для определения дальнейшего политического и экономического развития Казахстана выступает их соотношение с социальным развитием Республики. Формы и масштабы социального развития могут быть неадекватны политическому развитию. История знает немало примеров, когда политические и социальные процессы развивались неравномерно. К примеру, Веймарская республика, достигнув прогрессивной политической системы, пала в результате неподготовленности социальной почвы для ее функционирования. Аналогичная ситуация в 60–70-е годы имела место в Иране, когда была предпринята попытка осуществить крупные социально-экономические преобразования в рамках консервативной политической системы. Эти примеры свидетельствуют об опасности неравномерного, несбалансированного протекания политического развития.

Поэтому в период становления государственной независимости в Казахстане наряду с решениями политических и экономических вопросов одним из главных направлений стала задача обеспечения стабильности и меж-

национального согласия, построения общества, обеспечивающего достаточный уровень благосостояния всех своих граждан и углубление демократических преобразований [1].

Для реализации этих приоритетов, наряду с экономическими мерами важная роль отводится социально-культурному комплексу страны, ибо успех экономической реформы может быть обеспечен без приоритетного развития науки, образования, культуры, без должного обеспечения здоровья и социальной защиты граждан.

Важнейшей задачей социально-культурной политики любого демократического государства является достижение определенного уровня равновесия в общественной жизни через:

- предоставление государственных гарантий для предотвращения или амортизации последствий стихии, голода, болезней, природных и техногенных катастроф, демографического «взрыва» и т.д.;

- перераспределение материальных средств и организационных усилий, направленных на обеспечение определенного уровня жизни и изменение его качества в направлении, снижающем социальную напряженность;

- регулирование образа жизни (налогов, средств, благотворительностью) [2].

В республике в начале становления уверенного развития и реформ преобладающее убеждение, что освобождение от пут командно-административной системы даст возможность большей части населения, способной и умеющей работать, достичь в рыночных условиях достаточного уровня благосостояния, обеспечив тем самым благополучие страны. Однако положительные сдвиги в области пока незначительны, и на первый план выходит проблема выживания населения, и, в частности, социально-культурного комплекса, а именно: сферы образования, культуры, здравоохранения и социальной защиты населения.

В настоящее время в обществе резко возросла социальная дифференциация, точнее социальная поляризация. Кризис социаль-

ной сферы, вызванный переходом на рыночные отношения, стал существенным фактором усиления этой поляризации. Изменение структуры расходов населения, увеличение тарифов в жилищно-коммунальном секторе, расширение границ платности в образовании, здравоохранении, культуре идет без адекватного реформирования структуры оплаты труда, занятых в общественном производстве, и увеличения пенсий и пособий.

Оплата труда в среднем по Казахстану не позволяет компенсировать затраты по обеспечению населения основными жизненными благами. К тому же она по-прежнему не зависит от количества, качества и результативности труда.

Процесс поляризации доходов воспринимается большинством населения как несправедливый и только каждый десятый считает его справедливым. Объективно необходимое расширение участия населения в покрытии затрат на социальные блага оказалось неподготовленным ни в материальном, ни в морально-идеологическом отношении. Растущее социальное неравенство вошло в противоречие с господствующим в обществе понятием справедливости. В современных экономических условиях в Казахстане значительно снизилось влияние на величину оплаты труда таких факторов, как уровень образования, социально-профессиональный статус. Сейчас интеллигенция (многие ученые, врачи, преподаватели, инженерно-технический персонал, работники научно-исследовательских институтов и т.д.) составляет прослойку «новых бедных». В низкодходных группах оказалась подавляющая часть населения с высоким уровнем образования. Группы же со средними доходами чаще всего представляют люди с невысоким уровнем образования и квалификации – мелкие служащие контор, банков, торговли. Существенную роль в усилении неоправданной дифференциации в доходах играет несовершенство системы оплаты труда в бюджетных отраслях. В то же время уровень заработной платы в различных акционерных обществах, ТОО, АО, национальных компаниях во многократных размерах превышает заработную плату в бюджетных организациях. Даже принятый в 1999 году новый закон о государственной службе не решил, а усугубил ситуацию системы оплаты в государственных структурах, особенно среди категорий административных работников среднего звена и лиц, работающих на региональном уровне.

Из многих социальных показателей наиболее выигрышными для Казахстана, как и для всех постсоветских стран СНГ, были показатели, характеризующие уровень образования. Но и на этих позициях в последнее время наблюдается негативная тенденция. Выборочное обследование Агентства по статистике республики в 1998 выявило, что если в возрастной группе 25–29 лет лиц «с начальным образованием и не имеющих такового» было 0,3%, в группе 20–24 лет – 0,2%, то среди лиц в возрасте 16–19 лет их уже зафиксировано 0,4% [3].

В республике появились категории детей, не посещающих школы. По данным Министерства образования республики на 1 марта 1999 года число детей, неохваченных обучением, составило 6438 единиц. Это с учетом того, что количество их значительно снизилось по сравнению с 1997 годом после реализации конкретного задания Президента страны по данной проблеме.

Проводимые в настоящее время реформы в системе образования усилили дифференциацию в сфере общего образования (начального и среднего), поспособствовали углублению социальной дифференциации в обществе, придали ей наследственный характер и вошли в противоречие с понятием социальной справедливости. Тенденция определенного сближения стартовых позиций молодежи, принадлежащей по рождению и семейным условиям к различным по социальному положению группам, сменяется тенденцией к возрастанию различий в этих стартовых позициях. Реформа школы эту тенденцию усиливает.

Расширились возможности образования главным образом у богатых слоев населения. Намечилась тенденция получения базового общего образования для детей из высокодоходных групп в странах Европы или США. Хотя эту тенденцию нельзя рассматривать исключительно негативно, она на данном этапе подчеркивает углубление социального расслоения.

Для детей из бедных слоев право выбора образовательного учреждения в последние годы значительно сузилось. Возможность получить образование в гимназии или лицее имеют дети, прошедшие конкурсный отбор. На этот отбор влияет новая практика дошкольных учреждений, которые становятся дифференцированными по своему уровню, как в уровне оплаты, так и в доступности (во многих местах они просто уже не существу-

ют). Количество дошкольных учреждений с 8743 в 1990 году снизилось до 1338 в 1998 году [3].

Для сравнения обществ, различных по общественному строю, ЮНЕСКО ввело показатель «индекс человеческого развития», который строится исходя из трех основных показателей: уровня жизни, измеряемого доходом на душу населения с учетом уровня внутренних цен на товары и услуги; средней предстоящей продолжительности жизни – это комплексный показатель состояния здоровья, уровня образования населения. Если Казахстан, будучи в составе СССР, в 1970 г. с индексом 0,842 занимал двадцатое место в мире, пропуская вперед развитые страны Запада и Японию, то за 1990-1995 годы этот показатель составил 0,681 и, передвинув Казахстан по шкале мировых итоговых результатов на 47 мест вниз (с 53 на 100-е). Наша страна заняла место во второй сотне государств вместе со странами «третьего мира» [4].

В нашей стране задача дальнейшего расширения возможностей социально-культурного комплекса в обслуживании населения, качественного совершенствования этого обслуживания в настоящее время отнесена далеко на второй план. Актуальнейшей проблемой стал поиск финансовых средств для поддержания учреждений социально-культурного комплекса, покрытия расходов, связанных с их текущей деятельностью. Если в 1990 году свыше 25% государственных доходов и 7% валового внутреннего продукта шло на образование и здравоохранение, что поднимало страну до уровня высокоразвитых стран, то в 1998 году доля расходов на образование и здравоохранение составляла соответственно 19,5% и 5,5% [5].

Нарастающий дефицит бюджета заставил активно привлекать дополнительные источники финансирования. Попытки получить необходимые средства путем расширения границ платности, путем ускоренного внедрения обязательного медицинского страхования и т.п., до сих пор не решили проблемы дефицита финансов. Принимаются усилия для того, чтобы сохранить уровень медицинского обслуживания, образования, достигнутый до начала 90-х годов. Однако эти усилия не дают пока удовлетворительных результатов, нужна глубокая реформа социально-культурного комплекса, в т.ч. внедрение новой модели его финансирования. Но для того, чтобы новая модель финансирования реально за-

работала, необходимо не менее 5 – 10 лет определяющую роль в решении этих проблем. При этом принципиальное значение имеет обеспечение такой социальной ориентации реформы, которая позволит не сузить, а расширить возможности получения населением социально-культурных услуг в различных формах и с различным порядком финансирования, реализующей концептуальные направления развития социально-культурной сферы, т.е. ориентированной модели ее будущего. Она должна обеспечить свободу выбора потребителя, доступность и соответствующее качество услуг, рациональную организацию, отказ от монополизации всей деятельности социально-культурного комплекса государством.

К числу таких мер могут быть отнесены реализация нового закона об образовании, принятие изменений в закон о медицинском страховании, принятие подзаконных актов в закон о культуре, пересмотр содержания и механизмов предоставления социальных гарантий, которые действуют в соответствии с законодательством о пенсиях и пособиях.

Наше общество в настоящее время переживает духовный кризис, который характеризуется, прежде всего, потерей нравственных ценностей. В этой ситуации интерес национальной безопасности предполагает объединение усилий всех отраслей культуры, образования, здравоохранения, науки, СМИ и других в рамках единой программы социального развития общества.

Другой важной проблемой, активно влияющей на сохранение стабильности в обществе, является проблема, затрагивающая вопросы занятости, своевременной выплаты заработной платы, пенсий и пособий.

Если в вопросах выплаты пенсий и пособий в настоящее время достигнуты уже позитивные результаты (к 1 января 2000 г. государство погасило все задолженности по пенсиям в сумме около 33 млрд тенге), то в вопросах занятости населения и своевременной выплаты заработной платы, особенно хозяйствующих субъектах, еще имеются сложности. Так, на конец февраля 2000 г. численность зарегистрированных безработных составила 292,8 тысяч человек. Уровень официальной безработицы составил 4,6% экономически активной части населения республики.

Поэтому разрабатываемая в настоящее время Правительственная программа по борьбе с бедностью и безработицей сыгра-

ет роль в решении этих проблем.

Требуется своего решения и вопрос индексации пенсий, потому что цены на продовольственные и промышленные товары, даже с 1997 по 2000 год, возросли в несколько раз.

Принятый в 1998 году Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности» определяет национальную безопасность следующим образом: это – официально принятая система взглядов и мер по обеспечению защиты конституционных прав личности и граждан, ценностей казахстанского об-

щества, основополагающих государственных институтов. С учетом того, что в настоящее время в мире происходит пересмотр представлений о безопасности на глобальном уровне, то и в нашей республике основной акцент должен быть сделан на решение внутренних проблем, а именно на первый план следовало бы выдвинуть решение социальных проблем, ибо устойчивое развитие государства достигается как сохранением стабильности гражданского общества, так и решением проблем в социально-культурной сфере, а также удовлетворением жизненных потребностей каждого члена общества.

Литература:

1. Саясат. 1995. № 2. – С. 4
2. Энциклопедический словарь «Политология». – М., 1993. – С. 358
3. Уровень жизни в Казахстане. Статсборник. – Алматы, 1999. – С. 151
4. Отчет по человеческому развитию 1995 г. – Алматы, 1996. – С. 62
5. Финансы Казахстана. 1999. № 12. – С. 71

(начало в № 3-4. 2000)

Сыроежкин К.

Новая вежа истории автономного района, как и КНР в целом, начинается с декабря 1978 г., когда состоялся 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, наметивший программу социально-экономического и политического обновления страны. В соответствии со стратегическими установками центра, пограничные районы КНР из «форпостов борьбы с ревизионизмом» превращаются в перспективные центры агропромышленного комплекса Китая. Перед СУАР ставится за-

Конкретизируя стратегические установки, местные партийные руководители пересмотру национальной политики, оповдвинуло планы осуществления к 1987 году предприниматься энергичные усилия удвоения продукции сельского хозяйства и созданию условий для промышленности по сравнению с уровнем 1980 г., а к 2000 г. – увеличения этого объема в 4,5 раза. Судя по материалам официальной статистики, поставленные руководители и ее роли в социалистическом строительстве СУАР задачи на текущий период бытия не только выполнены, но и перевыполнены, причем существенно (см.: Таблицу 2).

Таблица

Динамика основных показателей экономического развития СУАР КНР в 1949-1998

Наименование	1949	1980	1987	1988
Стоимость продукции сельскохозяйственного и промышленного производства (млн юаней)	588	7.160	19.728	111.667
в том числе:				
Промышленной продукции	98	4.071	11.564	75.801
Сельскохозяйственной продукции	490	3.089	8.164	49.924
Производство зерновых (тыс. тонн)	874,5	3.860	5.843	8.300
Поголовье скота (млн голов)	10,4	26,7	32,2	42,2
Товарооборот внешней торговли (млн \$)	13,6	187,7	315	1.532,1
экспорт	6,4	141,9	223	807,9
импорт	7,2	45,8	92	724,2
Средние доходы крестьянства (юаней в год)		202	453	3400
Средние доходы в городах (юаней в год)	427,1	882	1626	7121

Примечание: Цифровые показатели даны в текущих ценах на каждый год.

Источники: Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1981. – Пекин, 1982. – С. 19-318; Чжунго цзинцзи няньцзянь. 1987. – Пекин, 1987. – С. 19-322, 19-324 – 19-325; Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1990. – Пекин, 1990. – С. 6-8, 17, 142, 221, 264, 551; Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 16, 116, 239, 325.

дача к концу текущего века увеличить объем производства промышленной и сельскохозяйственной продукции до 42 млрд юаней.

Стратегический план развития региона предусматривает решение двух поэтапных задач:

- создание в 1981 – 1990 гг. фундамента для дальнейшего развития, связанное с проведением исследовательских работ и развитием инфраструктуры;

- в следующие десять лет до 2000 г. – развитие экономики в больших масштабах и быстрыми темпами при приоритетности сельского хозяйства и животноводства, подготовка к скачку в XXI век.

Что же произошло в социально-экономической и политической жизни Синьцзян и почему стало возможным выполнение этих планов? Главное, как нам представляется, это перенос акцентов в стратегии экономического развития региона и предоставление большей хозяйственной самостоятельности производственным единицам и отдельным производителям; ослабление зависимости от директивных указаний аппарата управления, что стало возможным в результате упрочения позиций различных форм собственности и обеспечения их экономической основы их существования и функционирования.

Однако, несмотря на всю важность этих мероприятий, без соответствующих изменений в политической и идеологической сферах, создающих условия вовлечения населения в активную экономическую жизнь, сама новая экономическая стратегия могла оказаться мертворожденной. Поэтому, параллельно с изменениями в экономике, в эти годы предпринимались энергичные усилия по разделению юридического статуса автономных образований и созданию условий для претворения в жизнь конституционных принципов районно-национальной автономии. В 1982 г. специально рассматривается вопрос о месте религии и ее роли в социалистическом обществе [8]. Венцом этих преобразований явилось принятие Конституции КНР 1982 г. и «Закона КНР о районно-национальной автономии», вступившим в силу с 1 октября 1984 г.

По сути, двумя этими актами и была создана легитимная основа развития национальных районов КНР, однако претворение их в жизнь столкнулось с рядом проблем, связанных с низким уровнем развития производительных сил в этих регионах Китая, неразвитостью политической культуры и образования, отсутствием достаточного числа кадровых работников из числа национальных меньшинств (прежде всего – технических специалистов), наконец, нерешенностью проблем взаимоотношений между центральными и местными органами власти, отсутствием юридических и политических гарантий реализации прав на автономию у органов местного самоуправления, которым это право делегировалось действующим законодательством.

Во многом нерешенность этих проблем и служит источником возникновения конфликтных ситуаций в автономном районе, принимающих порой этническую окраску. Однако в контексте новой национальной политики КПК, думается, что эти проблемы вполне разрешимы. И убеждает нас в этом то, что логика социально-экономического развития национальных районов КНР все больше и больше подталкивает руководство Китая и КПК к пониманию того, что простой декларации о предоставлении неханьским народам страны права на районно-национальную автономию недостаточно; необходимо, сохраняя территориальную целостность государства, создавать реальные условия для выравнивания экономического и культурного уровня

всех этнических групп населения КНР, формирования на этой основе гражданского общества и гражданина, являющегося персонифицированным собственником, что, в свою очередь, требует дополнения экономических преобразований радикальными преобразованиями в политической сфере.

Определенный эффект эта политика уже дала, о чем свидетельствует ход проведения реформы экономической системы в автономном районе и ее результаты, которые, в качестве иллюстрации опыта организации экономической перестройки в многонациональном, преимущественно аграрном и экономически относительно неразвитом регионе, небезынтересно рассмотреть.

В сельской местности уже в начале 80-х годов становится заметной тенденция к укреплению хозяйства отдельного крестьянского двора. Распространение подрядной системы ответственности в ее коллективной форме (при номинальном сохранении народных коммун и трехзвенной системы собственности), столкнувшись с рядом трудностей как в растениеводческих, так и в особенности в скотоводческих районах [9], не дало ожидаемых результатов. Очень скоро им на смену пришли индивидуальные формы производственной ответственности в виде семейного подряда и организации специализированных дворов, ставшие господствующими в экономике деревни к концу 1983 г. – началу 1984 г. В земледельческих районах численность бригад, внедривших систему семейной ответственности за производство, к концу 1984 г. достигла 34 тыс. (98,8% общей численности бригад), специализированных дворов – 1.586 тыс. или 98% всех крестьянских хозяйств. В скотоводческих районах системой производственной ответственности к концу 1983 г. было охвачено свыше 60% хозяйств, в том числе 90% в Санджи-Хуэйской автономной области и 80% в Илийском округе. После внедрения в 1984 г. системы «двойного подряда», предусматривающей передачу хозяйствам по остаточной стоимости скота и пастбищ, внедрение новых форм организации труда пошло еще быстрее. К 1987 г. 97% скотоводческих хозяйств были охвачены системой «двойного подряда» [10].

Решающее значение для столь стремительного распространения системы производственной ответственности в деревне, осо-

бенно в форме семейного подряда и специализированных дворов, имели документы ЦК КПК и Госсовета КНР, принятые в этот период. Во-первых, был законодательно решен вопрос о положении народной коммуны и производственной бригады. В соответствии с новой Конституцией КНР, первые ликвидировались, а вторые получали статус юридического лица. Подрядный договор стал регулировать экономические отношения между органами власти и бригадами, между отдельными бригадами, бригадой и крестьянином-подрядчиком, между крестьянскими дворами. Именно в этот период, особенно после принятия Документа № 1 ЦК КПК за 1984 г., подтвердившего ключевые положения аналогичного документа за 1983 г. и существенно расширившего часть из них, отдельному крестьянскому двору были предоставлены важные экономические права: продление срока подряда, введение права наследования подрядного участка, разрешение покупки в личную собственность основных средств производства, расширение права на занятие торговой деятельностью и перевозку грузов, предоставление права выхода из бригады и вступления в добровольные объединения и т.д. Крестьянин из прикрепленного в находящейся в коллективной собственности коммуны земли наемного работника постепенно превращается в полноправного товаропроизводителя, чьи экономические интересы охраняются законом.

Однако процесс раскрепощения крестьян был негативно воспринят частью партийного и государственного аппарата. Особое неудовольствие вызвал допуск крестьян в сферу торговли и в области несельскохозяйственного производства, о чем говорилось на Всекитайском совещании по работе в деревне в 1983 г. Еще большее раздражение вызвал Документ № 1 ЦК КПК за 1984 г. Нотки противодействия такой позиции звучали в специальной установке Комитета КПК СУАР «О претворении в жизнь основных положений двух документов № 1 ЦК КПК». В ней, в частности, предлагалось местным партийным органам всех ступеней укреплять и развивать систему производственной ответственности на основе семейного подряда в полеводстве и животноводстве; уделять больше внимания лесоводству; укреплять систему производственной ответственности в области ирригации и водного хозяйства; оказывать всемерную помощь и поддержку сельским предприятиям. Кроме того, документ рекомендовал

объединять усилия коллективной и частной сельскохозяйственной техники, поддерживать специализацию оставался лишь один выход – в приказном порядке «включить» бюрократию в осуществление экономических целесообразных мероприятий.

И апелляция к партийным и государственным кадровым работникам на местах дала свои результаты. Семейный подряд укрепился в синьцзянской деревне, а ведение хозяйства в рамках отдельного крестьянского двора стало основным источником поступления доходов в сельскую экономику. Еще большее значение апелляция к местным кадровым работникам имела в скотоводческих районах, где традиции патриархальных отношений имели более глубокие корни, а практикующаяся в них система «двойного подряда» по своему характеру была близка традиционным отношениям в кочевых хозяйствах и вела к укреплению наиболее имущих дворов, для которых было характерно выделение в самостоятельные хозяйства и сокращение влияния на них новой родовой знати в лице кадровых работников аулов и кочевий [12].

Стихийное нарастание числа укрепляющихся хозяйств и директивные указания центральных органов, требующие от кадровых работников стимуляции этого процесса, заставляли последних искать пути сохранения своего лидирующего положения в обществе, явно не противодействуя при этом введению новых производственных отношений.

Данные синьцзянской прессы убеждают, что выход был найден довольно быстро и базировался все на той же специфике родовых и клановых отношений, согласно которой выступающий защитником «родового единства» лидер должен был превосходить всех членов рода или клана и по своему имущественному положению. Официальная политика КПК, допускающая возможность «первоначального обогащения части людей», легализовала данное направление развития хозяйств кадровых работников в земледельческих и особенно скотоводческих районах Синьцзяна. При общем критическом подходе к подобной позиции кадровых работников в земледельческих районах, центральная и местная пресса положительно оценивала ее в среде кадровых работников скотоводческих районов [13].

Еще большее значение для изменения социальной структуры сельского населения и социально-политической ситуации в деревне СУАР имели так называемые «специализи-

рованные хозяйства», возникновение которых подтолкнуло процесс социальной дифференциации синьцзянской деревни и изменило психологические установки местного населения.

Сосредоточенность на одном занятии, развитие специфических трудовых навыков, технологические усовершенствования дали импульс экономическому росту, связанному по преимуществу с различием уровней индивидуальной производительности труда. В большинстве случаев достижение результативности в работе было связано с личностным фактором производительных сил двора. Поэтому для СУАР, как и в целом для КНР, характерно вовлечение в сферу специализированной деятельности ограниченных, и главным образом нетрадиционно, крестьянских трудовых ресурсов села. Основную массу работников специализированных дворов составляют три социальные группы: находящиеся на посту или выпедившие в отставку местные кадровые работники (преимущественно – ханьцы); окончившая городские учебные заведения и вернувшаяся в деревню молодежь, а также демобилизованные военнослужащие; хозяева крупных крестьянских хозяйств, ремесленники и торговцы, являющиеся по преимуществу коренными жителями деревни, но совмещающие сельскохозяйственное производство (главным образом в натуральном виде) со специализированным. Других примеров синьцзянская печать не приводит. Более того, там, где личностный фактор производительных сил был не развит, удельный вес специализированных хозяйств не превышал 1,5% при общесиньцзянском показателе 10-15% [14].

Во многом данная ситуация объяснялась и сложившимися в крестьянской среде психологическими установками, в основе которых лежали принципы «уравнительности», «превалирования социальной справедливости над экономической целесообразностью», «выполнения указаний вышестоящих органов», являющихся результатом длительного периода централизованного распределения и отчуждения крестьян от результатов своего труда, а также этнических стереотипов, характерных для населяющих СУАР этнических групп. Преодоление этих установок и являлось первоочередной задачей в экономической реформе синьцзянской деревни.

И хотя решить эту задачу не удалось до конца 80-х годов [15], тем не менее, уже в начале-середине 80-х годов ситуация в синьцзянской деревне начинает качественно ме-

няться. Ориентация на развитие производства приводит к началу изменений не только внутренней структуры села, но и к повышению качественного уровня (в том числе и в плане политической культуры) сельского населения, все в большей степени ощущающего свою экономическую значимость и проявляющего стремление освободиться из-под опеки местных кадровых работников.

Проведенный анализ показывает, что инициаторами и активными проводниками новых форм организации производства на селе являлись внешние по отношению к деревне силы, не отягощенные крестьянскими психологическими установками, с одной стороны, и обладающие достаточным уровнем накопления капитала (в различных его формах), с другой [16]. Эти социальные группы и предопределили тенденции дальнейшего социального и политического развития села. Уже к концу 1993 года в распоряжении индивидуальных крестьянских дворов и ассоциаций крестьянских дворов находилось свыше 80 % парка крупных тракторов и свыше 95% парка малых тракторов. К концу 1997 г. возникло 564 крестьянские ассоциации, объединяющие 3179 крестьянских дворов [17]. Еще большее влияние эти хозяйства оказали на изменение структуры сельскохозяйственного производства

(см. Таблицу 3) и повышение его товарности составляющей (см. Таблицу 4), что не могло не сказаться на повышении уровня дохода сельского населения (см. Таблицу 5), а следовательно, и его социальной роли в синьцзянском социуме.

При всей значимости процесса внедрения рыночных отношений в деревню, хотя и косвенно, но он способствовал усилению напряженности как в отношениях между различными слоями деревни, так и межэтнических отношениях. Данные обследования ряда районов Южного Синьцзяна показывают, что сугублением реформы и развитием товарной экономики в сельских районах СУАР начался процесс концентрации земли в руках отдельных хозяйств.

Таблица 3

Изменение структуры сельскохозяйственного производства в СУАР

	1978		1997	
	млн юаней	%	млн юаней	%
Объем сельскохозяйственного производства	5.138	100	24.612	100
в том числе:				
растениеводство	3.559	69,3	18.616	75,6
лесоводство	176	3,4	440	1,8
животноводство	1.383	26,9	5.340	21,7
рыбоводство	20	0,4	216	0,9

Источники: Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь. – Урумчи, 1998. – С. 77.

Таблица 4. Изменение коэффициента товарности сельскохозяйственного производства в СУАР

Наименование	1978	1985	1990	1996
Общий объем сельскохозяйственного производства (млн юаней)	2.097	5.657	14.465	43,08
Объем товарного сельскохозяйственного производства (млн юаней)	674	3.383	9.190	28,67
Коэффициент товарности производства (%)	32,14	59,8	63,53	66,59

Источники: Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь. – Урумчи, 1998. – С. 79.

Таблица 5. Процентное соотношение крестьянских дворов по уровню доходов (%)

Наименование	1980	1997	Принадлежность к категории
ниже 300 юаней	89,6	3,3	Бедные
ниже 600 юаней		16,2	Уровень достатка и ниже
600-1000 юаней		20,9	Частичное компенсирование
1000-1500 юаней		21,1	Начальный этап потребительского уровня
1500-2000 юаней		16,4	Начальный этап потребительского уровня
свыше 2000 юаней		25,4	Уровень удовлетворения жизненных потребностей

Источники: Синьцзян гайгэ кайфан эрши нянь. – Урумчи, 1998. – С. 9.

как отдельных (преимущественно более обеспеченных, и, как правило, представленных этническими ханьцами или местными кадровыми работниками) хозяйств [18]. В скотоводческих районах процесс имущественного и социального расслоения протекал на базе концентрации в руках отдельных хозяйств скота и пастбищных угодий, и как подчеркивала синьцзянская печать, «с одной стороны, происходило обогащение отдельных хозяйств, а с другой – часть скотоводческих хозяйств жила лишь продажей полученной ими доли общественного стада» [19].

Само по себе явление имущественного расслоения синьцзянской деревни – явление экономически вполне закономерное в условиях введения новых форм организации труда и производственных отношений на селе, учитывающих качественное состояние личностного фактора производительных сил. Экономическая логика (в том числе и обыденное крестьянское сознание) подсказывает: кто лучше работает, умело ведет свое хозяйство, тот лучше и живет. И данное обстоятельство, в условиях нормального функционирования механизмов экономического регулирования и приоритета интересов товаропроизводителя над интересами люмпена, а не наоборот, в принципе не содержит потенциальной основы для социальных конфликтов и потрясений. Другой вопрос, что «разгосударствление» сельской экономики происходило не на равных экономических и социальных основаниях, а в условиях приоритетности, либо, в лучшем случае, равновеликости интересов различных слоев населения. Проблемы получения нетрудовых доходов за счет своего служебного положения, личных и корпоративных связей, получения льготных государственных кредитов и дотаций, «благосклонного» отношения государства к некоторым хозяйствам и послужили основой различного рода конфликтов на селе. Причем необходимо подчеркнуть, что на начальном этапе реформ эти конфликты возникали преимущественно на социальной, а не на этнической основе. Как подчеркивалось в одном из обзоров по развитию синьцзянской деревни, «в настоящее время на путь первоначального обогащения вступают три категории людей: ганьбу (кадровые работники – К.С.), ремесленники и торговцы, а также занимающиеся коммерцией лица. Вступивших на путь обогащения из числа лиц, занимающихся растениеводством и откормом скота, очень мало». И далее, «в отношении первоначального обогащения последних двух катего-

рий массы не проявляют какой-либо неприязни, однако они весьма недовольны первоначальным обогащением ганьбу, получающих государственную заработную плату» [20].

И это соответствовало действительности. Проведенный нами анализ структуры доходов отдельных крестьянских хозяйств автономного района подтверждает, что низкий исходный уровень большинства хозяйств не давал им возможности для «быстрого обогащения» [21]. Преимуществом обладали те, кто к началу реформ имел определенный уровень первоначального накопления капитала либо соответствующее служебное положение, позволяющее приобрести этот капитал с началом реформирования экономики.

Последнее обстоятельство еще раз подтверждает наш вывод: на путь «первоначального обогащения» вступала внешняя по отношению к деревне сила, в руках которой концентрировалась все большая доля основных производственных фондов села и на чьей базе в перспективе только и было возможно развитие сельской экономики СУАР. С учетом увеличения численности «избыточных трудовых ресурсов» в сельской местности, усилением процесса люмпенизации сельского населения, сопровождающимся разделением сфер занятости по этническому признаку (прежде всего в силу различий в уровнях социально-культурного развития этносов), и усилением позиций религии в сельской местности, думается, не будет ошибкой предположить, что обострение социальных противоречий на селе в условиях многонационального Синьцзяна могли выливаться в этнические конфликты. Поэтому решение социальных проблем села представляется нам исключительно важным не только в аспекте социально-экономического развития СУАР, но и в связи с проблемой регламентации межэтнических отношений в регионе.

Первостепенное значение для решения социально-экономических проблем синьцзянской деревни как в середине-конце 80-х годов, так и в настоящее время приобретают сельские предприятия. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что первоначально неаграрный сектор сельской экономики был представлен исключительно предприятиями коллективной формы собственности. Однако в дальнейшем, особенно после принятия в феврале 1986 г. и октябре 1987 г. соответствующих решений парткома СУАР и правительства автономного района, ориентирующих сельскую экономику на подъем сель-

ских предприятий, развитие последних принимает несколько иное направление.

К концу 1987 г. сельские предприятия поглощали 11,2% трудовых ресурсов села, к началу 1991 г. – 12,5%, к концу 1994 г. – 20,8%, а к концу 1997 г. на 287 тыс. сельских предприятий было занято более 853 тыс. человек, что составляло 24% рабочей силы села. Объем производимой ими продукции в 1997 г. оценивался в 25 млрд 996 млн юаней, в том числе промышленной продукции – 12,574 млн юаней, или соответственно 25% и 16,3% объема сельскохозяйственного и промышленного производства СУАР [22].

Организация и развитие сельских предприятий решало несколько значимых как для экономики деревни, так и для социальной сферы проблем. Во-первых, с учетом обострившейся с началом реформ проблемы «избыточности трудовых ресурсов» на селе и ее воздействия на социально-экономические и политические процессы как деревни, так и города, уже одно это обстоятельство делало организацию сельских предприятий необходимой мерой.

Во-вторых, именно сельские предприятия, на наш взгляд, были в состоянии решить проблему дисбаланса между экономикой города и деревни, с одной стороны, а с другой, – основывая переработку продуктов скотоводства и земледелия, стимулировать развитие последних и разгрузить индустриальную сферу экономики. Для СУАР, где в конце 80-х – начале 90-х годов отсутствовала необходимая база для создания перерабатывающей промышленности в городах, была неразвита инфраструктура и ощущался острый дефицит финансовых средств, сельские предприятия, не требующие централизованных капиталовложений и дос-

точно мобильные в переориентации своего производственного цикла, были в состоянии с успехом восполнить этот пробел.

В-третьих, существенное значение для социальной структуры села эти предприятия имеют и потому, что наряду с поглощением «избыточных трудовых ресурсов села», они способствуют формированию качественно нового типа сельских жителей, изменению психологических и национальных особенностей сельского населения, не вовлеченного в сферу индустриального производства городов. Насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении данные, рост сельских предприятий происходит главным образом за счет индивидуальных и созданных на паях, что существенно меняет психологию «коллективизма» сельского населения, представленного в основном неханьскими этническими группами. Более того, с учетом того обстоятельства, что персонал этих предприятий составляют в основном люди среднего возраста и молодежь, а уровень их средних доходов в 3–4 раза превышает доходы лиц, занятых крестьянским трудом, на этих предприятиях сосредоточена та категория населения, которая смогла адаптироваться к новым экономическим условиям, следовательно, и проявлений этнического сепаратизма в ее среде можно ожидать меньше всего.

В определенном смысле сельские предприятия, хотя и не в полной мере, но способствовали решению социальных задач, стоящих перед экономикой села. В принципе, в них трудно было бы ожидать нечто большего. Сама структура сельских предприятий СУАР КНР (см. Табл. 6.) подтверждает, что пси-

хология сельского жителя меняется достаточно медленно и он прочно держится за традиционные виды ведения хозяйства.

Тем не менее не в последнюю очередь, именно благодаря развитию сельских предприятий, удалось изменить не только структуру сельскохозяйственного производства в СУАР, но и социальную составляющую заня-

тых в этой сфере трудовых ресурсов. Хотя достичь показателей приморских районов КНР и даже средних по стране пока не удалось, первый шаг в этом направлении уже сделан [23], и дальнейшие преобразования синьцзянской деревни будут проходить именно в этом направлении.

(продолжение в следующем номере)

Литература:

8. Подробнее об этом см.: Талипов К., Сыроежкин К. Религия в СУАР: возрождение, современное состояние, социальная роль // Вестник АН Каз. ССР. 1989. № 11. – С. 67-74.
9. См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – Алма-Ата, Институт уйгуроведения АН КазССР (рукопись депонирована в КазНИИЭКИ). 1992. – С. 39-40.
10. Гайтэ кайфан цзай Синьцзян (Реформы и политика открытых дверей в Синьцзяне. /под. ред. Чэнь Тунцзя). – Урумчи. 1998. – С. 22, 26-27.
11. См.: Синьцзян жибао, 15.06.1984.
12. См.: Социально-классовая структура населения СУАР. – С. 44-45.
13. См.: «Жэньминь жибао», 15.03.1987; «Синьцзян жибао», 14.03.1985, 3.04.1987.
14. См.: «Синьцзян дасюэ сюэбао». 1988. № 4. – С. 18-23; «Синьцзян шэжуй кэсюэ». 1988. № 2. – С. 30-38.
15. См.: «Синьцзян шэжуй кэсюэ». 1988. № 4. – С. 32.
16. См.: Социально-классовая структура населения СУАР. – С. 47-52.
17. Гайтэ кайфан цзай Синьцзян. – С. 33, 35.
18. См.: Социально-классовая структура населения СУАР. – С. 54-55; Синьцзян няньцзянь. 1988 (Ежегодник по Синьцзяну за 1988 г.). – Урумчи, 1988. – С. 307.
19. Синьцзян няньцзянь. 1988. – С. 340-341.
20. «Синьцзян шэжуй кэсюэ». 1988. № 2. – С. 34.
21. См.: Социально-классовая структура населения СУАР КНР. – С. 55-57.
22. См.: Современный Синьцзян и его место в казахстанско-китайских отношениях /Под ред. Сыроежкина К.Л. – Алматы, 1997. – С. 149; Гайтэ кайфан цзай Синьцзян. – С. 46; Шао Цзинь, Ван Шуаньгань. Синьцзян гайтэ кайфан эрши нянь (20 лет реформ и политики открытых дверей в Синьцзяне). – Урумчи, 1998. – С. 41.
23. В целом по Китаю среди трудовых ресурсов села заняты сельскохозяйственным производством 70,9%, несельскохозяйственными работами – 29,1%. Аналогичные расчеты проведенные по трудовым ресурсам синьцзянской деревни, показывают, что здесь непосредственно сельскохозяйственным производством занято 90,3%, несельскохозяйственными работами – 9,7% [См.: Синьцзян тунцзи няньцзянь. 1999. (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 1999 г.). – Урумчи, 1999. – С. 267; Ван Шуаньгань. Цзюсян 21 шицзе ды Синьцзян. Цзинцзи шовнь. (Синьцзян вступает в 21 век. Экономика.). – Урумчи, 1999. – С. 233]

Таблица 6. Структура сельских предприятий СУАР КНР (1998 г.)

	Число предприятий	Численность занятых (чел.)	Получаемый доход (млн юаней)	Объем произведенной продукции (млн юаней)
Сельскохозяйственные предприятия	1053	20127	301,44	300,61
Промышленные предприятия	50172	252639	10.868,02	11.120,9
Строительные предприятия	5359	79703	2.917,16	2.872,7
Транспортные предприятия	71930	94792	3.808,21	3.817,19
Предприятия оптовой торговли	78059	129923	3.805,61	3.632,4
Предприятия общепита и туристические	52896	116064	2.477,70	2.425,2
Предприятия в других сферах	9579	19242	378,15	404,91
Итого:	269048	712490	24.556,29	24.574,8
Предприятия СПСК	32790	70274	2.541,64	2.560,38

Источники: Синьцзян няньцзянь. 1999. – Урумчи, 1999. – С. 186-187.

ЕС КАК НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА: ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Лаумулин М.Т.

Идея создать из Европейского Союза не только экономическую, но и военно-политическую державу имеет давнюю историю. В сущности, ее истоки следует искать в создании Западно-Европейского Союза (ЗЕС) в 1954 г. и выходе Франции из НАТО в 1966 г. Возникновение ОБСЕ в 1975 г. также в своей основе было нацелено на обеспечение именно европейской безопасности. Однако ОБСЕ создавалась в геополитических условиях,

обусловленных противостоянием двух военно-политических блоков. Но главным фактором обеспечения безопасности Западной Европы в течение последних пятидесяти лет был Северо-Атлантический альянс, в котором доминировали США [1].

Распад Варшавского блока, а затем СССР в конце 1980 – начале 90-х гг. создали совершенно новую геополитическую ситуацию в мире и новый баланс сил в Европе. С начала

1990-х гг. в политических кругах стран ЕС пришли к необходимости превращения Евросоюза в военно-политический союз, который был бы свободен от влияния Соединенных Штатов. На саммитах ЕС в Брюсселе в 1994г. и в Берлине в 1996г. лидеры Евросоюза подчеркивали, что единая европейская политика в области безопасности будет осуществляться только в рамках НАТО. Это было обусловлено неудачным опытом участия европейских государств в урегулировании конфликтов на Балканах, когда было продемонстрировано политическое и военно-техническое превосходство США. Но с конца 1990-х гг. набирает силу стремление европейских государств самостоятельно обеспечивать свою безопасность и играть новую роль на международной арене в качестве самостоятельного полюса силы [2].

20–21 ноября 2000 г. в Брюсселе состоялась сессия министров иностранных дел и обороны стран Европейского Союза. Эта встреча явилась важнейшим шагом с 1992г., в направлении достижения цели создания Единой внешней и оборонной политики (ЕВООП) ЕС. На брюссельском заседании были определены конкретные вклады каждого участника в единые вооруженные силы ЕС, цели и задачи ЕВООП, взаимодействие и положение единых сил ЕС в отношении НАТО, рамки стратегической ответственности европейских сил и их количественные и качественные характеристики, структура руководства, вопросы взаимодействия и управления ЕВООП европейскими правительствами.

Хотелось бы отметить краткую предысторию создания единой европейской армии и формирования Единой европейской внешней и оборонной политики. В 1992 г. в ходе Петерсбергского саммита в Бонне было принято принципиальное решение о формировании ЕВООП. В июне 1996 г. НАТО принимает решение об укреплении европейской опоры альянса. В июне 1999 г. на саммите ЕС в Кельне происходит важное событие на пути к созданию единой стратегической политики ЕС: принимается решение о создании поста Уполномоченного представителя Евросоюза по внешней политике и политике в области безопасности, на который назначается бывший генеральный секретарь НАТО Х.Солана. В декабре 1999 г. на саммите ЕС в Хельсинки главы государств стран ЕС принимают решение о создании сил быстрого реагирования Европейского Союза, а в марте 2000 г. создается прообраз политического и военного штаба этих сил с местом нахождения в Брюсселе [3].

Фактически на последнем совещании в Брюсселе было принято окончательное решение о создании «европейской суперармии» нового геополитического центра силы. Общая численность единых европейских сил должна будет достигнуть 100 тыс. чел.: из них около 60 тыс. чел. составляют силы быстрого реагирования, 30 тыс. – ВВС и ВМС и 10 тыс. чел. – вспомогательные войска. На их вооружении будут находиться 400 боевых самолетов и 100 военных судов. Географический радиус применения европейской армии – 4 000 км. Общая численность сил быстрого реагирования – главной ударной силы ЕС – была ранее определена в 58 тыс. чел. В их распоряжение будут предоставлены 300 боевых самолетов и 75 военных судов. К 2003 г. силы быстрого реагирования ЕС достигнут уже 60 тыс. чел. со сроком готовности к боевому применению 60 дней. В ходе совещания было внесено предложение увеличить численность европейских сил до 64 тыс. чел., ВМС – до 30 тыс. чел., ВВС – до 579 самолетов.

С военно-технической точки зрения европейские вооруженные силы должны решить три главных проблемы: 1) создание необходимых транспортных возможностей, что является главной предпосылкой превращения европейской армии в мобильные силы стратегического применения; 2) развитие современных средств электронно-космической связи, управления и разведки; 3) разработка высокоточного оружия. Однако в реальности создание единых европейских сил сталкивается с рядом организационных, финансовых, политических проблем [4]. По внутриполитическим причинам Дания отказалась от участия в создании единых европейских сил.

Из запланированных 61 транспортная раба европейские вооруженные силы могут рассчитывать только на 6, из 186 транспортных самолетов – на 66. Полностью отсутствует инфраструктура электронного наблюдения и раннего предупреждения. В ходе совещания стало очевидным, что без поддержки НАТО создание подобных сил будет проблематичным. Но специалисты считают, что у европейских сил в хорошем состоянии находятся мобильные штабы, танковые подразделения и сухопутные части. Но главной проблемой остается политическое единство.

Наибольший вклад в создание единых европейских сил должны внести: Германия (13,5 тыс. из 210 тыс. чел. своей сухопутной армии), Франция (12 тыс. из 170 тыс. чел. сухопутной армии), Великобритания (9,85 тыс. из 110 тыс. чел. сухопутной армии), Италия (6 тыс. из 170 тыс. чел.), Испания (6 тыс. из 115 тыс. чел.), Греция (3,55 тыс. из 115 тыс. чел.) и Нидерланды (4,87 тыс. из 32 тыс. чел.).

Участие таких стран, как Бельгия, Португалия, Швеция, Австрия, Ирландия и Финляндия ограничивается небольшими контингентами численностью от 1 до 2 тыс. чел. Символическим является участие Люксембурга – 70 чел.

Симптоматичным является тот факт, что стратеги ЕВООП рассчитывают включить в единые европейские силы подразделения тех государств, которые еще не приняты ни в НАТО (кроме Чехии), ни в ЕС. Так, Румыния предоставит в распоряжение европейских сил 1 200 чел., Чехия – 1 000 чел., Словакия – 450 чел.

Основной вклад в создание единых европейских сил должна внести Германия: 27 тыс. чел., из них 18 тыс. чел. будут направлены в подразделения сил быстрого реагирования. На первых порах Министерство обороны ФРГ планирует выделить в распоряжение европейской армии 12 тыс. чел. для сухопутных сил и 6 тыс. чел. для ВВС, ВМС и вспомогательных частей. В военно-организационном плане Германия выделяет для европейской армии один корпус, по одному дивизионному и бригадному штабам со всей сопутствующей инфраструктурой и вспомогательными формированиями, один десантный, один танковый и два пехотных батальона, один полк снабжения, один саперный батальон, две фельдьегерских роты и одно специальное формирование гражданской обороны. Для европейских ВВС Германия предоставляет воздушный штаб, 30 транспортных самолетов типа «Трансаль», эскадрилью из 13 бомбардировщиков «Торнадо», 4 вертолета и один Аэробус для транспортных и эвакуационных целей. Для европейских ВМС Германия выделяет один фрегат, две подводные лодки, 4 минных тральщика и 4 самолета морской разведки. Санитарные части, представляющие немецкий вклад в европейские силы, будут включать в себя 1 600 чел., 2 полевых госпиталя и 6 мобильных спасательных центров.

При этом Минобороны ФРГ учитывает тот факт, что бундесвер находится в стадии реформирования, в результате чего вооруженные силы Германии превратятся к 2006г. из сухопутной оборонительной армии в высоко-мобильные силы интервенционистского характера. Силы быстрого реагирования бундесвера в результате реформирования увеличатся втрое – с 50 тыс. до 150 тыс. чел. Соответственно возрастет участие немец-

ких частей в единых европейских силах. При этом военное и политическое руководство ФРГ подчеркивает, что ЕВООП должна осуществляться не вне атлантического альянса, а вместе с НАТО.

На совещании в Брюсселе была предложена следующая структура управления едиными европейскими силами. Руководство ЕС исходит при этом из того, что речь идет не о создании или расширении Еврокорпуса, как это имело место ранее, а о формировании принципиально новой военно-политической структуры. Во главе этой структуры будет находиться Генеральный секретарь, а ее ядром будут Совет министров иностранных дел и обороны и Военный комитет, в состав которого войдут начальники генеральных штабов или их представители. Совет министров будет принимать политические решения, а Военный комитет – осуществлять практическую работу по их военной реализации. Помимо этих органов возможно создание единого Военного штаба, который будет осуществлять взаимодействие Совета и Военного комитета и разрабатывать стратегическое планирование.

На саммите ЕС в Ницце в декабре 2000 года обсуждалось создание Комитета по политике и безопасности, а также разработка финансовых инструментов по обеспечению ЕВООП. Не трудно заметить, что структура ЕВООП копирует структуру НАТО, что дает повод считать, что будущая военная деятельность ЕС будет осуществляться в тесной координации с атлантическим альянсом.

Возглавлять Военный комитет ЕС будет Генеральный директор, на пост которого претендовали французский, финский, итальянский, испанский и немецкий кандидат. Выбор пал на немецкого генерал-лейтенанта Шуверта, командующего 4-ым корпусом бундесвера в Потсдаме. Это назначение продемонстрировало усиление позиции Германии в ЕВООП и ее открытое соперничество с Францией, хотя до последнего времени Берлин и Париж тесно координировали свои шаги в этой области. Назначение представителя ФРГ на пост командующего штабами ЕС означает также поддержку большинством стран ЕС усилий Германии, направленных на то, чтобы избежать по мере возможности трений между военными аппаратами НАТО и ЕС.

Нейтральные по отношению к НАТО государства ЕС (Финляндия, Австрия, Швеция) стремятся минимизировать сотрудничество между НАТО и ЕС. Париж настаивает на при-

нятии такого военного планирования ЕВОП, которое бы не было связано в организационно-политическом плане с военным планированием атлантического альянса. С самого начала Берлин выступил против французского предложения, мотивируя это тем, что до тех пор, пока ЕС не будет располагать собственными военно-морскими системами слежения и предупреждения, европейские силы будут вынуждены использовать НАТОвскую систему АВАКС.

Военно-политический вес Берлина в обеих структурах – атлантической и европейской – растет. Помимо поста Генерального директора Военного комитета ЕС ожидается, что еще один немецкий представитель займет в следующем году высокий пост заместителя командующего силами НАТО в Европе. Это означает, что вся координационная работа по взаимодействию между НАТО и ЕС будет контролироваться немецкими военными. Кроме того, немецкий генерал Р.Шуэрт займет, как предполагается, пост командующего Европейским корпусом быстрого реагирования.

В связи с развитием единых европейских вооруженных сил представляется важным рассмотреть реформу Германского бундесвера, который прежде представлял собой главную сухопутную силу НАТО в Европе, а в будущем должен сыграть решающую роль наравне с французскими ВС в формировании ЕВОП.

Германский бундесвер был создан в 1955 г. в рамках Парижского и Лондонского соглашений в качестве военного вклада Западной Германии в объединенные силы стран НАТО. В 1990 г. бундесвер был расширен за счет присоединения к нему бывшей Национальной Народной армии ГДР. В период с 1990 по 1994 гг. бундесвер рассматривался в стратегии ФРГ и НАТО как инструмент германской и атлантической политики в области обеспечения безопасности и внешней политики [5].

С 1991 г. перед бундесвером в рамках официальной стратегии НАТО стоят восемь задач: 1) отход от прежнего курса на военную конфронтацию с восточноевропейским блоком и СССР; 2) развитие договорной базы по контролю над вооружениями в Европе; 3) приспособление стратегии бундесвера к изменению стратегии Атлантического альянса в духе отказа от концепции устрашения ядерным оружием; 4) поддержка процесса расширения альянса на Восток и оказание материально-технической помощи новым членам НАТО; 5) участие в международных миротворческих

операциях и миссиях по поддержанию мира; 6) участие в процессе нераспространения оружия массового уничтожения; 7) участие в антитеррористических операциях; 8) участие в общей обороне НАТО и защите жизненно важных интересов и безопасности союзников, особенно в области защиты коммуникаций и источниках сырья и энергетических ресурсов.

Перечисленные выше задачи, поставленные перед бундесвером в рамках его обязательств перед Североатлантическим альянсом, совпадают в целом с задачами всего блока и других участников. Однако стратегия НАТО учитывает географическую и стратегическую специфику бундесвера. Германия рассматривается как самая восточная страна центрального района зоны ответственности НАТО, как наиболее густонаселенное и экономически развитое государство Европы. Из этого вытекает центральная задача бундесвера – обеспечение военной стабильности в центральной Европе. Согласно новой доктрине НАТО бундесвер является «ядром военной Европы» на континенте. В этой связи руководство НАТО рассматривает любое возможное снижение военно-технического уровня германских вооруженных сил как ущерб военно-политической безопасности всего альянса.

Однако, как с тревогой отмечается в аналитических докладах атлантического блока, Германия в настоящее время занимает последнее место (перед Люксембургом) по уровню инвестирования в вооруженные силы. По мнению французских экспертов, бюджетная политика германского правительства в отношении бундесвера подошла к критической черте, за которой начинается угроза стабильности альянса и Европы в целом. Таким образом, проблема реформирования бундесвера является не только внутригерманским делом, но и рассматривается в контексте безопасности всего альянса.

Одной из важных задач, стоящих перед бундесвером в рамках стратегии НАТО, является его роль в военной интеграции с другими участниками этого блока. В немецком городе Штеттин будет располагаться штаб-квартира создаваемого нового германо-датско-польского корпуса. Однако в перспективе планируется более широкомасштабное участие бундесвера в рамках так называемого Северного Европейского командования, зоной ответственности которого будет обширное пространство от Турции до Норвегии и которое будет состоять из девяти корпусов. Главным элементом создаваемых корпусов дол-

жна стать сила быстрого реагирования, перед которыми ставится задача обеспечивать моментальную реакцию стран НАТО на возможные возникающие конфликты и угрозы, в первую очередь на южном фланге НАТО, который включает в себя Ближний Восток, Восточное Средиземноморье, черноморские проливы и т.д. Германия должна будет предоставить для этих сил контингенты численностью в 30 – 35 тыс. чел., которые в случае необходимости будут развернуты вдоль турецкого побережья и в южной Анатолии в направлении Ирака и Сирии. Всего на этом направлении планируется размещение сил НАТО на уровне 60 – 70 тыс. чел. То есть, бундесвер должен будет обеспечить не менее 50% сил альянса в этом регионе.

Бундесверу также отводится главная роль в стратегии НАТО на Балканах. В долгосрочной перспективе силы альянса, на которые будет возложена оперативная ответственность за стабильность на Балканах, достигнут 100 тыс. чел. С учетом ответственности бундесвера в Норвегии и Польше (33 тыс. чел.) и без учета вклада немецкого военно-морского корпуса на Эгейском море общая численность четырех континентов, которые бундесвер должен предоставить в распоряжение НАТО и развернуть в течение шести месяцев, составляет по приблизительным оценкам от 130 до 135 тыс. чел. Следует также учитывать участие Германии в будущих единых вооруженных силах ЕС (20 тыс. из 60 тыс. чел.).

Главной проблемой, по мнению брюссельских политиков, является несоответствие между требованиями, предъявляемыми атлантическим альянсом, и существующим уровнем материально-технического обеспечения бундесвера. НАТО требует от Берлина в качестве первого шага к модернизации его вооруженных сил качественное перевооружение своих континентов, участвующих в трех корпусах кризисного реагирования. Это германо-французская бригада со штаб-квартирой в Страсбурге, совместный с британцами и бельгийцами Корпус быстрого реагирования и создающийся заново германо-нидерландский корпус. В перспективе эти силы должны стать основой будущего Еврокорпуса, который в свою очередь станет ядром единых сил ЕС. Вклад бундесвера в Еврокорпус должен возрасти от полубригады до дивизии. Помимо этих трех корпусов немецкие силы участвуют также в германо-американском корпусе в Южной Германии и располагают 4-м национальным корпусом в Восточной Германии, который в слу-

чае кризиса должен предоставить свои части в распоряжение германо-нидерландского и германо-датско-польского корпусов.

С точки зрения стратегии альянса остается открытым вопрос о том, как бундесвер сможет обеспечить свое участие в этих многочисленных формированиях и сохранить возможность для быстрого ввода немецких континентов в корпуса быстрого реагирования в кризисных ситуациях. При любых калькуляциях стратегии НАТО ключевым остается тезис о том, что бундесвер пока еще остается самой мощной и самой крупной сухопутной силой альянса в Европе.

Практически все военные эксперты единодушны в том, что причины отставания бундесвера от процесса модернизации следует искать в бюджетно-финансовой области. За период с 1990 по 2000 гг. военный бюджет ФРГ снизился с 18,5% до 9,5% федерального бюджета, достигнув в этом году самого низкого после 1970 г. уровня – 45 млрд ДМ. По разным оценкам, бундесвер недополучил за эти десять лет инвестиций в размере 60 млрд ДМ, которые позволили бы ему оставаться на уровне современных требований. В 2001 г. военный бюджет еще сократится и составит 44,8 млрд ДМ (9,4% федерального бюджета).

Предполагаемая реформа, которая, как надеются, должна остановить негативную тенденцию в развитии немецких вооруженных сил, базируется, прежде всего, на радикальном сокращении численности бундесвера, что позволит направить высвободившиеся средства на его техническое перевооружение. Финансовые сложности, с которыми сталкивается немецкая армия, усугубляются также расходами на содержание контингента в Косово, которые в 1999 г. составили 1,2 млрд ДМ.

Центральный штаб вооруженных сил Германии подготовил в мае 2000 г. концептуальный документ, в котором общая численность бундесвера оценивается в 290 тыс. чел. Планы военных неизбежно входят в противоречие со всеми другими проектами сокращения армии. При этом разрыв в численности может составлять от 13 до 40 тыс. чел. Военные обращают внимание политиков на тот факт, что бундесвер может утратить свою роль главной сухопутной силы НАТО. Французские ВС составляют 324 тыс. чел. (1200 танков); британские ВС – 212 тыс. чел. (540 танков), в то время как бундесвер располагает 3130 танками при численности сухопутных войск в 228 тыс. чел. Военно-морские силы ФРГ уже сокращены на 28 тыс. чел. Таким образом, гер-

манские военные опасаются, что основные сокращения произойдут в сухопутных войсках.

Предполагается, что в ходе реформы, которая будет развиваться параллельно с модернизацией бундесвера и его дальнейшей интеграцией в атлантические и европейские структуры, произойдет сокращение механизированных дивизий с семи до пяти и механизированных бригад – с двадцати до десяти. В результате, под национальным командованием останется только 4-й немецкий корпус, состоящий из двух дивизий. В рамках НАТО планируется создание на его основе объединенного германо-датско-польского корпуса. В этом ракурсе командование альянса интересуется в первую очередь мобильность немецких дивизий, их боевая мощь и фактическая готовность к взаимодействию с союзными силами, прежде всего в области противовоздушной обороны и ВВС.

Частью реформирования бундесвера является постепенный отход от воинской обязанности к созданию профессиональной армии. Стратегия НАТО учитывает также начавшийся процесс перехода бундесвера от рекрутского комплектования к профессиональной армии. При этом в Брюсселе считают, что немецкий опыт будет учитываться при аналогичных трансформациях французской и нидерландской армий, которые также стоят на пороге отхода от всеобщей воинской повинности.

Новой ролью бундесвера в 1990-е гг. стало его участие в международных военных и миротворческих операциях в рамках НАТО, ОБСЕ, ЗЕС и ООН. Всего с 1991 г. бундесвер принял участие в одиннадцати операциях в Европе, Африке, Азии и Океании.

Дискуссия вокруг реформы бундесвера концентрируется вокруг шести главных проблем: перестройка армии и ее будущие задачи, структура вооруженных сил и их численность, форма службы в армии, размещение бундесвера, уровень участия женщин в вооруженных силах, состояние и дальнейшее развитие оборонного бюджета.

Ядром предстоящей реформы бундесвера будет его численное сокращение. В настоящее время бундесвер насчитывает 320 тыс. чел. Существует восемь проектов военной реформы: федерального правительства, Комиссии Вайцзеккера (так называемая Комиссия Вайцзеккера), Генерального инспектора и пяти крупнейших политических партий (СДП, ХДС/ХСС, «Союза 90/Зеленых», СвДП и ПДС). Правительственный проект и проект

социал-демократической партии практически совпадают. Согласно этому проекту численность бундесвера должна будет составить 280 тыс. чел. плюс 80 – 90 тыс. чел. гражданского персонала. Численность соединений боевого применения составит 150 тыс. чел. Воинский призыв планируется ограничить 100 тыс. чел. ежегодно, а срок службы – 6 – 9 месяцами. Резервы составят 500 тыс. чел. Проекты, предложенные Генеральным инспектором и партиями ХДС/ХСС, подразумевают несколько большую численность бундесвера – соответственно 290 тыс. и 300 тыс. чел. Остальные проекты содержат предложения по еще более радикальному сокращению армии – до 200 тыс. чел. в проекте партии «Зеленых» и даже до 100 тыс. чел. в проекте посткоммунистической ПДС [6].

Сторонники более радикального сокращения армии в бундестаге обращают внимание на тот факт, что в отличие от Франции и Великобритании, имеющих заморские базы и обязательства военного характера перед своими бывшими колониями, Германия не связана подобными проблемами. Этот факт является объяснением большей численности вооруженных сил этих ведущих европейских держав по сравнению с ФРГ с учетом общей численности населения.

В отношении системы призыва приводятся две точки зрения. Первая исходит из того, что дальнейшая модернизация армии требует большей профессионализации военного персонала. Небольшие, но чрезвычайно мобильные силы быстрого реагирования могут состоять только из профессионалов. Вторая точка зрения базируется на том, что наличие резервов, а также проблема патристического воспитания молодежи требуют сохранения воинской повинности, но в ограниченных масштабах и с широким использованием альтернативной службы. Правительственный проект предполагает, что на обязательной основе бундесвере с 2002 г. будут служить около 100 тыс. чел. ежегодно, что составит 24% от численности мужского населения года призыва. Военные настаивают на сохранении к 2010 г. уровня 172 тыс. чел., или 40%.

В отношении военного бюджета правительственный проект предполагает более крупные расходы, чем парламентский. Учитывая, что оборонный бюджет будет постепенно сокращаться (2000 г. – 45,3 млрд, 2001 г. – 44,8 млрд, 2002 г. – 44,5 млрд, 2003 г. – 44 млрд ДМ), неясно, как будут финансироваться различные дорогостоящие проекты по

технической модернизации армии. К самым существенным с финансовой точки зрения относятся проекты по созданию в рамках ЕС системы спутникового слежения и строительству собственных европейских крупных транспортных самолетов А-400 М. Кроме того, расходы по пребыванию частей бундесвера на Балканах, которые достигнут 2 млрд ДМ ежегодно и которые в настоящее время покрываются из других статей бюджета, в будущем будут финансироваться за счет бюджета бундесвера.

Согласно правительственной концепции, военная реформа начнется в апреле 2001 г. и завершится в 2006 г. Будущий бундесвер будет состоять из сухопутных войск, ВВС, ВМС и центральной санитарной службы. Новым элементом в структуре бундесвера станет так называемая База вооруженных сил (СКБ) с составом в 50 тыс. чел., что равно в сумме численности ВВС и ВМС. Новая структура возьмет на себя задачи материального снабжения, планирование и проведение военных операций, обеспечение внутренней безопасности, защиту окружающей среды и функции гражданской обороны. Кроме того, в проекте Комиссии Вайцзеккера содержится предложение ввести централизованное управление всеми территориальными формированиями. С января 2001 г. женщины получают право на добровольную службу в армии в качестве военного персонала.

Реформа предусматривает также создание и развитие широкой базы для военно-профессиональной подготовки низшего состава. Планирование военно-технического снабжения армии будет осуществляться Советом по вооружениям во главе с Генеральным инспектором, полномочия которого будут расширены. Территориальная структура бундесвера будет укрупняться, и вместо семи военных округов будут созданы четыре региональных командования. Бундесвер рассчитывает также получить около миллиарда марок ежегодно благодаря закрытию ряда военных объектов и их продаже с целью использования этих средств на свою модернизацию.

Таким образом, все политические силы в Германии единодушны в том, что в стране назрела реформа армии. Главной причиной этого, на наш взгляд, является изменение военно-политической обстановки в Европе. После истечения Варшавского Договора германский бундесвер постепенно перестал играть роль главной сухопутной силы НАТО в Европе, а после вхождения в альянс Польши, Чехии и

Венгрии – перестал быть форпостом НАТО на востоке. Вхождение ГДР в состав Западной Германии, а также Национальной Народной армии в состав бундесвера привело к его количественному росту в ущерб военно-технической модернизации, которую в 90-е гг. активно проводили другие члены НАТО, прежде всего США, Франция и Великобритания. По разным оценкам, Германия отстала от них на 5 – 10 лет. В сентябре 2000 г. Белый Дом выразил министру обороны ФРГ Р.Шарпингу свою озабоченность военно-техническим отставанием бундесвера от других армий НАТО. Аналогичные высказывания раздавались в течение всего 2000 года из Лондона и Парижа. Р.Шарпинг заверил У.Клинтон, президента США, в том, что реформа бундесвера не отразится на его военно-техническом уровне и будет способствовать выполнению его функций в рамках новой доктрины альянса.

Реформа бундесвера, адаптивное новое доктрины НАТО и создание единых европейских сил приведут к качественно новой роли немецких вооруженных сил. В рамках НАТО они будут в большей степени интегрированы в различные международные соединения, при этом на бундесвер возлагается ведущая роль на северном и восточном флангах альянса. Бундесвер совместно с французской армией должен стать ядром единых вооруженных сил ЕС. Основным изменением роли бундесвера является его предполагаемое использование в других регионах, в том числе вне зоны прежней ответственности НАТО. Это означает, что бундесвер будет широко использоваться как военный инструмент альянса наряду с британскими и французскими силами. Фактически, это качественно новое изменение статуса бундесвера уже проявилось во время кризиса на Балканах и косовского конфликта.

Таким образом, можно утверждать, что реформа бундесвера нацелена прежде всего на отказ от его прежней роли крупнейшей сухопутной силы альянса в Европе и превращение в мобильные силы быстрого реагирования НАТО, которые могут быть применены не только в Центральной Европе, как прежде, но и в других районах мира. Реформа предполагает количественное сокращение армии и повышение ее эффективности. К середине следующего десятилетия бундесвер должен стать важным элементом НАТО и единых вооруженных сил ЕС в системе глобальной ответственности альянса.

(продолжение в следующем номере)

Литература:

1. Busse Ch. Braucht Europa einen Kern? Zur gegenwärtigen Diskussion um die Zukunft der europäischen Integration // Beilage zum Parlament. 17.11.2000. B 47/2000. – S. 3 – 12.
2. Pradetto A. Nationalstaat und transnationale Organisationen in der europäischen Sicherheitsstrukturen // Beilage zum Parlament. 17.11.2000. B 47/2000. – S. 13 – 21.
3. Mauer V. Eine Sicherheits- und Verteidigungspolitik fuer Europa // Beilage zum Parlament. 17.11.2000. B 47/2000. – S. 22 – 30.
4. Wolf R. Finanzierungsprobleme der Europäischen Sicherheits- und Verteidigungspolitik unter den Bedingungen der Währungsunion // Beilage zum Parlament. 17.11.2000. B 47/2000. – S. 31-38.
5. Ruehl R. Die Bundeswehrreform aus buendnispolitischer Sicht // Beilage zum Parlament. 20.10.2000. B 43/2000. – S. 3 – 11.
6. Fleckenstein B. Bedingt einsatzfähig: der lange Weg zur Neugestaltung der Bundeswehr // Beilage zum Parlament. 20.10.2000. B 43/2000. – S. 13 – 23.

ГЛОБАЛИЗМ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ СИСТЕМЫ ООН В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Тасмагамбетова Д.Т.

Принципиальная новизна нынешней международной ситуации состоит в том, что с падением Берлинской стены, окончанием «холодной войны» и отказом России от мессианской роли в организации мироустройства прежние разделительные линии между государствами от Бреста до Ванкувера сменились качественно новыми разделительными линиями. И хотя водораздел сейчас проходит не по идеологическому признаку, тем не менее единого правового пространства, равной для всех государств безопасности в европейско-атлантическом масштабе пока не сложилось.

Идея общеевропейского дома, о которой так много и дружно говорились в середине-конце 80-х гг., так и не была воплощена в жизнь. На смену ей пришло расширение НАТО, что сделало новые границы в политическом плане крайне уязвимыми. Заметное напряжение в международных отношениях внесли планы США по развертыванию системы ограниченной национальной противоракетной обороны с выходом из Договора по ПРО. Эти планы поставили под вопрос судьбу всех принятых ранее договоров по разоружению.

Не произошло и подлинного примирения между Западом и Россией, путем вхождения последней в основной поток европейской цивилизации. Государства, находящиеся на обширных пространствах Евразии, по-прежнему разделены на различные категории в зависимости от их экономического потенциала и политической ориентации.

Не была реализована и принятая Генеральной Ассамблеей ООН еще в 1974 г. Про-

грамма действий по установлению нового международного экономического порядка, основанного на справедливости, суверенном равенстве, взаимозависимости, общности интересов и сотрудничестве всех государств. Такой порядок, как думали авторы резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, должен был устранить неравенство, ликвидировать увеличивающийся разрыв между развитыми и развивающимися странами и обеспечить все более быстрое экономическое и социальное развитие в мире.

В новых политических, экономических и технологических условиях, созданных глобализацией, одной из крупных угроз для человека, его безопасности являются затяжные вооруженные конфликты.

За последнее десятилетие этого века произошло качественное изменение природы конфликтов, смещение их из межгосударственной во внутргосударственную плоскость.

Иным стал и характер конфликтов. Сейчас в них втянуты главным образом этнические, религиозные группы. Устрашающая интенсивность и устойчивость конфликтов приводят к небывалому числу невинных гражданских жертв: 90 процентов пострадавших приходится на некомбатантов – посторонних, случайных людей, которые становятся мишенями только по причине их этнической или религиозной принадлежности.

В течение уже продолжительного времени и, особенно в последнее десятилетие, в разных регионах мира, от Филиппин до Косово, формируется зона многоуровневой нестабильности (социально-политической

этнополитической) с активной вовлеченностью в дестабилизационные процессы и акции паразитирующих на религии экстремистских организаций, движений, группировок и режимов. Террористические акты, мятежи, сепаратистские движения, затяжные военные действия и конфликты низкой интенсивности – таковы проявления факторов нестабильности в таких регионах, как Ближний и Средний Восток, Центральная Азия и Кавказ, Западная Европа, Африка, США, Латинская Америка и, наконец, кровоточащая рана России – Чечня и в целом Северный Кавказ.

В этой связи большой практический интерес и значение имеет Стратегия ООН по урегулированию и сдерживанию внутрисударственных конфликтов, изложенная в «Повестке дня для мира», которая была опубликована в 1992 г. тогдашним Генеральным секретарем ООН Бутросом Гали. Стратегия включает в себя новые понятия: превентивная дипломатия, миротворчество, поддержание мира и миростроительство.

Нынешнее положение в мире характеризуется динамичной трансформацией системы международных отношений. После окончания эры bipolarной конфронтации возобладала две взаимоисключающие конкурирующие тенденции.

Первая тенденция проявляется в укреплении экономических и политических позиций государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами. При этом все большую роль играют факторы долговременного воздействия – экономические, политические, научно-технические, экологические и информационные.

Вторая тенденция проявляется в попытках создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран во главе с США и рассчитанной на односторонние, в том числе военно-силовые решения ключевых проблем мировой политики, зачастую в обход императивных норм международного права, закрепленных в Уставе ООН. Наиболее очевидным и крупномасштабным примером такой тенденции являются действия НАТО в Югославии.

В последнее время в политическом слогаре прижился новый термин – «глобализм». Все дискуссии на международных форумах перестраиваются на глобализм. Несмотря на большой диапазон мнений в его толковании,

несомненно, что его суть составляет унифицированный подход мирового сообщества к разрешению глобальных проблем, которые стали предметом особой озабоченности человечества в послевоенный период. Среди основных проблем такие, как предотвращение мировой термоядерной войны, ликвидация угрозы голода для сотен миллионов жителей Земли, преодоление отсталости развивающихся стран, предотвращение экологической катастрофы, решение проблемы размещения энергетических и сырьевых ресурсов, формирование эффективной демографической политики, ликвидация наиболее опасных и распространенных болезней, расширение ареала человечества, в частности освоение космоса и Мирового океана.

Как представляется, глобализация – процесс объективный и перманентный. Глобализация долго вызревала в недрах человеческого бытия и вырвалась наружу одновременно с невиданным прогрессом в науке и информатике. Будущее бросает тень на настоящее задолго до своего прихода. Поэтому уже сейчас ясно, что долгосрочные национальные интересы всех государств диктуют необходимость своевременного вхождения в главный поток глобального прогресса, активного участия в его развитии. Особенно остро этот вопрос стоит для стран, остающихся на обочине цивилизации. Симптоматично заявление министра иностранных дел Центрально-Африканской Республики на 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН о том, что процесс глобализации отбрасывает развивающиеся страны на задворки мирового развития.

В этой связи заслуживает внимания известное заявление Генерального Секретаря ООН Кофи Аннана об институциональной задаче эффективно реагировать на происходящие сдвиги в развитии международных отношений. Складывающееся новое качество международных отношений, основанное на примате международного права, объективно стимулирует повышение роли институциональных механизмов. В первую очередь это затрагивает Организацию Объединенных Наций и связанные с ней международные организации как центры обсуждения и решения практически всех международных проблем, согласования действий государств и формирования универсального консенсуса. Это тем более важно, что с повестки дня не сходит проблема формирования международной идентичности, опреде-

ления внешнеполитических приоритетов и союзов, участия в международных объединениях и организациях.

Для политической ориентации в современных международных отношениях обсуждаемый на многих международных форумах вопрос о многополярности или однополярности современного мира имеет по-прежнему важное значение. Ведь это вопрос не политических предпочтений, а адекватной оценки политической реальности. Сама постановка этого вопроса, думается, вызвана неприятием большинством государств стойкого тяготения США к «вечной однополярности» мира, возглавляемого, естественно, Вашингтоном. Конечно, огромная экономическая, финансовая и военная мощь США позволяет им решать некоторые жизненно важные проблемы с позиции силы. Но США не являются единственным центром силы. Есть и другие – Западная Европа, Япония, Китай. Проблема заключается не в признании или непризнании асимметричного многополярного мира (он реально существует, хотя и при явном доминировании США), а в том, чтобы стать одним из его полюсов, авторитетным игроком на международной арене. Данный фактор, а также приверженность принципам международного права может обеспечить всем государствам (большим и малым) полноправное участие в коллективной работе по выработке стратегии в вопросах безопасности, в решении глобальных проблем, в совместном противостоянии новым проблемам и опасностям – агрессивному этносепаратизму, росту международного терроризма и организованной преступности.

Необходимой предпосылкой создания международной (государственной) идентичности всякого государства является чувство реальности, состоящее в том, чтобы адекватно воспринимать мир и свое место в нем, не впадая ни в самоуничижение, ни в необоснованные амбиции.

После распада СССР возник новый геополитический расклад. Казахстан отличает выгодное геополитическое положение: он является связующим звеном между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом. Данное положение Казахстана можно рассматривать в широком и узком смысле. С одной стороны, – Казахстан соединяет европейские и азиатские государства (Восточную Европу с Турцией, Ираком и Афганистаном), с другой, – республики СНГ с азиатскими

государствами и европейские страны СНГ с азиатскими.

В Послании Президента страны народу «Казахстан – 2030» говорится, что Казахстан выбирает свой путь. «Мы евразийская страна, имеющая свою собственную историю и свое собственное будущее. Поэтому наша модель не будет похожа ни на чью другую. Она впитает в себя достижения разных цивилизаций... Наша модель будет определять наш собственный путь развития, сочетая в себе элементы основных моделей, но опираясь в основном на наши специфические условия, историю, новую гражданственность и устремления, учитывая конкретность этапов развития» [1].

Очевидно, что без надежного экономического обеспечения ни один путь развития, каким бы оригинальным он ни был, автоматически не трансформируется в реальную политику.

Казахстан является сегодня лидером в СНГ как по уровню зарплат, так и по темпам экономического роста, привлечению инвестиций. По данным Всемирного Банка, Казахстан входит в число двадцати государств, проводящих оптимальную инвестиционную политику. Правительством страны проводятся глубокие социальные реформы. Их суть состоит в том, чтобы запустить в полном объеме государственные системы медицинского, социального страхования, страхования имущества. Казахстан является последовательным сторонником интеграции. Именно нашей стране принадлежит инициатива создания Евразийского экономического сообщества.

Уже сегодня Казахстан вправе выступать в международных делах твердым поборником верховенства закона, активно проявлять себя в международно-правовой сфере. Это, несомненно, положительно повлияет на международную репутацию Казахстана.

Говоря о международном фоне, на котором происходит государственное строительство Казахстана, важно отметить, что, несмотря на усилия ООН, тем не менее проблема обеспечения мира и стабильности в отдельных регионах и мире в целом остается весьма актуальной. Проецируя нынешние глобальные вызовы современности (и в политике, и в экономике, а также в экологии, энергетике и социальной сфере) на роль ООН в международных отношениях государства неизбежно приходят к выводу о том, что только ООН может быть несущей конструкцией формирования многополярной между-

народной системы коллективной безопасности, средством обеспечения практической взаимосвязи между экономическим развитием, социальным прогрессом, миром и безопасностью.

С момента принятия Устава ООН прошло 55 лет. Этот уникальный документ выдержал испытание временем. Однако очевидно и то, что ООН и организации системы ее все же нуждаются в реформах, адекватных современным вызовам таким, как увеличение количества молодых независимых государств; изменение природы международных конфликтов; возрастание угрозы миру в результате гражданских войн и других внутренних конфликтов, глобализации мировой экономической деятельности, появления экологической опасности глобального характера; резкое возрастание числа беженцев.

В научной литературе справедливо критикуется излишняя идеологизация и политизация универсальных организаций системы ООН, что превращает ее в трибуну для выдвижения односторонних претензий, в арену противоборства различных групп государств.

В рамках ООН и, главным образом, в Специальном комитете по Уставу ООН на протяжении ряда лет активно идет работа по реформированию Устава ООН и, прежде всего, Совета Безопасности, несущего главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Можно выделить следующие центральные пункты дискуссии: а) число членов Совета и его возможное расширение в целях увеличения представительности; б) целесообразность сохранения или изменения принципа постоянного членства и статуса Постоянных членов при голосовании (проблема вето); в) степень интеграции и взаимодействия между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей; г) процедуры, которые будут регулировать деятельность Совета Безопасности в будущем.

Заслуживают позитивного отношения и усилия ООН по освоению новых и совер-

шенствованию традиционных коммуникационных технологий как средства информирования населения Земли о деятельности Организации. Возможность беспрепятственного доступа к такой информации позволяет реализовать зафиксированное в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека право искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами, независимо от государственных границ. В 2000 году ООН провела ряд мероприятий, призванных расширить и углубить понимание сути ее деятельности. Наиболее удачным признана общественная кампания «Организация Объединенных Наций в действии», дающая разъяснения о том, как Организация решает основные задачи XXI века, в частности, связанные с экономическим и социальным развитием.

Большую роль в предоставлении всем странам сведений о деятельности и задачах ООН играют информационные центры Организации. Они обеспечивают прямую связь Организации с представителями средств массовой информации, неправительственными организациями и широкой общественностью.

Казахстан не является исключением и в этой конкретной сфере деятельности ООН. Все большее количество людей интересуется проблемами глобализации и вызовами, которые неизбежно появляются с развитием этого процесса. И этот интерес вполне обоснован. Представители многонационального Казахстана совершенно справедливо ищут ответы на вопросы о том, сможет ли страна безболезненно вписаться в главный поток развития современной цивилизации, не оказавшись на ее обочине. Какое будущее ожидает Казахстан?

Думается, что выраженный в этой связи оптимизм не покажется безосновательным. Казахстан располагает всеми возможностями – и человеческим потенциалом, и сырьевыми резервами – для того, чтобы стать влиятельной фигурой в сложной игре, именуемой геополитикой.

Литература:

1. Послание Президента страны Н.Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. – 1997. – 11 октября.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И РАДИАЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ

Нурпеисов Д.К.

Вопросы мирового развития ядерной энергетики

В последние годы особое значение приобрела проблема безопасности в сфере ядерной энергетики. Общественные организации во многих странах мира противодействуют наращиванию темпов развития ядерной энергетики. Активная оппозиция требует пересмотра ядерно-энергетических программ. Так, в Англии организация «Гринпис» выступает за демонтаж существующих АЭС. Под давлением общественности правительства Австрии и Дании отказались от строительства АЭС на своих территориях. Швеция также ликвидировала имеющийся у нее значительный потенциал в этой области. Не остаются в стороне от этих процессов и общественные организации Казахстана. Против строительства новых АЭС в республике выступают международная организация «Невада – Семипалатинск», общественное движение «Аттан» и другие общественные организации.

Важнейшей причиной этих процессов является нерешенность ряда актуальных вопросов промышленного использования атомной энергии, связанного с его повышенным риском для окружающей среды и здоровья людей, таких как радиационная безопасность, проблема радиоактивных отходов и т.п. Широко известны случаи аварий, произошедших на английском ядерном комплексе «Уиндскейл» в 1957 г., американской АЭС «Три майл айленд» в 1979 г., трагедия 1987 г. в Гоянии – одном из штатов Бразилии. В 1986 году произошла авария на Чернобыльской АЭС, в результате которой пострадала почти пятая часть всего населения Белоруссии, а это около 2,2 млн человек, из которых 800 тысяч детей. Некогда благодатная земля превратилась в огромную безжизненную пустыню, где нельзя будет жить, по крайней мере, лет 100 – 200. В целом, с момента появления первых атомных реакторов во второй половине 40-х годов, произошло несколько сотен ядерных инцидентов различной степени опасности.

Чтобы не было повторения чернобыльской трагедии, очень важно скоординировать программы и действия отдельных государств и международных организаций в целях предотвращения в будущем ядерных инцидентов, подобных чернобыльской.

Особенности международного сотрудничества в сфере ядерной безопасности и радиационной защиты

С момента появления первых атомных установок во многих странах мира начала складываться самостоятельная специфическая область правового регулирования – атомное право. Было принято множество нормативных актов, регулирующих отношения, возникающие в связи с использованием атомной энергии. Да и в настоящее время объем законов и административных актов в этой области постоянно растет. Правовые нормы этих актов, хотя и направлены на регулирование единого по своей природе объекта, тем не менее не являются однородными и входят в качестве составных частей в различные отрасли как внутреннего, так и международного права.

В юридической литературе выделяются две группы внутренних правовых норм, регулирующих вопросы, связанные с использованием атомной энергии в мирных целях. Первую группу составляют предписания, направленные на регулирование организационных и управленческих отношений, а вторую – предписания, которые имеют целью урегулировать отношения по защите от ионизирующих излучений. К первой группе норм относятся правовые нормы, регулирующие деятельность государственных органов и ведомств, в чью компетенцию входят вопросы использования атомной энергии, а также нормы о производстве ядерных материалов и надлежащем контроле за ядерной деятельностью в национальном масштабе. Подобные нормы содержались уже в первых законах об атомной энергии, например, в Законе Аргентины об атомной энергии 1953 г., американском Законе 1959 г. В Республике Казахстан правовые нормы, регулирующие вопросы, связанные с использованием атомной энергии, определены в Законе об использовании атомной энергии 1997 г.

Ко второй группе относятся специальные законы по защите населения от ионизирующего излучения, в которых предусматривается особый порядок и правила обращения с радиоактивными материалами. Так, в Исландии Закон о мерах защиты от ионизирующей

радиации существует с 1962 г., в Финляндии – Закон о радиационной защите 1965 г., в Австрии – Закон о радиационной защите 1969 г., во Франции – Закон о защите и контроле за ядерными материалами 1980 г. Существует Закон о радиационной безопасности населения и в Казахстане, принятый в 1998 г.

Но необходимо отметить, что решение таких сложных вопросов, как обеспечение ядерной безопасности и радиационной защиты населения возможно лишь в условиях тесного взаимодействия между собой государственных органов и международных организаций, занимающихся проблемами ядерной и радиационной безопасности. В связи с этим, координация и объединение усилий государств по обеспечению ядерной безопасности и радиационной защиты населения – это сравнительно новое, но быстро развивающееся направление международного сотрудничества в сфере мирного использования атомной энергии, характеризующееся рядом особенностей.

Одна из особенностей этого направления состоит в том, что оно все больше облекается в международно-правовые формы, преимущественно в виде международных договоров регионального характера, а также двусторонних или многосторонних соглашений. Например, Международным соглашением в области радиационной защиты, принятым на многосторонней основе, является Конвенция Международной организации труда № 115 о защите трудящихся от ионизирующей радиации, принятая 22 июня 1960 г. на 44-й сессии Генеральной конференции МОТ в Женеве. Следует заметить, что с принятием данной Конвенции основные принципы Международной комиссии по радиационной защите приобрели силу международно-правовых норм. С момента вступления Конвенции в силу была создана международная система защиты, гарантирующая безопасность лиц, работающих с источниками ионизирующих излучений. Конвенция представляет собой значительный вклад в дело правового регулирования радиационной защиты, поскольку любое государство, ратифицировавшее Конвенцию, может идти дальше того, что стало международным минимумом радиационной защиты. Следует отметить, что для Казахстана, владеющего крупнейшими запасами природного урана и являющегося одним из крупнейших переработчиков данного сырья, проблема радиационной защиты лиц, работающих на урановых рудниках и предприятиях по переработке радиоактивных руд, является очень актуальной.

Следует отметить, что международно-правовое регулирование отношений между государствами в области охраны окружающей среды в целом и предотвращения радиоактивного загрязнения в частности базируется на общепринятых принципах современного международного права, закрепленных в Уставе ООН и иных основополагающих актах международного права. Среди этих принципов следует особо подчеркнуть суверенное равенство всех государств, невмешательство во внутренние дела любой страны, неукоснительное выполнение договорных обязательств, сотрудничество и взаимную помощь.

Еще одна отличительная особенность международного сотрудничества в области радиационной защиты и ядерной безопасности состоит в том, что оно приобретает комплексный характер и охватывает широкий диапазон проблем – от согласования национальных принципов и стандартов ядерной безопасности и радиационной защиты, разработки кодексов безопасного строительства и эксплуатации АЭС, согласованных мер по подготовке кадров и до координации усилий государств по оказанию взаимопомощи в случае возникновения ядерной или радиационной угрозы. Это особенно наглядно проявляется в области международно-правового регулирования. Так, например, Программа МАГАТЭ по разработке норм безопасности АЭС определяет основные положения, реализация которых гарантирует обеспечение безопасности на всех этапах реализации программы развития ядерной энергетики, включая: выбор месторасположения АЭС, ее проектирование, строительство и эксплуатацию, обеспечение высокого качества изготовления и монтажа ядерно-энергетического оборудования. Наряду с этим в Программе предусматривается и система мер, направленная на оказание содействия странам – членам МАГАТЭ во внедрении указанных рекомендаций в практику реакторостроения.

Оценивая Программу МАГАТЭ по разработке норм безопасности АЭС, следует признать, что подготовленные в ее рамках документы, не будучи источниками международного права, тем не менее могут послужить в дальнейшем принятию согласованного в международном масштабе подхода к комплексному решению проблем безопасности. В ряде государств-членов МАГАТЭ они одобрены в качестве обязательных требований, в других – используются в качестве рекомендательных норм при проектировании, сооружении и эксплуатации АЭС. Для изучения опыта безопас-

ной эксплуатации АЭС и оказания консультативной помощи по вопросам обеспечения ядерной безопасности и радиационной защиты в рамках МАГАТЭ функционирует новое подразделение – Группа МАГАТЭ по контролю за безопасностью АЭС.

Подобные документы и мероприятия должны способствовать более глубокой оценке безопасности проекта ядерной установки и пригодности территории для ее строительства, включая оценку воздействия такой установки на окружающую среду. Следует сказать, что Казахстаном уже подготовлен и согласован с МАГАТЭ проект по программе технической кооперации, связанный с оценкой безопасности выбора площадки для возможного строительства атомной электростанции мощностью 1935 МВт. В качестве примера можно привести инспекции, осуществляемые контролерами МАГАТЭ, на крупнейшем ядерном объекте Республики Казахстан – Мангышлакском атомном энергетическом комплексе.

Обширное поле для международного сотрудничества представляет и объединение деятельности государств по обеспечению радиационной защиты при использовании иных источников ионизирующих излучений, особенно в таких областях, как медицина, промышленность и сельское хозяйство.

Другая характерная особенность международного сотрудничества в области ядерной безопасности и радиационной защиты – усиление роли международных организаций, что определяется рядом факторов. Один из факторов связан с тем, что для развивающихся стран, не располагающих достаточно развитым научно-техническим потенциалом и квалифицированными кадрами, самостоятельное осуществление национальных программ развития ядерной энергетики, включая решение проблем безопасности, крайне затруднительно либо вообще невозможно без активной помощи и поддержки международных организаций. Так, например, Программа технического сотрудничества МАГАТЭ в области обеспечения ядерной безопасности, достаточно полно учитывает интересы как индустриально развитых, так и развивающихся стран. В этой связи следует отметить, что и Казахстану, располагающему достаточно развитым научно-техническим потенциалом и квалифицированными кадрами в области ядерной энергетики, необходимо более тесное сотрудничество с международными организациями, занимающимися вопросами ядерной безопасности и радиационной защиты.

Роль международных организаций в области ядерной безопасности и радиационной защиты

Роль международных организаций в деятельности, направленной на регулирование отношений, складывающихся в сфере обеспечения ядерной безопасности и радиационной защиты, степень их участия в такой деятельности, а также степень юридической силы разрабатываемых ими норм неодинаковы. Наиболее весомый вклад в разработку указанных норм вносит МАГАТЭ. В соответствии с положениями своего Устава МАГАТЭ наделяется правом консультаций, а, в необходимых случаях, совместно с компетентными органами и учреждениями ООН устанавливать или применять нормы безопасности с целью сведения к минимуму опасности ионизирующих излучений для жизни, здоровья и собственности людей. Несмотря на то, что стандарты безопасности МАГАТЭ носят сугубо рекомендательный характер, их влияние на деятельность регламентирующих органов государств – членов МАГАТЭ очень велико. Это объясняется тем, что именно МАГАТЭ несет основную ответственность в системе ООН за разработку норм ядерной и радиационной безопасности.

Одним из наиболее важных направлений деятельности МАГАТЭ в области регулирования отношений, связанных с обеспечением безопасности, является разработка с учетом рекомендаций Международной комиссии по радиологической защите фундаментальных принципов радиационной защиты и норм, связанных с их практическим применением. В рамках данного направления МАГАТЭ были изданы «Основные нормы безопасности по радиационной защите», которые должны быть применены к деятельности, выполняемой как самим Агентством, так и государствами, с которыми МАГАТЭ имеет договорные отношения о сотрудничестве. Данные нормы безопасности содержат положения о предельно допустимых дозах радиационного облучения в отношении лиц, подвергающихся профессиональному облучению в контролируемых зонах, отдельных лиц из числа населения, а также предельно допустимой концентрации радиоактивных веществ в питьевой воде и вдыхаемом воздухе.

Компетенцией в области разработки норм радиационной безопасности наделяется и другая международная организация – Евратом, объединяющая государства Европы. Основная цель организации Евратома заключается в разработ-

ке рекомендаций по согласованию действующих в государствах – участниках предписаний в области радиационной защиты населения и персонала, связанного с обслуживанием источников ионизирующих излучений. Договор о создании Евратома определяет порядок разработки норм, директив и рекомендаций по защите здоровья граждан государств – членов Евратома от ионизирующих излучений.

Статьями Договора предусматривается, что для защиты населения и персонала ядерных объектов от опасности ионизирующего излучения в европейском сообществе устанавливаются «Основными нормами безопасности по радиационной защите», которые предусматривают:

- предельно допустимые дозы облучения, обеспечивающие надлежащую безопасность;
- предельно допустимые выбросы радиоактивных частиц в окружающую среду;
- принципы врачебного контроля персонала, связанного с обслуживанием источников ионизирующих излучений.

Основные нормы безопасности по радиационной защите облекаются в форму обязательных директив и адресуются всем государствам-членам Евратома, тогда как формы и методы, посредством которых эти нормы подлежат реализации, остаются на усмотрение самих государств-членов.

Компетенцией по разработке норм безопасности в области здравоохранения обладает Агентство по ядерной энергии – специализированное учреждение Организации экономического сотрудничества и развития, – цель которого – способствовать развитию производства атомной энергии и ее использованию в мирных целях государствами-участниками. Согласно Уставу Агентство по ядерной энергии обладает компетенцией разрабатывать и представлять на утверждение Совета Организации экономического сотрудничества и развития, в состав которого входят министры европейских стран или их постоянные представители, – правовые предписания, касающиеся вопросов использования атомной энергии в государствах-участниках, в особенности вопросов защиты от ионизирующих излучений в случаях аварийных ситуаций в атомной промышленности. С этой целью Агентство разрабатывает правила и административные предписания в области защиты от ионизирующего излучения для последующей их трансформации в нормы внутригосударственного права стран-участниц. В компетенцию данного Агентства входит также принятие решения об утверждении Основных норм безопасности по радиаци-

онной защите, действие которых распространяется на все виды ионизирующих излучений, включая производство, переработку, обращение, хранение, транспортировку и захоронение радиоактивных материалов.

Таким образом, фактор усиления роли международных организаций состоит в том, что в рамках этих организаций как специализированных региональных, так и универсальных разрабатываются многочисленные рекомендательные и обязательные нормы в области ядерной безопасности и радиационной защиты. Примером могут служить Основные нормы безопасности по радиационной защите, одобренные совместно с МАГАТЭ, Международной организацией труда, Агентством по ядерной энергии и Всемирной организацией здравоохранения; Свод практических правил по радиационной защите работников рудников и предприятий по переработке радиоактивных руд, разработанный МАГАТЭ совместно с Международной организацией труда и Всемирной организацией здравоохранения; Правила МАГАТЭ по безопасной транспортировке радиоактивных материалов; многочисленные своды и руководства по безопасности в рамках программы МАГАТЭ по разработке норм безопасности для атомных станций.

Принимая во внимание, что Республика Казахстан является одним из крупнейших мировых производителей и экспортеров продуктов переработки урано содержащих руд, а также наличие на территории республики бывшего Семипалатинского ядерного полигона, Мангышлакского атомного энергетического комплекса, действующего космодрома «Байконур», исследовательского ядерного реактора, деятельность вышеуказанных и иных международных организаций, занимающихся вопросами ядерной безопасности и радиационной защиты, приобретает для республики особый характер.

Вопросы ядерной безопасности и радиационной защиты в Республике Казахстан

Казахстан со своим бывшим ядерным полигоном занимал и занимает одно из первых мест в списке экологически неблагоприятных стран. Ядерные испытания, проводимые на территории Семипалатинского полигона, поставили под угрозу основу жизни человека – землю, воздух, воду. За период 1949 – 1989 гг., на полигоне было произведено 470 ядерных взрывов, в том числе 26 наземных, 90

воздушных, 354 подземных. По оценкам экспертов, наибольшее негативное влияние на окружающую среду и здоровье людей оказали наземные и воздушные взрывы 1949 – 1963 годов. Когда по требованию международной общественности с 1963 года страны – разработчики ядерного оружия были вынуждены прекратить наземные и атмосферные взрывы и перейти к подземным, они также, к сожалению, не исключали радиоактивного заражения местности и людей. Например, третья часть этих подземных взрывов сопровождалась выходом радиоактивных газов на поверхность земли и периодическим гамма-облучением населения. Таким образом, несмотря на подземный характер испытаний, жители Семипалатинской и других близлежащих к полигону областей продолжали подвергаться острому и хроническому радиационному облучению в повышенных дозах.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что деятельность Семипалатинского ядерного полигона отрицательно повлияла на социально-экономическое развитие большого региона Казахстана. Территория ядерного полигона занимала площадь более 18-ти тысяч квадратных километров (это больше, например, чем площадь Израиля или Чечни). Земли, отданные под полигон, богаты содержанием золота, промышленными запасами угля, олова, цинка и другими полезными ископаемыми. Здесь было много пастбищ, которые создавали благоприятные условия для развития овецодства и коневодства. Таким образом, полигон не только нанес вред здоровью людей и окружающей среде, но и вывел из оборота огромный экономический потенциал региона.

В Законе Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне» признано, что испытания ядерного оружия, проводившиеся в течение 40 лет на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне, причинили невосполнимый ущерб здоровью людей и окружающей природной среде, вызвали рост общей заболеваемости и смертности населения, повлияли на интенсивность мутационного процесса в виде онкологических заболеваний и частоты генетической патологии. При этом истинные последствия деятельности Семипалатинского ядерного полигона и его влияние на генетическое здоровье населения до сих пор не уточнены.

Как уже отмечалось, одна из характерных особенностей международного сотрудничества на современном этапе развития мировой ядерной энергетики заключается в усилении внимания между-

народного сообщества к вопросам предотвращения аварийных ситуаций в ходе эксплуатации АЭС и оказание взаимопомощи в случае возникновения аварийных ситуаций. В международной практике сотрудничество в сфере обеспечения безопасной эксплуатации АЭС, оказания взаимопомощи в случае ядерной аварии и локализации его последствий, развивается преимущественно посредством заключения двусторонних межправительственных соглашений и концентрируется по двум основным направлениям. Одно из них состоит в координации усилий по обеспечению безопасности при строительстве и эксплуатации ядерных установок, находящихся в приграничных зонах. Другое – в разработке развернутой системы согласованных мер, направленных на оказание взаимопомощи в случае чрезвычайного события.

В настоящее время государственные органы и неправительственные организации Республики Казахстан принимают активное участие в обсуждении вопроса о создании специального механизма, который позволит бы гарантировать интересы соседнего государства, по близости от границы или на границе с которым размещается или планируется размещение АЭС. Любое государство должно быть уверено в том, что если какой-либо ядерный объект сооружается в непосредственной близости от его границы, то ни его территории, ни населению не будут нанесены ущерб в ходе эксплуатации такого ядерного объекта. В случае же возникновения на этом объекте ядерной аварии компетентные органы указанного государства должны быть информированы об этом в самый кратчайший срок, с тем, чтобы своевременно могли быть приняты необходимые меры защиты населения от переоблучения.

Создание подобного международного механизма имеет большое значение для Казахстана в свете появляющихся время от времени утверждений о строительстве на территории Китая, в непосредственной близости от границы с Казахстаном, атомной электростанции. Казахстан должен быть уверен, что строительство и эксплуатация Китаем трансграничной атомной электростанции не нанесет ущерб ни его окружающей среде, ни его населению. По мнению казахстанской стороны, решение вопроса возможного строительства и эксплуатации Китаем атомной электростанции в непосредственной близости от границы республики должно осуществляться в рамках двустороннего соглашения между сопредельными государствами, так как негативные последствия, которые возникнут в результате возможного ядерного инцидента на данной атомной электростанции, нанесут огромный ущерб не только Китаю, но и Казахстану.

Так как вопросы обеспечения безопасной эксплуатации атомных электростанций и оказания взаимопомощи в случае чрезвычайного события нужно рассматривать исходя из общепризнанных принципов международного права, а именно, принципа суверенного равенства государств, следует согласиться, что в условиях согласования национальных и общечеловеческими интересами, всякая деятельность государства, чреватая ущербом для интересов других государств, может быть признана правомерной лишь в случае принятия им всех необходимых мер, направленных на недопущение причинения ущерба другим государствам. Следовательно, деятельность по строительству и эксплуатации ядерных установок в непосредственной близости от границы какого-либо государства уже не является только внутренним делом государства, ее осуществляющего.

Как уже отмечалось выше, Казахстану, в достаточной степени располагающему научно-техническим потенциалом и квалифицированными кадрами в области ядерной энергетики, необходимо все же тесное сотрудничество с международными организациями, занимающимися вопросами ядерной безопасности и радиационной защиты, так как самостоятельное осуществление национальных программ развития ядерной энергетики, включая решение проблем его безопасности, практически невозможно без активной помощи международных организаций. В этом плане для Казахстана очень важно сотрудничество и поддержка МАГАТЭ, деятельность которой оказывает большое влияние на политику государств в сфере ядерной энергетики. Это объясняется высоким авторитетом организации, научной обоснованностью норм, воплощающих в себе многолетний мировой опыт обеспечения ядерной безопасности и радиационной защиты.

Республика Казахстан стала членом МАГАТЭ в феврале 1994 года. Участие Казахстана в деятельности этой авторитетной международной организации является очень важным, особенно в свете того, что наша республика объявила себя безъядерным государством и остановила деятельность Семипалатинского ядерного полигона. В июле 1994 года в г. Алматы было подписано Соглашение между Республикой Казахстан и МАГАТЭ о гарантиях в связи с присоединением республики к Договору о нераспространении ядерного оружия. По данному Соглашению Казахстан гарантирует-

ет, что весь имеющийся у нее ядерный материал, в том числе и добывающееся в республике урановое сырье, не будет использоваться для производства ядерного оружия.

В течение нескольких лет МАГАТЭ оказывает Казахстану помощь в решении таких вопросов, как внедрение стандартов и систем безопасности на ядерных объектах; проведение экспертиз ядерных реакторов и иных ядерных объектов; внедрение безопасных методов работы на предприятиях ядерно-энергетического цикла и по добыче уранового сырья; определение состояния радиационной обстановки в регионе; исследование последствий радиационного облучения населения в результате взрывов на ядерном полигоне; изучение вопросов, связанных с воздействием радиации на окружающую среду. МАГАТЭ также оказывает республике содействие в разработке нормативно-правовой базы, касающейся использования ядерной энергии. Немалое значение для Казахстана также имеет и техническая помощь, оказываемая МАГАТЭ в виде предоставления различного рода оборудования.

Казахстану необходимо также более тесное сотрудничество с отдельными государствами и другими международными исследовательскими и экспертными организациями по вопросам реабилитации экологических систем; модернизации систем безопасности ядерных реакторов; усиления мер, направленных на радиационную защиту населения и определение уровня радиоактивности в пораженных районах; исследования иных еще неизвестных последствий радиационного облучения людей и заражения территории.

Осенью 1999 г. на Семипалатинском полигоне в штольных испытательной площадки Дегелен был осуществлен один из последних подземных взрывов путем подрыва 100 тонн мощнейшей взрывчатки гранулолота – основы советского ядерного боезаряда. Данный взрыв был осуществлен в рамках казахстано-американского сотрудничества по вопросам повышения ядерной безопасности двух стран. Одновременно была решена и другая задача – уничтожение материалов, относящихся к ядерным военным запасам бывшего Советского Союза.

Но в тоже время, нисколько не уменьшая значения международного сотрудничества и деятельности международных организаций, следует отметить, что главная роль в решении экологических проблем, включая и проблемы ядерной энергетики, в настоящий период принадлежит отдельным государствам, от воли и ответственности которых зависит судьба планеты.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Дьяченко С.А.

Осмысление современного периода развития государств при любых подходах и исследовательских задачах связано с проблемой переходности, рассматриваемой в качестве своеобразного и относительно конкретного общественно-исторического феномена.

Несмотря на, казалось бы, целый массив работ по политической трансформации и проблемам транзитного общества, разработка теории общества переходного периода остается одной из центральных проблем в социогуманитарных науках. В частности, переход постсоциалистических стран к принципиально новым общественным отношениям еще только осмысливается учеными стран СНГ и Восточной Европы, а за их пределами специально почти не изучался. Зарубежные ученые отмечают «...отсутствие в исторической практике такого перехода», поэтому, по их мнению, «...создание добротной теории — сложный и длительный процесс» [1].

Действительно, «...если в мировой политической науке в той или иной степени тенденции закономерности перехода посттоталитарных обществ к демократии в условиях одной социально-экономической, капиталистической системы более или менее изучены, то феномен процесса демократизации политической системы, сопровождающийся трансформацией коммунистической формации в капиталистическую, до сих пор фактически не исследовался. Поэтому анализ характера демократизации переходных посткоммунистических обществ требует пристального научного внимания для выработки теории переходного периода от коммунизма к демократии» [2].

Понятия «переходный (транзитный) период», «переходный политический процесс», «переходное (транзитное) общество», «трансформация», «модернизация», «конвергенция» и т.п. сегодня широко и довольно произвольно употребляются в научной и публицистической литературе, посвященной современным проблемам развития общества, а также публичных дискуссиях и в средствах массовой информации, в связи с чем их содержание оказалось в последнее время сильно размытым. Поэтому,

на взгляд автора, данные термины нуждаются в пояснениях, ибо они, как и любые другие научные категории и их дефиниции, должны иметь собственное четко очерченное смысловое поле. Это относится равно как к самим понятиям «переходный политический процесс», «переходный период», так и к ключевому для интерпретации исторического развития понятию «политическая система».

В этой связи представляется, что было бы полезным охарактеризовать имеющиеся в литературе взгляды на эти базовые понятия с тем, чтобы избежать их вольного или неправильно толкования, а также определить методологические основы изучения феномена «переходный период». При этом автор имманентно исходит из того, что понятия «изменение», «переход», «транзит», «трансформация», «модернизация» используются исследователями для обозначения сути одного и того же состояния общества, т.е. являются политологическими синонимами.

Вклад в разработку этих понятий и в их использование для анализа политической практики внесли многие ученые.

С определенной долей условности можно утверждать, что идея переходного периода была выдвинута еще А.Сен-Симоном, хотя ее родоначальником считается О.Конт [3].

Специально же проблему переходного периода впервые поставили в своих сочинениях 40 – 50-х годов XIX века К.Маркс и Ф.Энгельс, которые представляли ее в качестве неотъемлемой составной части коммунистической теории, рассматривающей переход от капитализма к коммунизму как вполне реальную цель пролетарского движения XIX века [4].

Основанная Марксом и Энгельсом формационная методология анализа общества представлена теорией общественно-экономических формаций, закономерно возникающих на соответствующих стадиях развития материального производства. Отражая материалистическое понимание исторического развития, формационная схема анализа акцентирует внимание на соответствии характера производственных отношений состоянию и уровню развития производительных

сил. Нарушение этого баланса ведет к переходу на новую ступень развития.

Формационный подход, заимствованный из марксистской политической теории переходного периода как методология исследования действительности, стал основополагающим, прежде всего, в трудах советских ученых, а «обоснование переходного периода советской наукой представляло собой не просто развитие наследия Маркса, а скорее рационализацию, облечение в наукообразную форму советской действительности» [5].

Дальнейшее развитие методологии формационного анализа породило новые подходы, пытающиеся оосовременить наследие Маркса и приспособить его к новым условиям трансформирующихся обществ.

Наиболее адекватным для понимания современных трансформационных процессов наравлении является неомарксистская (итальянская) школа А.Грамши, которая ориентирована на динамику социальных перемен [6]. Вместо жесткого понятия «социальная формация» исследователи этой школы придерживаются концепции «мировой гегемонии» или «исторического гегемонного блока», ядро которого составляет не пролетариат, а интеллигенция. Создаваемая сильными государствами гегемония изменяет их внутренние структуры, которые в итоге становятся образцом для подражания за рубежом. Распространяясь далее на «периферийные» страны, опыт гегемонии как бы связывает их в единый исторический гегемонный блок.

Согласно школе Грамши, классическими примерами мировых гегемоний были британская (1845 – 1875 гг.) и американская (1945 – 1970 гг.).

Концепция «мировой гегемонии» Грамши схожа с другой концепцией, относящейся к формационной схеме, — «мир-системным» анализом процесса перехода, представителями которого являются Ф.Бродель, И.Валлер-стайн, К.Чейз-Данн и др. [7]. Они считают, что вероятность утверждения демократии в государстве тем больше, чем более оно близко к государствам так называемого центра мир-экономики, т.е. мировой экономической системы. Развитие переходных процессов здесь осуществляется по схеме «центр – полупериферия – периферия». Историческим центром выступают Великобритания и США. В полупериферийных и периферийных государствах высока степень авторитарного отката [8].

Углубление идеи формационного подхода, применение ее к трансформационным процессам имеет место также в трудах пред-

ставителей франкфуртской школы неомарксизма (Т.Адорно, Ю.Хабермас, М.Хоркхаймер) [9], в исследованиях сторонников концепции, именуемой «структуралистским марксизмом» или «еврокоммунизмом» (Е.Томпсон, Л.Альтюссер, Н.Пулянтас, Р.Баскар, Э.Райт) [10].

Параллельно с методологией формационного подхода в мировой политологической науке развивались иные взгляды на исследуемую проблему. В середине XX века существование переходных процессов анализируется в ряде западных исследованиях (Х.Арендт, А.Лейпхарт, Ф.Хайек и др.) [11]. В них осмысливается не только природа тоталитарных обществ, но и пути, способы выхода из этих аномальных, по мнению их авторов, состояний общества. Эту исследовательскую линию продолжили западные экономисты, разработавшие ряд моделей перехода плановой экономики в рыночную.

Трансформацию политической системы общества как определенный тип социального изменения рассматривали такие философы и социологи, как Г.Спенсер, Э.Дюркгейм, М.Вебер [12].

Широкое распространение в мировой политологической мысли получила методология цивилизационного подхода к изучению процессов демократизации политических систем переходных обществ, обуславливающая внутрисистемные процессы развития национальных государств их цивилизационной спецификой и признающая, что проблема перехода является не только «внутренней» проблемой государств, но и имеет глобальную сторону (Н.Данилевский, О.Шпенглер, А.Тойнби, П.Сорокин) [13].

В русле цивилизационной макросхемы анализа находится концепция культурно-исторических типов общества (Н.Данилевский), выдвигающая положения о типологии социальных и культурных систем, их своеобразии, локальности культур и цивилизаций, теории особой роли национальной культуры, оказывающей глубокое влияние на характер, содержание и направленность процесса развития (О.Шпенглер), идея о глобализации социально-политических, культурных, гуманитарных и экономических процессов и формировании на этой базе цивилизации, объединяющей все человечество (П.Сорокин). К этому ряду следует отнести также самостоятельное направление политологической науки — транзитологию, представители которой считают, что демократизация посттоталитарных стран в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века идет

в русле общих закономерностей, выявленных в переходах, исторически прошедших ранее (Л. Уайтхед, Ф. Шмиттер, Никитченко) [14], теорию неореализма, исходящую из принципиального различия внутренней и внешней политики национального государства (К. Уолтц, Гилпин), неоллиберальные теории, считающие, что переходные к демократии процессы детерминированы тенденцией распространения ценностей свободы, справедливости и либерального мира (Doule M., Zacher M., Matthew R., Jonson T., Onuf N., Nue J., Keohane R.) [15].

С начала восьмидесятых годов понятие переходности переживает, по сути, свое второе рождение благодаря распространению системной теории, соединению естественно-научного (физического и биологического), социального и гуманитарного знаний и, разумеется, в контексте распада социалистических обществ Восточной Европы, что способствовало отказу от линейно-стадиального видения истории и сциентистски толкуемой идеи прогресса, особенно в их истматовском варианте, использованию других мировоззренческих и методологических установок.

Как отмечает М. А. Чешков, «... в итоге обновленное понятие «переходности» стало крайне многозначным, адресуясь в принципе к любому изменению любого объема...» [16]. По его мнению, «... имеет смысл обозначить рамки употребления этого понятия, прилагая его к любому изменению, имеющему вектор и сдвиг от системы одного качества к системе другого качества или порядка» [17].

Сегодня уже имеется достаточно обширная литература, посвященная теоретическому и эмпирическому анализу реальных переходных процессов, которые осуществились в послевоенный период в ряде стран Европы (Испания, Португалия, Греция, Турция, Германия).

На постсоветском пространстве, прежде всего в России, в последние годы также вышло в свет немало исследований, посвященных проблемам перехода [18].

Большинство авторов сходятся во мнении, что «длительный переходный период — это непереносимый и многое объясняющий атрибут глубоких, поистине революционных преобразований, призванный перевести общество из одного качественного состояния в другое» [19].

Современный французский исследователь М. Годелье дает следующее определение: «Выражение «переходный период» обычно обозначает особый этап в развитии общества, на ко-

тором оно сталкивается со все нарастающими внутренними и внешними трудностями при воспроизводстве экономических и социальных отношений, лежащих в его основе и придающих логику его существованию, специфических форм его эволюции. На этом же этапе появляются экономические и социальные отношения нового типа, распространяющиеся быстрее или медленнее, с большей или меньшей силой, и превращающиеся в условия функционирования некоего нового общества» [20].

По мнению российского профессора С. В. Полениной, переходный период — это «... время, когда правовая надстройка претерпевает существенные изменения, в основе которых лежит коренная трансформация экономической, политической и социальной сфер жизни страны. Однако временные рамки этого периода подвижны и весьма неопределенны» [21].

В процессе исследования проблем переходного периода, по признанию ученого, пришлось отказаться от предположения о завершении переходного периода принятием новой Конституции и окончанием конституционных реформ. По мнению Полениной, «... переходным следует считать тот временной отрезок, в течение которого на практике будут реализованы такие базовые принципы, провозглашенные Конституцией той или иной страны, как демократия, правовая и социальный характер государства» [22].

Другой известный российский ученый М. Г. Анохин характеризует переходный период как особое и качественно самостоятельное состояние политической системы, сопровождающееся нестабильностью и кризисными явлениями, отличающееся слабой управляемостью, снижением эффективности социального регулирования, постоянным возникновением стихийных, неинституционализированных форм и альтернативных структур, изменением политических отношений [23].

Казахстанский ученый И. Н. Тасмагамбетов считает, что «... в самом общем виде под переходным периодом понимается посттоталитарный период развития государственно-общества, в течение которого происходит преобразование политической системы тоталитаризма в устойчивую политическую систему демократического типа» [24].

Немецкий государствовед и политолог Петер В. Шульце выступает против применения понятий «трансформационное» или «переходное» общество к постсоциалистическим странам, поскольку «... на вооружение берет-

ся теоретическое определение, сформулированное критиками и теоретиками западно-европейских левых, в первую очередь для обозначения уже не существующего социалистического общественного устройства», которое «... представляло собой некий гибрид, некую переходную стадию между капитализмом и социализмом» [25].

Это не опровергает общепризнанное в политической и государственно-правовой науке понимание переходного периода в качестве обозначения посттоталитаризма. В то же время, возможно, Шульце прав, говоря, что «... не только раньше, но и в настоящее время никакой целостной теории «переходного общества» создать не удалось, а существуют только «некие теоретические предположения» [26].

Таким образом, переходный процесс, на наш взгляд, — это, во-первых, исторический временной отрезок, где происходит радикальные изменения общественных условий, старый общественный порядок меняется на новый. В связи с этим принципиально важно заранее знать, от чего и к чему происходит общественный переход, каковы качественные и количественные характеристики этих общественных альтернатив, каков примерный срок, временная протяженность этапа переходного процесса.

И, во-вторых, уже из самой сути переходности ясно, что это этап развития общества, в котором с необходимостью сочетаются, сосуществуют старое и новое. Поэтому нужно гипотетически представлять подвижную динамику соотношения старого и нового во времени и пространстве.

Подытоживая сказанное, по мнению автора, категорию «переходного периода» можно охарактеризовать как состояние относительной устойчивости политической системы, осуществляющей развитие и претерпевающей за довольно короткий исторический период времени динамичные, достаточно радикальные изменения, характеризующиеся острыми столкновениями старого и нового, разрывом социальных связей, перераспределением функций, перестройкой структуры и формированием новых границ социальных слоев и групп.

В современной политологии переходные процессы рассматриваются как естественное, закономерное состояние общества в процессе его развития и постоянного накопления количественных и качественных изменений.

Поэтому политологический дискурс по

проблеме переходности приводит аналитиков к изучению условий выживаемости политических систем в постоянно меняющемся мире. По мнению Д. Истона, «... поиск ответа в конечном счете позволяет нам понять то, что можно назвать жизненными процессами политических систем, т.е. фундаментальными функциями, без которых никакая система не может длительное время существовать, а также типичные способы реакций, с помощью которых системам удается их поддерживать» [27]. Истон считает анализ этих процессов центральной проблемой политологии.

Создание теории политических систем порождено логикой развития политической науки. Обретение ею самостоятельного научного статуса, ее институционализация связаны с распространением в XIX — начале XX веков бихевиористского подхода, на базе которого проводились многочисленные исследования всевозможных политических феноменов. В результате накопились колоссальные объемы эмпирической информации, описывающей отдельные виды политического поведения, отдельные политические институты и организации. Необходимость систематизации этой информации, создания теоретической основы, представляющей политическую жизнь как целое, и явилась главной предпосылкой разработки теории политической системы.

Категории политической науки, находясь в постоянном развитии, подвергаясь рассмотрению и анализу с различных точек зрения, как правило, не имеют однозначных трактовок, адекватно передающих суть обозначаемых ими социальных явлений. Дефиниция политического понятия, более или менее удовлетворявшая круг ее исследователей в какой-то временной отрезок истории, может расширить или сузить свои границы в соответствии с более глубоким изучением изменяющегося мира.

Это в полной мере относится и к феномену «политическая система», не имеющему на сегодняшний день общепринятых, устойчивых подходов к его пониманию в политологии. Достаточно сказать, что только один словарь Уэбстера упоминает до двух десятков определений данного понятия.

Некоторые ученые интерпретируют политическую систему как комплекс идей, лежащих в основе политики, другие — как систему взаимодействий.

М. Дюверже, Р. Дарендорф, П. Блау, Ч. Р. Ниле, И. Фосс и др. рассматривают политическую систему с позиций «элементарного анализа»: как совокупность политических

учреждений и институтов [28]. Типичный институциональный подход.

Г.Алмонд, один из основоположников теории политической системы, выступает с позиции структурно-функционального подхода, предлагая анализировать факторы системы с точки зрения заложенных в ней функций.

Однако наиболее распространенной, получившей значительное развитие, является системная методология, использующая при анализе общества теорию системы.

Начало системному подходу в описании политических явлений было положено благодаря широкому распространению в науке и технике в 50 – 60-х годах прошлого столетия понятия «система», возникновению в связи с этим системного мировоззрения в среде ученых. Сложившееся в науке в тот период и имеющее место в наши дни направление можно назвать «системным движением», поскольку оно объединяет представителей различных областей науки и техники и имеет междисциплинарный характер [29]. Кстати, именно в этом видел силу системного подхода основатель общей теории систем Л. фон Берталанфи [30].

Приоритетность системных позиций в изучении действительности, отодвинувшая на второй план в области методологии механистический взгляд на окружающий мир, стала возможной благодаря ориентации системного мировоззрения на целостность и сложность исследуемых объектов. В противоположность элементаризму «концепция целостности настаивала на несводимости сложного к простому, целого к части, на наличии у целостного объекта таких свойств и качеств, которые никак не могут быть присущи его частям и природе которых нередко пытались отыскивать за пределами разумного» [31].

Высокая операциональность, эвристическая ценность и методологическая плодотворность системного подхода явились неоспоримым основанием для признания его учеными в качестве эффективного исследовательского инструмента, пригодного к применению не только в естественных, технических, точных науках, но и в гуманитарных дисциплинах, и, в частности, в политологии.

В политологический оборот системный метод впервые был привнесен Т.Парсонсом, предложившим теорию социальных систем [32]. Среди прочих он выделял в обществе и политическую систему, понятие которой, однако, не получило у Парсонса подробной и тщательной разработки.

Этот пробел восполнил Д.Истон. Следуя

теории систем, он впервые описал политическую жизнь с системных позиций, уподобляя политическую систему развивающемуся и саморегулирующемуся организму, состоящему из многих частей, которые образуют единое целое, имеющему определенные границы, которые отделяют его от среды и реагирующему на поступающие извне импульсы [33].

Согласно теории Истона, политология рассматривает политическую систему не как сумму, а как целостное множество многих элементов, каждый из которых в свою очередь состоит из более простых явлений и процессов. Политическая жизнь рассматривается как динамически неравновесная система, в которой постоянно происходит нарушение и восстановление равновесия, в связи с чем система может быть динамически устойчивой или неустойчивой. Постоянный поиск динамической устойчивости — суть нормальное функционирование политической системы.

Как отмечает М.С.Машан, «...политическая система в идеале должна находиться на поле, образуемом пересечением двух осей: 1) ориентировка на действия окружающей среды; 2) реакция на долговременные интересы» [34]. Причем следует учитывать, что окружающая среда двухуровневая: внутренняя — интрасоциетальная (экономическая, моральная, идеологическая, правовая системы страны) и внешняя — эктрасоциетальная (международные отношения страны) [35].

Опираясь на такие характерные для теории систем понятия, как «вход», «конверсия» и «выход», отражающими характер отношений с окружающей средой, политическая система в качестве «входящих» факторов имеет требования, т.е. информацию, выражающую интересы и ожидания граждан (политические, экономические, социальные, духовные и др.), поддержку, т.е. конкретные действия, заявления или молчаливое одобрение деятельности политической системы, активное или пассивное противодействие функционированию, отмирающих или нарождающихся социальных сил и, наконец, внутренние импульсы, вырабатываемые самой политической системой, ее правящей элитой. В отличие от требований, имеющих негативный характер, поддержкой именуют благоприятные к системе позиции и действия.

Внутри политической системы происходит «конверсия» всех социально-политических импульсов, поступающих на ее «вход»: переработка, поддержка, подавление, отрицание, либо проявление к ним нейтралитета. На

«выходе» система выдает обязывающие политические решения, политические действия по их реализации, связанные с ними типы поведения и импульсы обратной связи, т.е. политические решения и действия, поступающие непосредственно на «вход» системы.

В результате постоянного взаимодействия «входа» и «выхода» системы образуется «контур» или «петля» обратной связи, являющаяся главным механизмом устранения напряженности в обществе. Эта связь позволяет выявить ошибки, скорректировать дальнейшую деятельность и определить новые цели и задачи. Отсюда очевидно, что главной задачей политической системы является постановка и достижение стратегических целей. Эта центральная проблема данной политической теории сформулирована Истоном.

Таким образом, явившаяся следствием наложения метода систем на процессы, происходящие в обществе, теория политической системы позволила по-новому взглянуть на эти процессы. Представление о системе, согласно которому ее отличительными признаками являются связь, целостность и устойчивость структуры, позволило исследовать многообразие элементов политической системы в их зависимости и взаимообусловленности. На основе ее использования появилась возможность более тонко понять различия политической и неполитической сфер общества, их взаимодействие между собой, легче соотнести элементы политики друг с другом, преодолеть ограниченность таких подходов, когда изучают отдельно взятые государства, партии и т.п.

Кроме того, поскольку феномен «политическая система» является производным родового понятия «система», теория политической системы вслед за общей теорией систем унаследовала от нее методологическую функцию и в настоящее время сама представляет собой один из методов изучения социума. Она является методологической основой для анализа больших массивов данных, являясь незаменимой в случаях решения задач макроанализа. В частности, теория политической системы активно эксплуатируется в сравнительной политологии как инструмент для сопоставления различных национальных систем, для изучения динамики одной политической системы на протяжении длительного времени.

Внутри политической системы происходит «конверсия» всех социально-политических импульсов, поступающих на ее «вход»:

переработка, поддержка, подавление, отрицание, либо проявление к ним нейтралитета. На «выходе» система выдает обязывающие политические решения, политические действия по их реализации, связанные с ними типы поведения и импульсы обратной связи, т.е. политические решения и действия, поступающие непосредственно на «вход» системы.

В результате постоянного взаимодействия «входа» и «выхода» системы образуется «контур» или «петля» обратной связи, являющаяся главным механизмом устранения напряженности в обществе. Эта связь позволяет выявить ошибки, скорректировать дальнейшую деятельность и определить новые цели и задачи. Отсюда очевидно, что главной задачей политической системы является постановка и достижение стратегических целей. Эта центральная проблема данной политической теории сформулирована Истоном.

Таким образом, явившаяся следствием наложения метода систем на процессы, происходящие в обществе, теория политической системы позволила по-новому взглянуть на эти процессы. Представление о системе, согласно которому ее отличительными признаками являются связь, целостность и устойчивость структуры, позволило исследовать многообразие элементов политической системы в их зависимости и взаимообусловленности. На основе ее использования появилась возможность более тонко понять различия политической и неполитической сфер общества, их взаимодействие между собой, легче соотнести элементы политики друг с другом, преодолеть ограниченность таких подходов, когда изучают отдельно взятые государства, партии и т.п.

Кроме того, поскольку феномен «политическая система» является производным родового понятия «система», теория политической системы вслед за общей теорией систем унаследовала от нее методологическую функцию и в настоящее время сама представляет собой один из методов изучения социума. Она является методологической основой для анализа больших массивов данных, являясь незаменимой в случаях решения задач макроанализа. В частности, теория политической системы активно эксплуатируется в сравнительной политологии как инструмент для сопоставления различных национальных систем, для изучения динамики одной политической системы на протяжении длительного времени.

Политологи усматривают методологическую значимость этой теории в том, что она является «весьма ценным инструментом социального и политического анализа» (К.Шелф), перспективной концепцией, определяющей «общие рамки научных исследований в области политической науки» (Р.Голдмэн), важнейшей доктриной, обладающей «центральным теоретическим статусом и выступающей в качестве исходной точки при проведении любых анализов структуры и процессов (Дж.Велтмен), идеальной моделью для широкого применения и раскрытия потенциальных возможностей функционализма (Г.Алмонд), своеобразной опорой и средством укрепления концепции «группы давления» и доктрины политического плюрализма (Д.Трумэн), основой для выработки и развития других концепций и всякого рода теоретических моделей (М.Капкан, Т.Парсонс).

А.А.Беляев подчеркивает особое методологическое значение теории политической системы для анализа государственного политического управления в различных регионах мира [36]. По его мнению, с помощью категории «политическая система» и ее теории легче отделить политическую сферу от государственной, раскрыть их взаимодействие, сопоставить элементы государственной политики общества, отличить государственное управление от управления в обществе в целом.

Следует также особо отметить такую методологическую функцию теории политической системы, как возможность с ее помощью унифицировать политологическую терминологию, кодифицировать данные и эффективнее сохранять политическую информацию. Отвлекаясь по своей природе от частных политический жизни данный подход представляется в этой связи наиболее адекватным задачам, решаемым политической философией, привнося общее в понятия и категории политологии.

Вполне понятно, что по объективным причинам наиболее весомые традиции системного мышления имеются в Америке и на Западе. Дальнейшее развитие теории политической системы пошло здесь по линии преодоления некоторых недостатков концепции Истона. Так, используя ее основные идеи, Г.Пазл и М.Капкан создали теорию внешнеполитических систем. У.Митчелл («входящие» факторы системы дополнил чаяниями и ресурсами, на которые опирается система, по-иному интерпретировал и «выходящие», включив в них цели, ценности и регулирование. Более сложные модели были предложены Истоном-Митчелом, Г.Спиро и Г.Алмондом, К.Дойчем.

К примеру, Дойч разработал кибернетическую модель политической системы, сделав анализ сквозь призму обратной связи, с точки зрения управления действиями на основе опыта прежних ошибок [37]. Он предложил четыре фактора, от соотношения которых зависит успешное действие политической системы: 1) информационная нагрузка на систему; 2) запаздывание в реакции системы; 3) приращение, т.е. сумма изменений тех или иных параметров функционирования в результате корректирующих операций; 4) упреждение, учитывающее расстояние между правильно предсказанным положением цели и ее действительным нахождением в данный момент.

Рассматривая данные факторы, Дойч выводит интересную зависимость: «...при достижении цели возможность успеха всегда обратно пропорциональна информационной нагрузке и запаздыванию реакции системы. До известного момента шансы на успех могут быть связаны с величиной приращения, однако, когда его уровень слишком высок, соотношение становится обратным. Шансы на успех всегда соотносятся с «упреждением», опережением» [38].

Ценность модели Дойча, по мнению политологов, в том, что она «позволяет без излишнего морализаторства и идеологизирования оценивать сравнительную эффективность политических систем, предлагая реальный инструментальный для решения центральной проблемы политической теории, сформулированной Д.Истоном» [39].

Понятно и то, почему в странах бывшего советского лагеря системные идеи в политологии были восприняты лишь к началу 80-х годов XX века. Невостребованность здесь системного анализа при изучении политической системы объясняется установкой марксистски ориентированных политологов рассматривать в качестве «локомотивов истории» социальные потрясения, революции, тогда как главное значение системных воззрений состоит в выработке способов поддержания стабильного состояния системы, ее возможности адаптироваться к внешним воздействиям.

Аналогом понятия «политическая система» в советской политической литературе вплоть до середины 70-х годов прошлого столетия была категория «политическая организация общества», что диктовалось желанием дистанцироваться от зарубежной политической науки. В связи с этим публикации, которые выходили в бывшем СССР, представляли собой в лучшем случае критику буржуазных концеп-

ций, интерпретацию теорий в представлении зарубежных ученых.

Своеобразным катализатором распространения системного мышления явились «горбачевская перестройка» и последовавший за ней распад социалистической системы, показавшие несостоятельность институционального подхода при попытке описать и объяснить сущность происходящего с научной точки зрения. И сразу же обозначился видимый прорыв освобождающейся от догматизма научной мысли, стремящейся к овладению и использованию познавательного инструментария, выработанного представителями системного подхода.

Резко усилился интерес ученых бывшего постсоветского пространства к теории политической системы, сложившейся на Западе, начиная от Т.Парсонса, Г.Алмонда, Д.Истона и др. [40]. Исследователи сосредоточились на принципиальных вопросах общей теории систем в их естественнонаучном, общеметодологическом аспектах и обусловленном ею системном подходе. Благодаря их исследованиям упрочилось понимание системности как одной из важнейших характеристик объективного мира, специфического его измерения, черт и принципа современного познания, без чего политология, равно как и другие научные отрасли, не может обойтись, ибо в противном случае анализ будет страдать одностронностью.

В этом контексте следует отметить прежде всего исследование А.А.Богданова «Тектология», по существу положившее начало «теории систем», а также работы таких авторов, как П.К.Анохин, И.В.Блауберг, Г.А.Голицин, С.А.Егоров, Ю.П.Егоров, И.П.Ильинский, В.А.Карташев, М.И.Круглов, М.П.Лебедев, М.Н.Марченко, А.И.Пригожий, С.Л.Оптнер, В.Н.Садовский, Б.А.Страшун, А.И.Уемов, Л.Ф.Шевцова, В.И.Ястребов и др. [41].

Значительно расширили представления о сути рассматриваемой проблемы философско-методологические работы А.Н.Аверьянова, В.Г.Афанасьева, Д.М.Гвишиани, В.И.Кремьянского, В.П.Кузьмина, В.А.Лекторского, В.С.Тюхтина, И.Т.Фролова, Э.Г.Юдина, В.С.Швырева и др. [42].

Общие представления о разнообразии систем не давали возможности судить об их динамической стороне, о связи устойчивости и неустойчивости, возможности адаптации к изменяющимся условиям. Естественно, что это

обусловило неизбежное появление работ, решающих проблемы существования динамических систем, и оказалось, что для понимания их сущности необходимо выяснение способа поведения последних и тех условий, при которых один типичный способ поведения заменяется другим. Для понимания таких процессов оказались полезными представления, возникшие первоначально в математической теории динамических систем, о фазовом пространстве (пространстве возможных состояний системы), устойчивости и неустойчивости, линейности и нелинейности, критической области поведения системы. Работы Э.Баталова, В.С.Готта, Н.В.Карабанова, Г.Хакена и других авторов, вооружающие исследователей понятиями и методами системного анализа на стыке различных наук, посвящены именно этой проблематике [43].

Исследование комплекса проблем, связанных с равновесием и устойчивым состоянием социально-политических систем, начато в работах В.Н.Иванова, А.С.Манькина, В.П.Пугачева, А.М.Салмина, О.Ф.Шаброва [44].

Ряд серьезных научных работ, экстраполирующих как теорию системы, так и политической системы, в частности, на казахстанскую действительность в аспекте взаимосвязи общего и особенного, появился в последние годы и в отечественной школе политологии. Проблематика, связанная с конкретным анализом этих вопросов в свете специфики переходного общества, нашла конкретное отражение в работах А.Х.Бижанова, К.Е.Кушербая, Д.Н.Назарбаевой, К.Л.Сыроежкина, И.Н.Тасмагамбетова и др. [45].

Вместе с тем, думается, что следует согласиться с мнением отечественных ученых о том, что в Казахстане, несмотря, как уже указывалось, на имеющиеся отдельные исследования через призму системного подхода, преобладает институциональная методология изучения проблем политического процесса республики, позволяющая проанализировать состояние лишь отдельных политических институтов [46]. Поставленная же задача выживаемости политической системы в период перехода требует получения комплексного представления об основных тенденциях и перспективах политического процесса, возможность достижения которого, на взгляд автора, открывает синтезное применение методологий институционального, системного и синергетического подходов.

Литература:

1. «Soviet Economy», 1988. (215, 217); Harrison Ph. The Current State of Soviet Economic Reforms. Bruxelles, 1989. – С. 2.
2. Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация общества переходного периода. – Алматы, «Онер», 1997. – С. 6.
3. См.: Очерки по истории теоретической социологии XIX – начала XX веков (отв. ред. Ю.Н. Давыдов). – М., «Мартис», 1995. – С. 65.
4. М., Наука, 1994. – С. 58; Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. – М., «Мартис», 1995. – С. 65.
5. Цит по: Моцеллов Е.Н. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследования // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 1995. № 5. – С. 37. См. также: Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О демократии: Сборник. – М., Политиздат, 1988.
6. Майлыбаев Б.А. Современный политический процесс в Казахстане и России: сравнительный анализ. – М., Диалог-МГУ, 1998. – С. 27.
7. См.: Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. – Алматы, 1998. – С. 23.
8. См. к примеру, Валлерстайн И. Непродолимые противоречия либерализма: права человека и права народов в геополитике современной мир-системы // Рубежи. 1995. № 2. – С. 24-30.
9. Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Дисс. ... д-ра полит. наук. – Алматы, 1998. – С. 24.
10. См. подробнее: Давыдов Ю.Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М., 1977; Социальная философия Франкфуртской школы. – М., 1978.
11. Громов И., Маджневич А., Семенов В. Западная политическая социология. – СПб., Омега, 1996.
12. См. к примеру: Lijphart A. Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-one Countries. – New Haven: Yale University Press, 1984; Лейпхарт А. Многообразие в многообразии и демократические режимы // Полис. 1992. № 1-2. – С. 220 – 221; Лейпхарт А. Демократия в многообразии и демократические режимы: сравнительное исследование / Пер. с англ. Б.И. Макаренко. Под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. – М., Аспект Пресс, 1997; Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 10-12 и др.
13. См. например: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990; Вебер М. Избранные. Образ общества. – М., Юрист, 1994; Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М., 1995.
14. Гуревич П.С. Культурология. – М., Знание, 1996. (79 – 115); Данилевский Н.А. Россия и Европа. – М., 1991; Ковалев А.М. Еще раз о формационном и цивилизационном подходах // Общественные науки и современность. 1996. № 1. – С. 97 – 104; Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. – М., 1996. – С. 76; Панфилов Т.В. «Формационный» и «цивилизационный» подходы: возможность и ограниченность // Общественные науки и современность. – 1993. № 6. – С. 97; Сорокин П. Социологические теории современности. – М., 1994; Тойнби А. Постыжение истории. – М., 1991; Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1994; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1; «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликация // Полис. 1995. № 1.
15. Никитченко Н. Транснационализация демократии (третья волна демократизации в свете теорий международных отношений) // Полис. 1996. № 6. – С. 53 – 55.
16. Бижанов А.Х. Демократические основы модернизации казахстанского общества (политологический анализ): Дисс. ... д-ра полит. наук. – Алматы, 1998. – С. 33.
17. Чешков М.А. Выбор темы и некоторые вопросы методологии // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 12. – С. 8.
18. Там же.
19. См.: Бахтияров В.К. Парадоксальные ситуации и проблема переходных состояний // Философские науки. 1981. № 3; Берелович А. Об идее перехода к демократии через авторитаризм // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. – М., 1984; Ракицкий Б. Основы теории переходного периода // Чрезвычайные ситуации. – М., 1990; Бузгалин А.В. Переходная экономика. Лекции по политической экономии. – М., 1994; Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития / Под ред. Ю.М. Осипова и И.Н. Шурга. – М., 1994; Моцеллов Е.Н. Переходные общественные процессы: вопросы для современного исследования // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 1995. № 5; Хасанов М.Ш. Восток и Запад: диалог культур: Материалы II Международного симпозиума, г. – Алматы, 24 – 26 октября 1995г. Часть I. – Алматы, 1996; Экономика переходного периода и политическая трансформация в России. – М., 1996; Экономика переходного периода и политическая трансформация в России. – М., 1996; Гельман В.Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989-1996) // Общественные науки и современность. 1997. № 4; Анохин М.Г. Динамика политической системы в условиях переходного периода: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 1996; Чжан Вон Чан. Трансформация политической системы общества переходного типа: мировой опыт и Казахстан: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Алматы, 1998 и др.
20. См.: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Современные общественно-политические преобразования в масштабе социального времени // Соисс. 1998. № 1. – С. 6; Майлыбаев Б.А. Современный политический процесс в Казахстане и России: сравнительный анализ. – М., Диалог-МГУ, 1998. – С. 26.
21. Годелье М. Переходные эпохи в сравнительной ретроспективе // Переходные процессы. Проблема СНГ (Альманах «Форум») Т.Т. Тимофеев и др. – М., Наука, 1994. – С. 37.
22. Цит. по: Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы, Гылым, 1997. – С. 44.
23. Там же. – С. 45.
24. Анохин М.Г. Динамика политической системы в условиях переходного периода: Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора политических наук. – М., 1996. – С. 12.
25. Тасмагамбетов И.Н. Указ. соч. – С. 44.
26. Шульце В.П. Массовое сознание и политические институты в переходный период // Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: Материалы международного симпозиума. Москва, 24 – 25 мая 1996 г. – М., РНИСиНП, 1996. – С. 11-12.
27. Там же.
28. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семгин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семгин и др. – М., Мысль, 1997. – С. 630; Введение в политологию. Авт.-сост. Джунусова Ж.Х., Булуктаев Ю.О., Акимов А.М. – Алматы: Жеті жарғы, 1998. – С. 124.
29. Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целодостижение. – Алматы, Центр политических исследований Казахстан даму институты, 2000. – С. 8.
30. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем – критический обзор // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов с английского и польского языков. Общая редакция и вступительная статья В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М., Прогресс, 1969. – С. 31 – 32.
31. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., Наука, 1973. – С. 14 – 15.
32. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Под ред. М.С. Ковалевой. – М., Аспект Пресс, 1998.
33. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. / Нац. обществ.-науч. фонд. Акад. полит. науки; Руководитель проекта Г.Ю. Семгин и др.; Ред.-науч. совет: пред. совета Г.Ю. Семгин и др. – М., Мысль, 1997. – С. 634.
34. Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целодостижение. – Алматы: Центр политических исследований Казахстан даму институты, 2000. – С. 27.
35. Там же.
36. Беляев А.А. Основы политологии. – М., 1966.
37. Цит. по: Иванов В.Н., Матвиенко В.Я., Патрушев В.И., Молодых И.В. Технологии политической власти: зарубежный опыт. – Киев, Высшая школа, 1994.
38. Там же. – С. 216 – 218.
39. См., к примеру: Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целодостижение. – Алматы, Центр политических исследований Казахстан даму институты, 2000. – С. 30.
40. См.: М., Parsons T. The Social System. N.Y., 1966; Almond Gabriel A. Political Development: Essays in Heuristic Theory. Boston D. Political System. – N.Y., 1971; Partle polityczne i systemy. – Warszawa, 1971; Sartori G. Parties and Party systems: A Framework to analysis. – Cambridge (Mass), 1976. Vol. 1; Sobolevski V. Partie i systemy partyjne... – W., 1977; Blanco J. Ustavni systemy a politicke strany kapitalistickych statech. – Praha, 1978; Lubmann N. Social System... – Frankfurt/M., 1984; Beume K. Von/ Das politische System der Bundesre publick Deutschland. – Munchen, 1987; Bodnar A. Funkcjonowanie systemu politycznych // Nauka o polityce. – Warszawa, 1988; Nohlen D., Welte Y. Politisches System // Staat und Politik. – Bonn, 1991.
41. См.: Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы системной организации функций. – М., 1973; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973; Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (технология). Ч. 1. Л. – М., 1925. – С. 25; Егоров С.А. Политическая система, политическое развитие, право: критика немарксистских политологических концепций. – М., 1983; Ильинский И.П., Страшун Б.А., Ястребов В.И. Политическая система зарубежных стран социализма. – М., 1981; Карташев В.А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М., 1995; Крутов М.И. Сложные системы и их анализ. Часть I и II. – М., 1975.
42. См.: Аверьянов А.Н., Система: Философская категория и реальность. – М., 1976; Афанасьев В.Г. Общество: Системность, познание и управление. – М., 1981; Лекторский В.А., Швырев В.С. Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода // Вопросы философии. 1971. № 1; Кузьмин В.П. Принципы системности в теории и методологии К. Маркса. – М., 1980.
43. См.: Баталов Э.Я. «Нестабильность» и политический процесс // Конфликты и консенсус. 1992. № 2; Готт В.С., Жог В.И. Материальное единство мира и единство линейных и нелинейных процессов // Вопросы философии. 1984. № 12; Карабанов Н.В. Научные понятия – подвижные целостностные системы // Вестник МГУ. Серия Философия. 1982. № 3; Хакен Г. Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах. – М., Мир, 1995.
44. См.: например: Маныкин А.С. Механизм адаптации политической системы: американский вариант // Политология. Курс лекций. – М., 1993; Реформирование России: Мифы и реальность (1989 – 1999). Авторы-составители: Осипов Г.В., Иванов В.Н. и др. – М., 1994; Шабров О.Ф. Возможности политической системы и ее устойчивость // Политическая система, типология, устойчивость. – М., 1993.

45. См. например: Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократизация переходных процессов. – Алматы, Онер, 1997; Назарбаева Д.Н. Демократизация политических систем Содружества Независимых Государств. – Алматы, Билим, 1997; Тасмагамбетов И.Н. Социальная политика и политическая трансформация. – Алматы, Гылым, 1997 и др.

46. См. к примеру: Машан М.С. Политическая система Казахстана: трансформация, адаптация, целодостигание. – Алматы, Центр политических исследований Казакстан даму институты, 2000. – С. 4.

КОНЦЕПЦИЯ МАРГИНАЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Амирова А.А.

Ключевым понятием в анализе современных процессов может стать понятие маргинальности. Хотя концепция маргинальности сыграла важную роль в истории человеческой мысли, до сих пор в определении содержания понятия маргинальности имеется немало трудностей. Во-первых, в практике использования самого термина сложилось несколько дисциплинарных подходов. Во-вторых, в процессе развития понятия утвердилось несколько значений, относящихся к различным типам маргинальности. В-третьих, нечеткость понятия делает сложным измерение самого явления, его анализ в социальных процессах. В то же время достаточно распространенное и зачастую произвольное употребление термина приводит к необходимости уточнения его содержания, систематизации различных подходов и аспектов его использования.

На наш взгляд, в современной концепции существует два типа маргинальности: культурная и структурная. Первый тип маргинальности сложился в традиции американского субъективистско-психологического номинализма. Первоначально концепция маргинальности предстает как концепция маргинального человека, центральной проблемой которого был культурный конфликт. Основоположниками данного подхода являются Р.Парк и Э.Стоунквист. Их традиции продолжили А.Антоновски, Р.Гласс, М.Гордон, М.Вуд, Р.Херрик, Т.Шибутани, которые сосредоточили внимание, прежде всего на психо-социальном влиянии на личность двусмысленности статуса при конфликте культур.

Второй тип характеризуется изучением социальных причин маргинальности. Этот тип маргинальности относится к той части населения, которая лишена гражданских прав и чье отсутствие доступа к средствам производства и системе распределения приводит к бедности. Данный тип рассматривается как

неизбежное следствие экономической системы. Такой подход становится основным в западноевропейской науке: Ж.Кланфер, П.Розанваллон, Ж.Леви-Стренже, Л.Васкович, Р.Скопф, С.Рабан связывают маргинальность с исключением индивидов или социальных групп из системы общественных отношений.

Следует отметить, что понимание и использование термина маргинальность в отечественной науке связано именно со структурным типом. Так, например, в ряде работ казахстанских исследователей К.Сыроежкина, С.Смирнова процесс маргинализации отождествляется с деклассированием и люмпенизацией. Данная традиция сложилась еще в советском обществоведении и была разработана А.А.Галкиным, так как феномен маргинальности анализировался в основном на материалах Западной Европы. Впервые процесс маргинализации признается характерным для советского общества в работах Е.Старикова только лишь в период перестройки, когда кризисные процессы вынесли эту проблему на поверхность общественной жизни.

Современную ситуацию вполне можно назвать маргинальной, поскольку в ее основе – пограничное, промежуточное положение, в котором оказалось казахстанское общество и все его элементы в результате разрушения одной системы и формирования другой. По мнению политологов, процесс формирования новых социальных страт в казахстанском обществе идет в трех направлениях. На одном полюсе формируется «новые богатые», на другом – различные социальные группы, в той или иной мере сумевшие приспособиться к новым производственным отношениям: менеджеры, работники предприятий малого и среднего бизнеса, фермерских хозяйств, работники сферы обслуживания. На третьем – гигантская масса деклассированных элементов, формально выброшенных из общества, но

фактически составляющих его неотъемлемую и, что наиболее опасно, постоянно растущую часть [1]. В специальной литературе такая часть общества называется маргинальной. Нужда стала повседневной реальностью миллионов людей, оказавшихся в экстремальных условиях (безработные, беженцы, многодетные, одинокие малообеспеченные родители, пенсионеры). А также квалифицированные специалисты и рабочие, раньше прилично зарабатывавшие в ныне кризисных отраслях: оборонной промышленности, машиностроении, легкой промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, культуре [2]. Выбрасывание в разряд отверженных не только обрекает массу людей на бедственное положение, но и способствует созданию атмосферы перманентной социальной напряженности. Вспышки стихийного протеста отчаявшихся людей (забастовки жителей Жанатаса, Кентау, голодовки многодетных матерей, пикетирование пенсионеров и т.д.) – один из наиболее характерных примеров поведения маргиналов.

Маргинализация стала явлением и в казахстанском обществе, поэтому данный феномен становится предметом исследований ученых. Задача состоит в том, чтобы выявить причины, основные направления и тенденции процесса маргинализации, обозначить структуру, специфику и динамику маргинальных групп, характер и формы их политического участия, определить влияние маргинализации на политическое поведение и политические ориентации, так как возникновение массовых и постоянно растущих маргинальных групп влечет за собой существенные сдвиги в расстановке политических сил. Исторический опыт показывает, что если маргинальная масса не становится объектом социальной политики, то она превращается в своеобразного субъекта политики. Маргиналам, в силу их потребности быть кем-то, легко навязать любые политические взгляды. Политологи отмечают, что, кроме острейшей потребности быть кем-то, этот социальный слой (или группы) отличает еще одна черта: податливость любому внешнему влиянию, обещающему ему четкий социальный статус [3]. На это обычно и направлена пропаганда сил, стремящихся использовать маргинальные слои в своих политических целях. Примерно так происходило становление тоталитарных режимов: когда либеральная правящая элита теряла контроль над социальными процессами в сложные периоды потрясений, в результате войн, структур-

ных кризисов и т.д., радикалы апеллировали к тем, кто оказывался в данный момент ненужным обществу. Действовали радикалы предельно примитивно: объявляли маргиналов ведущей социально-политической силой, обещали немедленное изменение их статуса. И маргинальная масса, уже готовая к восприятию любой политической идеи, с восторгом идентифицировала себя с тем местом и ролью, которые ей предлагали.

В Казахстане усиление маргинализации может привести к тому, что свойственная маргиналам система ценностей – крайние формы социального нетерпения, склонность к упрощенным максималистским решениям, отрицание или враждебное отношение к существующим общественным отношениям – распространится на широкие общественные круги. Поскольку речь идет о значительной части населения, подобное развитие может привести к серьезным политическим последствиям. О возможном характере таких последствий можно судить хотя бы потому, что особую активность в отношении этих групп проявляют крайние радикальные политические силы и экстремистские религиозные объединения.

Как показывает международный опыт, маргинализация возникает в социальных системах не только в периоды глобальных «ломок» структур, смены общественного строя (как в Казахстане), но и в социально устойчивых обществах. Процесс маргинализации также присущ и наиболее развитым индустриальным странам. Изучению маргинальных групп западными политологами уделяется пристальное внимание, так как их политическое поведение вносит серьезную корректировку в расстановку политических сил в стране. Влиятельные фракции стремятся использовать накопившийся потенциал недовольства и идейно-политическую дезориентацию маргиналов для укрепления своих внутренних позиций. Маргинальная личность становится удобным объектом политического манипулирования.

Каковы же причины возникновения маргинальных групп, как в переходных, так и в устойчивых обществах? Анализ маргинальных процессов вычленил некоторые закономерности этого социального феномена. Так, история возникновения и употребления термина «маргинальная личность» чрезвычайно важна для его понимания. Этот термин существует с 1928 года, когда американский социолог, один из основателей чикагской школы Роберт Эзра Парк (1864 – 1944 гг.) впервые употребил его в своем эссе «Человеческая

миграция и маргинальный человек» [4]. Согласно Парку «маргинальный человек» – индивид, находящийся на границе двух различных, нередко конфликтующих между собой культур. Маргинальная личность, по Парку, – «продукт естественного культурного процесса, расширяющегося взаимодействия культур». «Такой тип личности, который появляется в то время и в том месте, где из конфликта рас и культур начинают появляться новые сообщества. Судьба обрекает этих людей на существование в двух мирах одновременно, вынуждает их принять в отношении обоих миров роль космополита чужака. Такой человек неизбежно становится (в сравнении с неподвижной окружающей его средой) индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами» [5]. Идея Р.Парка была развита и переработана Эверетом Стоунквистом, который опубликовал в 1937 г. монографию «Маргинальный человек» [6]. С его именем связывают окончательное закрепление и легитимация концепции маргинальности [7]. Понятие маргинального человека у Стоунквиста характеризует социального субъекта, участвующего в культурном конфликте. Им становится индивид, находящийся на краю каждой из культур, но не принадлежащий ни одной из них. Стоунквист рассматривает маргинального человека как ключевую личность (key-personality) в контактах культур: «стремясь интегрироваться в доминирующую группу общества, члены подчиненных групп (например, этнических общин) приобщаются к ее культурным стандартам; формирующиеся таким образом «культурные гибриды» неизбежно оказываются в «маргинальной» ситуации – на краю доминирующей группы, никогда их полностью не принимающей, так и группы происхождения, отторгающей их как отступников» [8].

Процесс трансформации социального, психического и эмоционального аспектов личности может занимать около 20 лет [9]. Стоунквист выделял три фазы эволюции маргинального человека: 1) индивид не осознает, что его собственная жизнь охвачена культурным конфликтом, он лишь «впитывает» господствующую культуру; 2) конфликт переживается осознанно – именно на этой стадии индивид становится «маргиналом»; 3) успешные и безуспешные поиски приспособления к ситуации конфликта. Он полагал, что маргинал, обладая рядом характерных черт: честолюбием, эгоцентричностью, при определенных обстоятельствах может стать лидером

социально-политических, националистических движений.

Таким образом, концепция маргинальности первоначально предстает как концепция маргинального человека. Р.Парк и Э. Стоунквист, описав внутренний мир маргинала, стали основоположниками традиции психологического номинализма в понимании маргинальности [10]. Следует еще раз подчеркнуть, что первоначально центральной проблемой маргинальности был культурный конфликт, и, следовательно, в данном случае была описана культурная маргинальность [11].

Важным теоретическим шагом в разработке проблем маргинальности можно считать определение маргинального статуса. Т.Шибутани впервые отметил потребность в различении между позицией в социальной структуре и набором психологических черт, которые могут развиваться в индивидууме, занимающем такую позицию. Центральным моментом в его понимании маргинальности является доминирование социальных изменений и трансформации социальной структуры, приводящие к временному разрушению согласия. В результате человек оказывается перед лицом нескольких эталонных групп с различными, часто противоречащими друг другу, требованиями, которые одновременно удовлетворить невозможно. В этом отличие от ситуации в стабильном обществе, когда эталонные группы в жизни личности подкрепляют друг друга. Это и является источником маргинальности [12].

Наряду с исследованиями маргинальности в традиции американского номинализма утверждается подход в изучении маргинальности в связи с объективными социальными условиями, с выраженным акцентом на изучение самих этих условий и социальных причин маргинальности. Такой подход становится основным в западноевропейской науке [13]. Он сосредотачивает внимание на исследовании структурной маргинальности. Этот тип маргинальности относится к той части населения, которая лишена гражданских прав и чье отсутствие доступа к средствам производства и основной системе распределения приводит к бедности. В данном случае первоначальная идея «маргинального человека» была обогащена различными видами конфликтов угнетения и эксплуатации. Этот тип маргинальности рассматривается как неизбежное следствие экономической системы. Д.Манчини замечает, что это понимание маргинальности исходит не от Р.Парка и Э.Стоунквиста, а от

К.Маркса и Ф.Энгельса, фокусируя на социальном, а не на личностном развитии [14].

Огромным всплеском маргинализации сопровождалось становление капитализма. Одним из существенных признаков упадка общественных отношений является импульсивное возмущение массы населения, не участвующей в производственном процессе, не выполняющей общественных функций, не обладающей социальным статусом и существующей на те средства, которые либо добываются в обход общепринятых установлений, либо предоставляются из общественных фондов [15]. Термин «маргинальность» здесь, конечно же, не употребляется, однако описание Марксом той части населения, которая образуется вследствие действия закона перенаселения, созвучно концепции маргинальности, сложившейся в европейской традиции.

Развитым странам Западной Европы характерны три потока маргинализации. Первый из них представлен вытесняемыми из производственного процесса, т.е. безработными. Второй возник за счет появления новых национальных меньшинств. И, наконец, третий – неомаргиналы, включает группы с нереализованными социальными ожиданиями.

Хотелось бы обратить внимание на третью разновидность маргиналов – лиц, отчаявшихся получить ожидаемый статус. Именно молодежь составляет ядро рассматриваемой категории маргиналов. Процесс маргинализации молодежи имеет свои особенности. Ведь у молодых людей не отнимают работу, им просто ее не дают. У молодежи нет выработанной на основе собственного опыта трудовой этики, она не прошла школы труда, не усвоила соответствующих ценностей. Реакция на маргинализацию у представителей молодежи зачастую проявляется в самых резких формах. В определенных ситуациях эти новые маргиналы играют роль детонатора социального взрыва. Многим из них суждено столкнуться с крахом надежд на получение желаемого статуса. Ожидание безработицы, отсутствие сколько-нибудь твердых гарантий на будущее не может не отразиться на сознании и поведении. Следует особо подчеркнуть, что речь идет об очень динамичной, политизированной части населения, сконцентрированной к тому же в ограниченном числе университетских городков. Болезненное сознание собственной ненужности для общества, своей маргинальности по отношению к нему здесь может иметь следствием формирование и быстрое распространение определенных ус-

тановок, в том числе и политических. После вытеснения в соответствующие категории маргиналов бывшие студенты способны стать организующим ядром (например, для различных экстремистских группировок), явиться носителями активного заряда. В целом если систематизировать с точки зрения каналов реализации неудовлетворенности, то вариантов окажется совсем немного: соскательзывание на путь преступной деятельности или приход в террористические организации.

В целом же количественный рост маргинальных групп чреват ослаблением electoralной поддержки основных политических партий. Заметно набирает силу процесс эрозии позитивного отношения к политической системе вообще, к ее институтам. Ярче всего эта тенденция прослеживается у молодых маргиналов. Интересно, что сначала маргиналы проявляют уклонение от участия в выражении партийно-политических предпочтений, но это не идентично отсутствию или утрате интереса к политике. Если такое поначалу и происходит у части молодых краткосрочных безработных, то по прошествии ряда месяцев готовность участвовать в политической жизни возрастает в 2,5 раза, будучи даже намного большей, чем у работающих. Дело в том, что они отказываются от доверия традиционным политическим институтам. Как показывает история, накапливающийся потенциал неизбежно находит выражение, толкая маргинальные группы на поиски более радикальных политических решений.

Роль молодых маргиналов прослеживается в деятельности право- и левоекстремистских организаций в Великобритании. Так, «Милитантс» – движение троцкистского толка, захватившее в 1983 г. контроль над рядом окружных организаций Лейбористской партии, первоначальную базу создало в университетах [16]. В Италии в период экономического кризиса 70 – 80-х годов именно молодые маргиналы служили социальной базой экстремистских организаций. Кризис, потрясший основы итальянского общества, создал условия для роста политического экстремизма в национальном масштабе. Присущий маргиналам поведенческий радикализм, ориентация на скоротечное преобразование общественной среды толкали их на поиски политических сил, способных осуществить подобный переворот. Такой политической силой стали неонацистские и близкие к ним организации. Численность экстремистских организаций лишь за 1977 – 78 гг. выросла с 76 до 209. Из

455 преступных акций в 1977 г. около 70% пришлось на неонацистские группы, а уже в 1978 г. из 2365 преступлений за 80% несли ответственность «левые» террористические организации [17].

Специфика французских исследований маргинальности связана с политическими событиями мая 1968 г. [18]. Появляется новый тип маргинала, созданного этой политической атмосферой – «близкого к природе, с цветком в губах или на ружье» [19]. В нем воплотились маргинальные формы протеста, добровольного ухода от традиционного общества, своеобразные защитные реакции преимущественно молодежных субкультур в условиях кризиса и массовой безработицы (автономистское движение, альтернативное движение, неохиппи, возвращение в деревню). Среди традиционных маргинальных групп появляются так называемые интеллигентно-маргиналы. На первый план выходит проблема маргинализированного политического сознания. Один из теоретиков маргинализма Ж.Леви-Стрэнже писал: «... в этой новой ситуации влияние подрывных идей тех, для кого уход является индивидуальным теоретическим выбором, средством помешать развиваться обществу, неспособному выпутаться из своих противоречий, может усилиться от взаимодействия с экономической маргинализацией безработных... Возникает проблема выживания тысяч молодых людей. И даже независимо от уровня их политической, формирующейся маргинальной среде. На периферию общества вытесняются те, кто не выдерживает экономического давления. В этой среде оказываются и добровольцы, и бунтовщики, и утописты. Смесь может оказаться взрывчатой» [20].

Этот «романтический» период маргинальности наложил своеобразный отпечаток на её понимание во Франции. Утвердила себя точка зрения на маргинальность как на результат конфликта с общепринятыми нормами и «продукт распада общества, пораженного кризисом» [21]. Основой данного типа маргинальности является отрицание. Добровольный уход маргиналов за рамки господствующих общественных отношений, обычаев, сложившейся политической ситуации, означает стремление стать вне общества, оказаться в некоей тотальной оппозиции. В этом смысле маргинализм продолжает и развивает идеологию левых движений во Франции.

Таким образом, как показывает западный опыт, совпадение в условиях кризиса объективных социальных предпосылок и субъективных условий – расширенного воспроизводства массовых маргинальных групп с кризисом авторитета власти – создает благоприятную обстановку для деформации обширных сфер общественной жизни страны, наиболее ярким проявлением которой становится политический терроризм.

Маргинальная личность обладает противоречивой системой ценностей. Поэтому маргинальность в данном случае означает дезориентацию личности, которая выражается в кризисе самоидентификации. Социальная идентификация обусловлена глубинной потребностью личности в признании со стороны других, но также в самореализации, ожидании позитивной оценки со стороны своих референтных групп. Добровольный уход маргиналов за рамки господствующих общественных отношений, обычаев, сложившейся политической ситуации означает стремление стать вне общества, оказаться в некоей тотальной оппозиции к обществу.

Очень трудно выделить четкие критерии маргинальности, понимаемой как идеологическая оппозиция. Например, Е.Рашковский относит к маргиналам практически любого нестандартно мыслящего человека: «В начале 80-х годов в Индии, где неформальные движения приняли особый размах, они были обозначены именно как маргинальные» [22]. Согласно данной логике маргиналами можно назвать нигилистов, революционеров, диссидентов. Большая часть идейных маргиналов – это люди, не сумевшие или не имеющие возможности самореализации, самовыражения в существующем «истеблишменте». Наличие завышенных ожиданий от жизни и неспособности реализовать свои потребности приводит к идеологизации негодного положения в структуре данного общества. Что приводит к стремлению либо активно вмешаться в его жизнь, взорвать старый порядок – это революционная радикальная позиция, либо к пассивной борьбе, то есть уходу из общества, созданию коммуны и т.д. В этом смысле идейный маргинализм продолжает и развивает идеологию различных левых движений: движение контркультуры в США, альтернативное движение в Западной Европе [23]. В качестве альтернативы официальному образу жизни создавались движения хиппи, панков, изучались восточные религии, нравственно-мис-

тические учения, организовывались коммуны по типу оуэновских.

Маргинализация общества была одной из причин, стимулировавших кризис традиционных ценностей. Маргинальное сознание, вытравившее из социально-экономических потрясений, едва сформировавшись, получило вполне приемлемую для себя мировоззренческо-идеологическую основу. Рассматривая связь между маргинализацией как социальным явлением и кризисом традиционных ценностей, следует, однако, иметь в виду, что разные виды и формы маргинального существования в различных конкретных условиях могут порождать непохожие, а иногда и противоположные типы обыденного и идеологизированного сознания.

Одним из таких типов является бунтарство в его крайнем выражении, связанное не только с неприятием существующего общества, но и со стремлением, не считаясь с объективными обстоятельствами, разрушить все существующие общественные структуры. На таком бунтарстве зиждется обычно «левый» терроризм.

Другим распространенным типом маргинального сознания является основанная на неприятии действительности глорификация прошлого, наделяемого всеми возможными добродетелями. Сочетание консервативных ценностей со стремлением разрушить существующие порядки оборачивается крайне правым радикализмом.

Наконец, маргинальное положение может найти ценностное и идеологическое выражение в стремлении «отключиться» от существующих культурно-этических и политических установок и структур, замкнувшись в своей сфере, воспринимаемой как «контр-общество». Подобная позиция свойственна сторонникам так называемых альтернативных движений.

Попытаемся сформулировать основные черты перестройки сознания. К числу ценностей, подвергшихся эрозии, можно отнести установку на добродетельный и упорный труд, веру в возможность индивидуального социального продвижения и в его справедливость, признание существующих в обществе социальных различий, склонность к бережливости и экономии, уважительное отношение к собственности, стремление к общественному признанию, к образованию. В числе укрепляющихся представлений можно назвать рост неудовлетворенности трудом, стремление уклониться от напряженной, изнуряющей дея-

тельности, усиливающиеся сомнения в справедливости существующей системы вознаграждения, распространяющийся «статусный фатализм».

Таким образом, маргинальность, выражающаяся в отрицании сложившихся в обществе порядков, в поисках альтернативных стилей жизни есть результат различного рода социально-психологической ущемленности и фрустрации. Это может быть этническая ущемленность, ценностный конфликт, поиск смысла жизни, социальная неудовлетворенность, стремление к получению ожидаемого статуса, ролевая напряженность, желание самоутвердиться через альтернативную статусную систему.

Вышеописанные явления маргинальности являются, как правило, результатом добровольного выбора личности, и при желании идейные маргиналы могут вернуться в лоно официального общества. Но маргинальность может быть и результатом принудительного отчуждения обществом части населения от характерных для большинства той или иной страны условий существования, участия в делах общества, в социальной и политической жизни. Маргинальность данного рода – это жизнь ниже минимального материального уровня, нищета, прозябания. Данные маргиналы составляют опасный резерв преступности и реакции. Эти маргиналы – «социальная группа, нередко выступающая массовой базой антиобщественных и антигосударственных объединений и движений» [24]. Налицо тем самым два потока маргинальных движений: добровольное движение из общества за его грань, для левых оппозиционеров, стремящихся порвать со своим классом, и насильственное движение за грань общества, для реально деклассированных элементов и групп. Маргинальные группы в данном смысле – это в большинстве своем население, не участвующее в производственном процессе, не выполняющее общественных функций, не обладающее социальным статусом и существующее на те средства, которые либо добываются в обход общепринятых установлений, либо предоставляются из общественных фондов.

В настоящее время концепция маргинальности находится в стадии дальнейшего развития. В современной науке концепция маргинальности служит сильным теоретическим инструментом для анализа общества. Именно многоаспектность понятия маргинальности дает возможность подойти к пониманию транс-

формирующего мира, целостность восприятия которого утрачивается. Исследователи современных процессов на всем постсоветском пространстве активно оперируют маргинальностью как культурного, так и структурного типа.

Попытаемся выявить общее и особенное в названных двух типах маргинальности, а также их взаимосвязь. На наш взгляд, структурная маргинальность – особое положение маргинала относительно социальной структуры общества. Пограничное положение маргинального объекта относительно социальной структуры тесно связано с состоянием перехода из одной структурной единицы в другую. Маргинальность, означающая переход из одной социальной группы в другую, связана с процессами перекомпоновки, перегруппировки элементов в социальной структуре. Переходное состояние маргинального объекта понимается не как обычная социальная мобильность: горизонтальная или вертикальная. Социальная мобильность – это движение людей из одних групп в другие, не связанное со структурными изменениями в системе. Маргинальность социального объекта обозначает процессы, сопровождающие изменения в социальной структуре, переход от одного способа структурной устойчивости к другому. Маргинальность связана с изменением, обновлением, перестройкой социальной структуры. Она означает сочетание в социальном объекте элементов старых и новых структурных связей, включенности в разные укладные отношения, вследствие чего маргинальный объект приобретает противоречивый социальный статус. Маргинальность означает не просто переход из одной структуры в другую, она всегда предполагает незавершенность этого процесса. Своеобразное «зависание» между различными структурами на неопределенно долгий срок, неадаптированности маргинала к новым социальным условиям, в которых он оказался. Вследствие подобной неадаптированности маргинальная личность или группа оказывается на периферии социальной структуры. Периферийное положение маргинала в социальной структуре означает либо самое низкое положение в структурной иерархии, либо положение на границе или за рамками функционального ядра в полиструктурной системе. Маргинальность в сочетании с разными критериями стратификации указывают на разные маргинальные группы: безработные и частично занятые, нищие и малообеспеченные, нетрудоспособные, дискриминируемые

социальные группы, национальные меньшинства. Носителями маргинальных свойств могут быть индивид, группа, слой.

Культурная маргинальность – определенное пространственное положение социального объекта в социокультурной сфере общества. Маргиналы – это люди, находящиеся в пограничном или периферийном положении к миру культуры. Это могут быть бунтари или изгои, не принимающие существующие культурные стандарты, противопоставляющие себя обществу. Также это могут быть люди, синтезирующие в своем сознании элементы разных культурных систем. Также это могут быть люди с нарушенной культурной самоидентификацией.

Культурная и структурная маргинальность тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, но эта связь имеет гибкий характер. Структурная маргинальность может породить культурную маргинальность. Например, невыгодное положение социального субъекта в структуре общества может облекаться в различные культурные и идеологические формы. И, наоборот, идейные маргиналы могут подвергаться репрессиям со стороны референтного общества и, в силу этого, превратиться в социальных маргиналов. Но одновременно маргинальность в одном отношении, не обязательно влечет за собой маргинальность в другом отношении. Так, культурные маргиналы могут входить в официальную социальную структуру и одновременно осознавать свое культурное одиночество. А социальные маргиналы, наоборот, могут принимать господствующие в обществе социокультурные нормы и стандарты поведения.

Оригинальная идея лежит в основе попытки А.И.Атояна в постановке вопроса о выделении всего комплекса знаний о маргинальности в отдельную область знания – социальную маргиналистику как междисциплинарный синтез в обширной исследовательской области [25]. Важная проблема, которую видит автор, это необходимость определения детальной разработки путей «демаргинализации». Соответственно, процесс демаргинализации рассматривается как совокупность восстановительных тенденций и мер по отношению ко всем видам социальных связей, усложнение которых возвращает устойчивость социальному целому. В этой связи понятие «маргинальность» приобретает научную значимость, но пока исследовательская проблематика только намечена и свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в этой области.

Литература:

1. Сыроежкин К. Специфика социально-политических реформ в переходный период // Становление гражданского общества в странах Центральной Азии. – Алматы, 1999. – С. 79.
2. Смирнов С. Маргинализация населения как фактор социально-политической нестабильности в Казахстане // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 4 – С. 43.
3. Уразбаева С. Влияние государственной политики на социальную структуру в Республике Казахстан // Дисс. ... канд. полит. наук. – Алматы, 1999. – С. 68.
4. Park R.E. Human migration & the marginal man // American Journal of Sociology. – Chicago, 1928. – Vol. 33, № 6. – P. 881 – 893.
5. См.: Современная американская социология // Под редакцией В.И.Добренкова. – М., Издательство МГУ, 1994. – 296 с.
6. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. – New York, Russell & Russell. 1961. – P. 218.
7. Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии (Обзор) // Общественные науки за рубежом (РЖ). Серия 11. – М., ИНИОН РАН, 1992. № 2. – С. 79.
8. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. – New York, Russell & Russell 1961. – P. 218.
9. Stonequist E.V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. – New York, Russell & Russell 1961. – P. 92 – 93.
10. Микаэля Н.Р. Личность в процессах социокультурной адаптации на востоке. Новые направления западной социологии // Народы Азии и Африки. 1990. № 5. – С. 169 – 170.
11. Феофанов К.А. Социальная маргинальность: характеристика основных концепций и подходов в современной социологии (Обзор) // Общественные науки за рубежом (РЖ). Серия 11. – М., ИНИОН РАН, 1992. № 2. – С. 79.
12. Шибутани Т. Социальная психология. – М., 1969. – С. 475.
13. На изломах социальной структуры // Галкин А.А. и др. – М., 1987.
14. Mancini Billson J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday. – P. 189.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. – С. 354 – 355.
16. Tomlinson J. Left-Right. The March of Political Extremism in Britain. – London, 1981. – С. 68.
17. Васильев С.И. Рабочие партии и выборы в Италии. – М., 1978.
18. Klanfer J. L'exclusion sociale: Etude de la marginalite dans les societes occidentales. Paris, 1969.
19. Фарж А. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления. (Под общей редакцией Афанасьева Ю. и Ферро М.). – М., 1989. – С. 145.
20. На изломах социальной структуры. // Галкин А.А. и др. – М., 1987. – С. 275.
21. Фарж А. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления. (Под общей редакцией Афанасьева Ю. и Ферро М.). – М., 1989. – С. 146.
22. Рашковский Е. Маргиналы // 50/50. Опыт словаря нового мышления. – М., Прогресс. 1989. – С. 143.
23. Савельева И.И. Альтернативный мир: модели и идеалы. – М., 1990. – С. 143.
24. Политология. Учебник // Под ред. Нысанбаева А.Н. – Алматы, Акыл китабы. 1998. – С. 355.
25. Атоян А.И. Социальная маргиналистика. О предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. – 1993. № 6. – С. 29.

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА И КОРПОРАТИЗМА

Жусупова А.Д.

Появление корпоратизма принято относить к эпохе позднего средневековья, когда существовало партнерство монарха, аристократии и буржуазии, которое затем переросло в сотрудничество между работодателями и профсоюзами. Однако идея корпоратизма и социального партнерства приобрела широкое распространение в начале прошлого века, преимущественно распространявшись в производственной сфере.

В период первой мировой войны корпоратизм характеризовался усиленным проникновением государства в экономику и сферу со-

циальной политики, а затем изменением природы ключевых экономических групп интересов от первичных частных ассоциаций к организациям, регулярно поддерживающим отношения с правительством. Данные изменения произошли от неспособности рыночных и либерально-демократических институтов обеспечить условия разрешения конфликтов в современных комплексных и социально-разделенных обществах. Корпоратизм привнес собой важность взаимоотношений между государством и группами, соответствующими со-

циальной организации экономического производства и вклада. Эти взаимоотношения характеризуются обменом: лидеры групп помогают создавать и даже проводить государственную политику и в ответ ожидают безопасное соглашение от проводников государственной политики, и, если необходимо, преодолевают внутреннее недовольство [1].

К настоящему периоду в международной практике накоплен богатый опыт реализации идеи социального партнерства. Принято говорить о трех его модификациях: германской (опыт социального партнерства в Австрии, Германии, Швейцарии), скандинавской (прежде всего шведская модель) и американской, иногда японской. Хотя все они имеют общую цель, направленную на социальную консолидацию, тем не менее они различаются по критериям эффективности. Для германской модели социального партнерства таковыми являются упорочение демократии, рост производительности труда, мирное развитие трудовых отношений, предотвращение социальных конфликтов. В шведской модели главным критерием выступают ее социальные результаты. В отличие от первых случаев американская и японская модели ориентированы прежде всего на темпы экономического роста.

В широком значении корпоратизм определяли по-разному: и как разновидность политической культуры или государственного устройства, и как форма организации экономики и даже особый тип общества. Однако наиболее общепринятым оказался подход, в рамках которого корпоратизм определяется как один из возможных механизмов, позволяющих ассоциациям интересов посредничать между своими членами (индивидами, семьями, фирмами, локальными сообществами, группами) и различными контрагентами (в первую очередь государственными и правительственными органами). Определяющую роль в этом процессе играют прочно укоренившиеся ассоциации с постоянным штатом, которые специализируются на выражении интересов и стремятся выявлять, продвигать и защищать их посредством влияния на публичную политику. Как определяет Ф. Шмиттер: «Когда ассоциации интересов (в особенности вся сеть таких ассоциаций) определенным образом организованы и/или когда они определенным образом участвуют в процессе принятия решений на различных уровнях государственной власти, мы можем говорить о корпоратизме» [2].

Наиболее распространенным является подход, когда социальное партнерство преимущественно рассматривается как форма

сотрудничества в области социально-трудовых отношений. Эксперты международной организации труда (МОТ) определяют суть социального партнерства (трипартизм) как механизм, посредством которого предприниматели, представители трудящихся и правительства разрабатывают комплекс согласованных и многосторонних действий для решения всех важнейших вопросов экономической и социальной политики в национальном масштабе путем поиска компромиссов [3].

Принято также выделять отличительные характеристики корпоратизма в зависимости от политического режима, поскольку он является одним из путей или способов взаимодействия заинтересованных групп и государства, будь то в рамках демократического (плюралистического), тоталитарного или авторитарного государства. В первом случае это «социетарный» корпоратизм, основанный на демократических принципах свободы ассоциаций и из самостоятельности, в двух других – «государственный», в котором, по Ф. Шмиттеру, «ограниченное число принудительных, иерархически ранжированных и функционально дифференцированных» групп монополизуют представительство общественных интересов перед государством в обмен на то, чтобы государство само отбирало их лидеров и формулировало их требования и позиции. Общим для «социетарного» и «государственного» корпоратизма, а также для его средневековой разновидности является интеграция организованных интересов и государства в единую систему разработки, принятия и реализации социально-экономических решений самого различного уровня и характера [4].

Хотя любой корпоратизм, в том числе либеральный и социетарный, несет в себе зародыши господства групповых интересов над интересами общества, тем не менее, при либеральной модели действуют эффективные противовесы эгоизму групп в виде партийно-парламентской системы, общественного мнения, средств массовой коммуникации. Совершенно иная ситуация характерна для государственного корпоратизма, особенно для социалистического его варианта. Здесь отсутствуют органически встроенные в систему противовесы. Роль подобных противовесов играет партийная идеология и партийная власть, которая стремится к полному подчинению себе интересов и диктату своей воли.

По мнению ряда авторов, можно выделить объективные и субъективные предпосылки для становления корпоратизма и социального партнерства.

1. Прежде всего – это демократия и гражданское общество.

2. Объективная потребность в последнем.

3. Сформированность, институциональная оформленность групповых интересов (союзы предпринимателей, профсоюзы и государство в Австрии; экономические союзы, палаты, союзы работодателей, а также социальное страхование с его национальным наблюдательным советом в Германии).

4. Отработанность механизмов и процедур социального диалога. К примеру, в Австрии для национализированных отраслей эта процедура определялась двусторонними соглашениями, а в ненационализированных – трехсторонними (союзы предпринимателей, профсоюзы и государство). В Германии особую роль играют тарифные соглашения. Здесь сложилась стройная система социальных гарантий, включающая 15 земельных и 48 отраслевых тарифных соглашений. Государство не вмешивается в процессы переговоров, предоставляя возможность предпринятиям действовать достаточно свободно, а наемным работникам активно бороться за свои права. В Швеции социальное партнерство социал-демократов с профсоюзами обеспечивает устранение массовой бедности и безработицы благодаря тому, что доля результатов производства выводится из-под действия рыночных принципов распределения.

5. Необходимы также организационно-правовые и политические установления государства в части регулирования интересов участников этих отношений. Ими могут быть законы о профсоюзах, об общественных объединениях, специальные законы о социальном партнерстве в социально-трудовой сфере и т.д.

В числе так называемых субъективных предпосылок становления социального партнерства также выделяется ряд условий. Прежде всего необходимо осознание участниками социального взаимодействия общности целей и потребности в социальном партнерстве, требуется сильная воля участников к достижению этих целей. Большую роль играет наличие в обществе традиций гражданского участия и партнерских отношений. Необходима готовность сторон следовать нормам, зафиксированным в документах, устанавливающих этот тип отношений. Существенным является и наличие в обществе системы эффективных санкций за нарушение норм социального партнерства. Наконец, не последнюю роль играет и наличие у участников партнерских отношений чувства от-

ветственности за принятые на себя обязательства, оговоренности условиями документа, их устанавливающего [5].

В научной литературе обычно сравнивают корпоратизм с плюрализмом. Как правило, отличия трактуются с точки зрения власти принимать решения, которую приобретают группы у государства и роль групп интересов как разделяющих ответственность партнеров в управлении и социальном руководстве. С этой перспективы корпоратизм включает не только соглашения между государством и функциональными группами, но также означает осуществление общественной политики через самих групп. Термин «посредничество» скорее чем представительство используется для разграничения его от плюрализма и для обозначения двойственного характера корпоративных организаций интересов. Подобные группы интересов не только представляют или продвигают интересы своих членов, но также подготовлены усилить элемент согласия среди своих членов с соглашениями, достигнутыми государством и, возможно, другими группами по поводу «национального» интереса.

Роль государства при корпоратизме менее пассивна, чем при плюрализме. Тем не менее размах и тип интервенционизма различается в соответствии с подтипами корпоратизма. При государственном корпоратизме представительство полностью заменяется дисциплинарной ролью и государство использует корпорации для своих целей. В социетальном корпоратизме система посредничества интересов представлена наоборот, так что легитимность государства существенно зависит от деятельности автономных интересов, которые представляют двойные функции представительства и дисциплины.

По сравнению с плюрализмом корпоратизм активнее формирует и поддерживает систему посредничества интересов и глубже заинтересован в его результатах. Корпоратистская модель также стремится инкорпорировать переменные, другие, чем социально-экономические, в расчете на формирование групп интересов, особенно влияние национального исторического опыта, вес внутренних организационных факторов в определении интересов и роль государства в структурировании отношений между интересами. В ответ на новую общественную политику группы могут организовываться для защиты своих интересов в отношениях с государством или другие группы в подобном случае организованы в ответ на государственную политику.

Несмотря на указанные качества корпоратизма, в литературе также развернулась критика некоторых его характеристик. Наибольшим образом она исходит от марксизма, с точки зрения которого корпоратизм является средством для внедрения рабочих в капиталистическую систему. По их мнению, тогда как профсоюзы жизненно важны рабочим для создания переговорной силы и коллективной воли, чтобы преодолеть слабость рынка для отдельного рабочего, бизнес-организации склонны представлять существующую власть. Капиталистические ассоциации по большому счету лишены посреднической способности профсоюзов и не контролируют своих членов таким же образом. Корпоратизм, считают они, выступает как политическая структура, призванная защитить капитал в периоды кризиса и упадка доходности.

Однако по современным представлениям корпоратизм должен оцениваться не только в терминах его вклада в экономическое представительство, но также как отличительная модель правления. Несмотря на низкую легитимность по сравнению, к примеру, с тем же плюрализмом, корпоратизм может обеспечить

новыми возможностями для политического участия и вклада в политический порядок и стабильность. Шмиттер защищает сильное позитивное взаимоотношение между социетальной корпоративской моделью посредничества интересов и управляемостью в развитых капиталистических обществах. Подобная точка зрения говорит о том, что в некоторых ситуациях корпоратизм выступает самой лучшей или, по крайней мере, стабильной политической моделью для капитализма и, возможно, доминирующей формой в будущем.

Таким образом, если суммировать признаки корпоратизма и социального партнерства, то они представляют собой не что иное, как один из важнейших регуляторов современного демократического типа общественных отношений. Они выступают перед нами в качестве социетального явления, охватывающего и пронизывающего основные сферы социальной жизни общества. За свою историю корпоратизм сформировал и продолжает формировать систему нравственных принципов и норм, регулирующих процесс взаимодействия субъектов современного дифференцированного общества, имеет и формирует собственные правовые механизмы.

Литература:

1. Roger King. The State in Modern Society. New Directions in Political Sociology. — New Jersey. 1986. — P. 119 — 120.
2. Шмиттер Ф. Неокорпоратизм // Полис. 1997. № 2. — С. 15.
3. См.: Политология. Словарь. — Екатеринбург, 1998. — С. 112.
4. Перегудов С.П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // Полис, 1994. № 2. — С. 81.
5. Модель И.М., Модель Б.С. Социальное партнерство в России // Социс, 2000. № 9. С. 43 — 45.

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сауров Е.Б.

Расширение возможностей организационных технологий как средств рационального прагматического воздействия на политические процессы в современном обществе предъявляет высокие требования к методическому инструментарию политического анализа. Поэтому проблема операционализации методик и процедур практического исследования политических механизмов становится отдельной сферой специализации в политической науке.

Политические технологии — достаточно новый объект исследования как зарубежной, так и отечественной политологии. Специфика этого раздела заключается в функциональной эффективности содержания, связанной с временными рамками исследования — ведь любой методологический прием, каким бы эффективным бы не был, сменяется следующим, более усовершенствованным и новым.

При всей актуальности проблемы технологизации политического действия и ре-

шения в настоящее время следует констатировать, с одной стороны, весьма слабую разработанность методов действительно технологического плана в отечественной прикладной политологии на научно-методологическом уровне, с другой стороны, низкую эффективность процедурных методов в деятельности организаций, обслуживающих процессы принятия и реализации политических решений: аналитических подразделений органов государственного управления, политических партий, центров политического консультирования.

Ведь прогнозно-аналитическая деятельность, поставленная на формализованную основу, — большая редкость для отечественной политологии, а редкие прецеденты воспринимаются руководителями различного ранга как излишняя «роскошь», не заслуживающая капитальных вложений.

В то же время последствия изменений в политической системе страны, вызванные конкретными действиями, позволяют без всяких преувеличений утверждать, что обладание технологиями анализа, предвидения, действия — это вопрос выживания на политическом рынке политических организаций, движений, отдельных субъектов политики.

В этих условиях фигура политического координатора методами управления приобретает решающее значение, поскольку он вынужден брать на себя функции контроля за осуществлением процесса (в данном случае, избирательного). Политтехнолог экономит время субъектов политики, освобождает их от решения массы организационных задач, возникающих в ходе подготовки и реализации концепций тактического и стратегического плана компаний. Эти концепции уникальны и неповторимы для каждой ситуации. Они не могут дублироваться из раза в раз. Задача политического технолога «адаптировать стандартный инструментальный исследования по управлению действиями политиков к конъюнктурам настоящего момента» [1].

Реальные политические процессы в современном сложноорганизованном обществе исключительно многообразны: с одной стороны, — это специфические общественные сферы, обладающие социальными границами, внутренними и внешними взаимозависимостями, отличительными признаками акторов, с другой стороны, эти властные сферы — есть совокупность конкретных методов, помогающих решить затруднения государства и других по-

литических субъектов в вопросах взаимодействия последних с объектами политического воздействия.

Совершенствование сфер управления аналитическими решениями, произошедшее за последние пятьдесят лет, вплоть до наших дней, говорит о том, что мир политики вообрал в себя множество интерактивных процедур, ранее не известных или не применяемых во властной сфере. Ярким примером может служить теория и практика коммуникации, политический PR и реклама.

В общем, современные процессы власти ориентируются на факторы, фиксирующие сложное переплетение самых разнообразных — психологических, материальных и прочих явлений, реально воздействующих на ход событий идеологического характера.

Решение конкретных проблем современной политики означает не столько понимание человеком целей и средств их достижения, сколько выработку конкретных способов их воплощения на практике, т.е. применение определенных технологий решения задач.

Технологии по-новому ставят проблему измерения политических событий, закладывают основу для специализированной деятельности по регулированию (контролю) политических явлений. Образуя особый ракурс понимания политических процессов, технологии показывают, что от принимаемых способов решения той или иной задачи может кардинально зависеть сущность этого явления. Например, массовая клевета, распространение дезинформации, отказ в представлении телеэфира представителям определенных политических сил может превратить процесс формирования органов власти из свободного выбора гражданами своих представителей в навязывание им интересов и воли кругов, контролирующих СМИ.

Политические технологии — это «совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного субъекта в определенное время и в определенном месте».

Как правило, потребность и формирование политических технологий проявляется там и тогда, где и когда имеются повторяющиеся стереотипизированные действия и при этом наличествуют вполне определенные требования к условиям и результатам данного типа деятельности. Причинами появления политических технологий стали [2]:

- необходимость более рационального и эффективного способа реализации практических целей, стоящих перед различными участниками процесса применения политической власти и управления государством;

- снижение непредсказуемости взаимодействий в сфере власти, скачкообразности процессов перераспределения государственных ресурсов, разветвляющихся в условиях непредсказуемого развития ситуации, чреватых неожиданными взрывными формами протестной социальной активности с другими форс-мажорными обстоятельствами;

- потребность в применении экономических и ресурсосберегающих способов управления государственным (корпоративным) имуществом и техническими структурами;

- необходимость придания устойчивости взаимоотношениям участников того или иного процесса, ускоряющего обучение передовым методикам действия и, в конечном счете, расширяющего возможности достижения целей большим числом субъектов в различных, но схожих условиях;

- необходимость управления объектами человеческих притязаний;

- возможность более четкого определения критических, пороговых значений того или иного процесса, за рамками которого субъекты утрачивают возможность осуществления эффективных и результативных действий по управлению ситуацией.

Технологии функционально направлены на достижение целей в соответствии с интересами функций и усилий субъектов, которые могут состоять в привлечении и экономии ресурсов, стабилизации или дестабилизации положения в государстве, организации выборов кампаний, оперативном информационном обеспечении принятия решений, согласовании интересов при выработке государственных программ и т.д.

В структуру политических технологий, как правило, входят три наиболее значимых компонента:

- специфические знания;
- конкретные приемы, процедуры и методики действий;
- технико-ресурсные компоненты.

Принципиальная роль знаний обусловлена тем, что политические технологии – есть «воплощение особых форм отражения действительности, которые направлены на нахождение средств и способов практического решения проблемы, возникшей в сфере власти и управления государством». В этом смысле

технологический уровень познания действительности не только представляет собой форму научно-прикладного политологического знания, но и выражает оценку политических проблем с точки зрения заинтересованных в их решении субъектов.

Технологическое знание в конечном счете представляет собой субъективизированную основу политической инженерии, которая занимается политическим проектированием (прогнозированием, планированием, программированием) и организацией практической деятельности институтов власти, поэтому основной ценностью для технологий является не само знание, а конкретное умение, навыки, совершения действий и достижения целей.

Содержание таких конкретных навыков и умений, которые выражаются в применении определенных приемов, процедур, техник и методик-действий, непосредственно задается конкретными целями или в конечном счете особенностями той или иной предметной сферы политики. Например, в сфере принятия решений это могут быть приемы согласования и соизмерения интересов сторон при выработке тех или иных целей государственной политики, в рамках разрешения международных конфликтов – способы поиска компромиссов между конфликтующими сторонами или воздействия на них примиряющих структур; в информационной сфере политической власти – приемы дезинформирования общественности или, напротив, борьбы против клеветнических измышлений соперников и т.д.

Конкретные приемы и способы деятельности непосредственно зависят и от наличия тех или иных кадровых структур, технического оснащения действующих лиц, наличия тех или иных ресурсов, влияющих на содержание политических технологий. Например, применение технологий информационного обеспечения государственной политики (особенно если дело касается целей, имеющих стратегическое или существенное коммерческое значение) невозможно без технических структур, призванных защищать государственную тайну; стесненный в материальных средствах избирательный штаб того или иного кандидата, как правило, вынужден отказываться, к примеру, от организации его выступлений на телевидении или применения других эффективных, но дорогостоящих технологий соперничества, которые необходимы для достижения победы на выборах; использование управленческих технологий в условиях кризисов невозможно без структур,

дублирующих принятие решений, без дополнительных ресурсов, кадрового резерва... Таким образом, наличие данных компонентов политических технологий накладывает самые существенные ограничения на способы решения задач, применение тех или иных приемов деятельности, или, напротив, может существенно увеличить эффективность последних.

Технологии встроены в самые разнообразные процессы, обеспечивающие формирование и использование политической власти на различных уровнях организации государства и социума, способствуя формированию не только универсальных, но и типических способов политических технологий.

Самые распространенные из них – функциональные [3] типы политических технологий, предполагающие рационализацию ролевых нагрузок различных субъектов управления и власти (например, принятие решений, согласование интересов, ведение переговоров, коммуницирование с общественностью) и в конечном счете, направленные на управление и контроль за этими процессами инструментальные [4] разновидности политических технологий, которые имитируют применение техник, направленных на рационализацию конкретной деятельности, а на самом деле имеют совершенно иные цели и прикрывают их. Данные технологии часто носят негативный характер.

С точки зрения областей, в которых применяются те или иные приемы достижения усилий, можно говорить о так называемых предметных технологиях (например, электро-рациональных, техниках лоббирования, компьютерных и информационных технологиях, переговорных приемах, используемых в дополнительной или военной сферах).

Понятно, что такой подход к оценке специфических свойств технологий не только позволяет зафиксировать области властного взаимодействия, которые технологизированы в наибольшей (в частности, выборы в органы власти) или в наименьшей степени. В этом смысле можно даже констатировать наличие таких политических взаимодействий, которые в принципе не могут быть подвержены какой-либо технологизации, как например, процесс неформального согласования интересов в процессе выработки решений на государственном уровне.

Этот подход помогает увидеть зоны пересечения различных технических приемов, их взаимозаменяемость при решении задач в тех или иных областях политики и государственного управления.

С названным типом технологий тесно связаны **уровневые** технологии, отражающие степень социальной организации, предметных областей. К ним можно отнести:

- глобальные, связанные, к примеру, с решением общемировых проблем – охраной природы, поддержанием национальной безопасности;

- континентально-региональные, раскрывающие специфические действия государств, а также международных организаций и институтов по решению проблем на ближневосточном, европейском, центральноазиатском или каком-либо ином регионе;

- национально-государственные, характеризующие процесс осуществления власти и государственного управления в рамках одной страны [5];

- корпоративные, отражающие властно-управленческие отношения в рамках отдельной организации;

- локальные, фиксирующие специфику деятельности отношений субъектов в ограниченных точках политического пространства.

С точки зрения характера продолжительности использования определенных способов деятельности имеет смысл выделять также следующие технологии [6].

- **стратегические** – нацеленные на отдаленный результат деятельности акторов;

- **тактические** – предполагающие реализацию краткосрочных целей;

- **спорадические** – применяемые единовременно;

- **циклические** – постоянно воспроизводимые в структуре деятельности субъекта.

Учитывая нацеленность технологий на расширение круга субъектов, способных применять сложившиеся методы деятельности при решении однотипных задач, можно говорить о **тиражируемых** (рассчитанных на повсеместное применение в аналогичных условиях, технологиях, которые, собственно, и удовлетворяют данным требованиям), а также о противоположных им – **уникальных** технологиях (представляющих собой перечень действий, применимых только в определенных, строго фиксированных условиях и не воспроизводимых даже в схожих условиях).

Первые меньше зависят от свойств реализующих их акторов и потому максимально экономят временные и материальные ресурсы при осуществлении однотипных видов деятельности.

Уникальные же технологии применимы лишь для однократного обеспечения тех или

инных целей, а нередко и лишь для строго очерченного круга акторов. Они, как правило, обходятся значительно дороже и практически полностью теряют свою эффективность при попытках перенесения даже в сходные обстоятельства.

Например, «дипломатические» технологии могут многократно использоваться в процессе ведения межгосударственных переговоров, а наиболее важные приемы и техники избирательной кампании не могут использоваться вне определенного странового или традиционного уровня – где были сконструированы (сегодня было бы бессмысленно реализовывать в России кампанию под слоганом «Голосуй сердцем! Голосуй или проиграешь», впрочем, как и в Казахстане – «Мы знаем, кого выбираем»).

Принимая во внимание разнообразие условий деятельности динамических изменений, свойств и способностей субъектов, можно выделить «жесткие», «мягкие» технологии.

Первые свидетельствуют о заданности и одновременно неизменности основных параметров применяемых субъектами приемов и способов деятельности. Очень часто такие технологии обеспечивают правовой и процедурный порядок согласования интересов между ведомствами и институтами власти, например, сохранение иерархичности в согласовании правительственных программ, визирования документов.

Противоположные технологии демонстрируют способы деятельности в менее институционализированных условиях, те ее способы и приемы, которые позволяют осуществлять гибкую адаптацию целей и ресурсов, имеющихся в распоряжении субъекта, к изменяющимся условиям. Иначе говоря, это как бы самонастраивающиеся технологии, ситуативно изменяющиеся методы действий, которые в конечном итоге расширяют опыт, необходимый для совершенствования процесса достижения целей в той или иной сфере.

И если первые можно расценивать как способы деятельности, в основном воспроизводимые структуры, функции и отношения власти, то вторые – как формирующие, достраивающие политическую систему и систему управления государством до уровня актуальных требований. Последние, по сути дела, фиксируют процесс обновления и даже перерождения технологий, их перехода к вновь формирующимся методам политической реальности.

С точки зрения степени и характера регламентации деятельности (что обладает особой ценностью для анализа переходных процессов) различают **нормативные** и **девиантные** технологии [7].

Нормативные технологии – это способы деятельности, жестко обусловленные существующим в обществе (организации) законами, нормами, традициями или обычаями.

Девиантные технологии противоположны им, это отклоняющиеся от такого рода требований и стандартов способы деятельности. К их числу относятся, например, целый спектр противоречивых закону или нормам общественной морали «черных» технологий. Как показала практика, в критических точках политического процесса, а именно во время выборов в органы высшей государственной власти, внешне- и внутриполитических кризисов, наблюдается небывалый расцвет подобного рода технологий.

Субъекты влияния и власти нередко переходят к «сливу» компромата, шантажу, утечкам информации, клевете, а в ряде случаев даже к террору, организации заговоров. Очень часто такие формы деятельности становятся источниками не только скандалов, но и кризисов, имеющих течение политического процесса, расстановку сил в обществе, влияющих на соблюдение странами международных обязательств.

Обществу и государству важно понять способы предотвращения использования таких технологий борьбы за власть, выработать соответствующие политические противоядия. Однако уже сегодня становится ясно, что в современном обществе с некоторыми приемами подобного рода бороться практически невозможно.

Близки к рассматриваемым типам технологий также явные и теневые способы достижения властно-политических и государственно-административных целей. Первый из этих типов, выраженный, к примеру, в формах диалога власти, по сути дела, играет роль своеобразной визитной карточки политического режима и сложившейся системы управления государством. Однако такого рода приемы, техники управления властью имеют сугубо демонстрационный, «выставочный» характер, ориентирующийся на коммуницирование с общественным мнением. При этом практическая связь с реальными процессами выработки государственных решений у них может быть очень слабой, а то и отсутствовать вовсе.

Теневые технологии управления властью, будучи, с практической точки зрения, подчас важнейшими и определяющими процесс применения власти и распределения государственных ресурсов, вместе с тем отличаются очень слабым уровнем технологичности, представляя собой скорее спонтанные, нежели стандартизированные способы и приемы деятельности.

Процесс формирования и функционирования технологий можно рассматривать со структурной, пространственно-временной и процессуальной точек зрения.

Первый подход предполагает выявление знаний о проблеме, поиск оптимальных техник ее решения и технического обеспечения.

Второй – выражает необходимость согласования применяемых средств с конкретными условиями места и времени, в которых решаются проблемы.

Третий – раскрывает значения и условия формирования отдельных параметров достижения целей.

В целом технологии могут разрабатываться как применительно к ограниченному числу ситуаций, так и к более распространенным. Существует два способа формирования технологий: «субъективный и аналитический» [8]. Первый основан на субъективном подходе, закладывающим в основу конструирования: практический опыт субъекта и его интуицию, симпатии, культурные стереотипы... Собственно, без таких компонентов практически никогда не дается оценка целей, не определяются пути формирования ресурсов их достижения.

Второй, аналитический, способ формирования технологий связан с использованием специальных аналитических методов и процедур, определяющих основные параметры и условия целедостижения. С содержательной точки зрения аналитический тип формирования технологий предполагает оценку и характеристику конкретных акторов, расстановку политических сил, конкретных акций...

Однако массив практического опыта не может ограничиваться сведениями, почерпнутыми у локально ограниченной ситуации. Значение, а иногда и приоритет опытного знания в деле формирования политических технологий предполагают учет универсального передового отечественного и зарубежного опыта в решении проблем политической жизни.

Политические технологии как отраслевая политическая дисциплина, ориентированная

на использование знания механизмов и тенденций развития политической сферы и на разработку на данной основе принципов и методов:

- анализа, диагностики и прогнозирования проблемно-политической ситуации;
- проектирования и селекции вариантных типовых политических решений и процедур;
- конструирования алгоритмов и технологий направленного воздействия на политический процесс.

Исходя из вышесказанного, множество разноплановых технологий и исследований можно сгруппировать по трем характеристикам.

Первое, это разработки, ориентированные по преимуществу на ситуационный анализ; диагностики и прогнозирования расстановки и соотношения сил политических акторов; подготовка и принятие политических решений; создание собственно технологий политического воздействия (мобилизация, маневрирование, манипулирование).

Второе, аналитические инструменты, методы и методики, применяемые для решения поставленных задач (инвент-анализ, контент-анализ, позиционный и ресурсный анализ).

Третье, по объектам, которые подвергаются «диагностике» (парламентское голосование, управление муниципалитетом, техника лоббирования и т.д.).

Специфика казахстанского политического процесса, определяемая в первую очередь транзитным характером общества, определяет участки приложения сил политических технологий. За год в Казахстане дважды были проведены общенациональные выборы, поэтому стратегия избирательной кампании – одно из самых интенсивно развивающихся направлений политических технологий. Особенность казахстанской политики – высокий уровень персонификации политических отношений и позиций. В силу этого в числе основных предметов политических технологий получили широкое распространение исследование и проектирование имиджа политического субъекта.

Казахстан переживает переходный период, насыщенный социальными и политическими конфликтами. Одно из наиболее актуальных направлений политических технологий – это исследование конфликтов и проектирование путей их разрешения.

Политический конфликт есть публичное столкновение социальных субъектов с противоположными интересами и целями по самым

различным поводам, начиная от личной неприязни и заканчивая соперничеством за влияние на общественную жизнь.

Проведение реформ в конфликтных условиях затруднено, так как любая социально-экономическая деятельность становится рискованной, поэтому важным направлением разработок в области политических технологий становится изучение политических рисков. Но особым современным видом являются технологии информационные.

Сегодня информационные технологии играют важную роль во всех сферах жизнедеятельности человека, прежде всего – в сфере политики. Так, одним из действенных способов повышения эффективности политической деятельности являются информационно-аналитические и информационно-прогнозные технологии, основанные на использовании компьютерных систем.

Для современной политики использование информационных исследований для отслеживания конкретных ситуаций – важнейшее направление. Сегодня, по оценкам экспертов, более «85% всех интеллектуальных разработок в политике ложится на информационно-технологические базы данных».

В связи с «информационным взрывом», который переживает наше общество, применение информационно-вычислительной техники и компьютерных технологий является одним из основных предпосылок для успешного функционирования политической системы. Их использование позволяет автоматизировать проведение политологических исследований, компьютеризировать разработку вариантов политических и управленческих исследований, моделировать вероятные последствия, разработать оптимальный и эффективный выбор тех или иных решений.

Информационное «моделирование» – одна из основных категорий теорий познания: на идее моделирования по существу базируется любой метод научного исследования – как теоретичес-

кий (при котором применяются различного рода знаковые и абстрактные модели), так и экспериментальный, использующий предметные модели». Метод моделирования универсален, он применяется для выполнения самых разных исследовательских функций, причем применяется в различных формах и видах.

В настоящее время существует огромное множество компьютерных средств, предназначенных для аккумуляции информации о политических процессах, анализа и прогнозирования развития этих процессов, планирования политической деятельности, контроля за выполнением политических решений и т.п. Их использование позволяет автоматизировать проведение политологических исследований, компьютеризировать аналитическую деятельность, разработку вариантов политических и управленческих решений, моделировать их вероятные последствия. Привнесение подобных средств в политическую и консультативную деятельность позволяет говорить о существовании особого вида технологий, использование которых значительно повышает эффективность практических разработок.

Особым видом технологий являются технологии информационные. В примитивном виде такого рода технологии появились одновременно с цивилизацией, однако свое современное значение они приобрели лишь по мере развития и внедрения электронной вычислительной техники и высокоскоростных средств связи. Сегодня информационные технологии играют важнейшую роль во всех сферах жизнедеятельности человека, прежде всего – в сфере политики (не случайно стал расхожим афоризм «информация есть власть»).

Наиболее действенными способами повышения эффективности в политических процессах считаются информационно-аналитические и информационно-прогнозные технологии, основанные на использовании компьютерных систем, которые наиболее действенны для избирательных кампаний.

Литература:

1. Подкозлова И.А. Проблемы дефиниций и оценки феномена политической технотехники // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. 1996. № 5. – С. 19.
2. Там же. – С. 23.
3. Ахрименко А.С. Сценарийтехника в аналитическом обеспечении процедуры принятия политических решений // Вестник Моск. ун-та. Сер. Политические науки. 1997. № 5. – С. 93.
4. Амелин В.Н. Опыт развития прикладной политологии // Полис. 1998. № 5. – С. 157.
5. Яковлев И.Г. Информационно-аналитические технологии в сфере политического анализа // Полис. 1999. № 1. – С. 179.
6. Муркин С. Как провести предвыборную кампанию // Свободная мысль. 1996. № 4. – С. 16.
7. Клямкин И.М. Политическая социология переходного периода // Полис. 1993. № 4. – С. 17.
8. Там же. – С. 18.

Dr. Carol R. Saivetz. Putin's Caspian Policy. - Harvard University. Caspian Studies Program Policy Brief, # 1. October 2000.

Публикация кратких аналитических работ Программы по Каспийским исследованиям, предпринятая Гарвардским Университетом (США), является весьма своевременной и необходимой.

Вопросы, связанные с выработкой соглашений по Каспийскому морю, с сотрудничеством прикаспийских государств и иных заинтересованных стран, всегда вызывали повышенный интерес. Однако в настоящее время так называемое «Каспийское направление» политики различных государств получает иное звучание, что во многом связано с происходящим изменением геополитического расклада сил в данном регионе.

В последнее время наблюдается все больший интерес к региону со стороны России и Ирана. Российский и иранский факторы, становясь определяющими, во многом будут оказывать влияние на политику прикаспийских государств, включая Казахстан, и общий геополитический фон в регионе.

В этом отношении работа д-ра Кэрол Сайвитц, посвященная анализу политики России в Каспийском регионе, представляется как никогда актуальной и значимой. В своем исследовании автор предпринял успешную попытку дать ответ на вопросы о причинах выбора В.В.Путиным каспийской политики в качестве приоритетного направления, о конкретных шагах России в «Каспийском вопросе» и ответных действиях США.

На основании конкретных фактов и событийного ряда российской политической и экономической жизни 2000 года К. Сайвитц делает вывод о том, что, официально зафиксировав в новой внешнеполитической концепции свое стремление превратить бассейн Каспийского моря в зону мира, стабильности, Россия преследует цель продвижения экономических интересов и, самое главное, – укрепления своего геополитического влияния.

В этой связи автором анализируются возможные действия США в ответ на усиливающееся положение России в регионе. В частности, заслуживает внимания тезис автора о возможности учета иранского направления транспортировки углеводородов.

Данный тезис исследователя косвенным образом свидетельствует о важности иран-

ского фактора в регионе. Политика Тегерана в «Каспийском вопросе» в настоящее время претерпевает значительную трансформацию в сторону необходимости усиления своего присутствия, что подразумевает не только все большую заинтересованность, но и непосредственную вовлеченность Ирана в процесс выработки окончательных соглашений по правовому статусу Каспийского моря и по вопросам транспортировки нефти и газа из данного региона.

Согласие Ирана участвовать в группе экспертов по Каспию, визит президента С.М.Хатами в Россию в марте этого года – все это свидетельствует о стремлении Ирана активизировать каспийскую политику, а вместе с тем – усилить свое присутствие в регионе.

Принимая во внимание аналогичное стремление России, становится очевидным, что сближение позиций России и Ирана в данном вопросе свидетельствует не только об углублении двустороннего сотрудничества, но и о начинающемся изменении расклада сил в Каспийском регионе в целом.

Данное изменение побуждает Казахстан и другие прикаспийские страны к корректировке своих позиций прежде всего по отношению к Ирану, а западные страны и США – по вопросам своего геополитического присутствия, выбора транспортных маршрутов. Не исключено, что уже в ближайшем будущем мы можем стать свидетелями того, как страны Запада и США озвучат новые положения своей политики в Каспийском регионе.

Таким образом, с учетом изменяющегося геополитического фона в Каспийском регионе особо актуальным представляется изучение таких проблем, как:

- Иранский фактор в Каспийском регионе.
- Взаимоотношения США и Ирана в ближайшей перспективе.

В заключение хотелось бы отметить, что серия публикаций, предпринятая Программой по Каспийским исследованиям Гарвардского Университета, является важным проектом, который позволит глубже понять общий контекст геополитических изменений, происходящих сегодня в Каспийском регионе.

Л.Г. Ерекешева

ИНСТИТУТУ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИКИ И ТОРГОВЛИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН - 40 лет

От имени Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК сердечно поздравляю коллектив Института экономических исследований Министерства экономики и торговли РК с юбилейной датой – сорокалетием со дня основания. Очень символично, что Ваш славный юбилей приходится на год десятилетия независимости Казахстана, подлинный суверенитет которого немыслим без конкурентоспособной, сильной экономики.

За 40 лет своего существования Институт экономических исследований внес значительный вклад в создание и разработку научно-экономической базы Казахстана: научно-методическое обеспечение и практическую разработку Генеральной схемы развития и размещения производительных сил Казахской ССР, отраслей народного хозяйства и промышленности, Комплексной программы «Интенсификация – 90» и целого ряда других документов, во многом определивших пути развития казахстанской экономики.

Институтом, начиная с 1961 г., осуществлялось экономическое обоснование строительства в республике практически всех крупных промышленных объектов, составляющих сегодня основу индустрии республики. Несомненна роль Института в обеспечении комплексного развития отдельных регионов страны – Павлодар-Экибастузского, Карагандинско-Темиртауского, Каратау-Джамбулского и Мангышлакского ТПК, городов Алматы, Шымкента, Усть-Каменогорска, Караганды.

В настоящее время Институт активно участвует в разработке и реализации программ перехода к рыночной экономике. В вашем Институте выращены высококвалифицированные специалисты, которые работали и работают практически во всех правительственных учреждениях: Е. Асанбаев, В. Соболев, Е. Утембаев, Ж. Ертлесова, М. Есенбаев, З. Какимжанов, Т. Кулибаев, Б. Изтлеуов и другие.

Основанный Вашим институтом экономический журнал «АльПари» снискал широкую известность, благодаря высокому профессиональному уровню авторов и актуальности представляемых материалов.

От всего сердца желаем всем вашим сотрудникам новых творческих успехов во имя и на благо отечественной экономической науки.

М.С. Ашимбаев
Директор Казахстанского
института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

SUMMARY

Article: «The role of public institutions in the realisation of the President's message to people of Kazakhstan «Towards free, effective and secure society»

Author: **A.C. Tereschenko**, acting as a chairman of the Republican political party «Otan».

The author focuses his attention upon the unsatisfactory state of propaganda at the national level. With regards to this point, explanation and propaganda of speeches of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev take an important place in ideological work. The article includes an analysis of the present activity of the party «Otan» on such issues as ideological work, conduct of scientific-practical conferences on various urgent problems, dealing with the youth and others.

Article: «To the Question of the Main Models of the Political Transit»

Author: **M. S. Ashimbayev**, Head, Analytical Center of the Security Council of Kazakhstan; Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.

Since the construction of the democratic state is absolutely new phenomenon in the history of Kazakhstan, the experience of the world should be taken into consideration, but not copied. The political reforms taken place in Kazakhstan during end of 80s – beginning of 90s were caused by the external factors, whereas today the internal factors are becoming to play more influential role. In order to form one's own model of political transformations, it is necessary to consider a mentality of the population, existing traditions, geopolitical, economic and socio-cultural features of the state.

Article: «Social and political security of state: trends and prognosis»

Author: **G.T. Telebayev**, Chief of the department of internal policy of the Ministry of culture, information and public consent, Ph.D. in Philosophy.

The political situation in Kazakhstan in 2000 was characterized as a whole by stabilization of 'post-elections' mood, political activity decline. The protests were mainly of socio-economic character and at the local level. If stability is preserved at the microeconomic level, tensions in social sphere will be low. The probability of breakout of ethnic conflicts in the country is also low. The greatest threat to state security is deterioration of situation in Central Asia at the regional level.

Article: «Space complex «Bayconur»: present situations and problems»

Author: **S.A. Bisembayev**, head of cosmodrome «Baikonur» management department of the Aerospace committee of the Republic of Kazakhstan.

In his article the author examines issues of creation and structure of the Aerospace committee of the Ministry of Economy and Mineral Resources of the Republic of Kazakhstan, as well as of land-based space infrastructure of cosmodrome «Baikonur». Particular attention is paid to control functions of the aerospace committee over exploitation conditions and safety of complex's objects. The author makes suggestions how to improve an activity of the committee, which deals with the aerospace branch.

Article: «Development of mining and metallurgical complex as a part of the industrial strategy of Kazakhstan»

Author: **A. R. Tsekhevoy**, a member of the Political Council of «Otan» party, Head of the department of the Kazakh National Technical University, Professor, Academician of International Academy of Informatics.

The article contains an analysis of contemporary state of mining and metallurgical complex (MMC) of Kazakhstan. Main problems of MMC have been examined: a shortage of investments, needed for exploitation of new deposits; negative processes in the sphere of scientific and planning maintenance of MMC; insufficient exploitation of small and medium-size deposits of mineral resources. The author suggests two ways to optimize an activity of MMC. The first way is an implementation of the Development program for MMC, elaborated by the government of the Republic of Kazakhstan. Second, the author suggests pushing the optimization process through the attraction of international associations such as the Central Asian Mining Union, International Academy of Informatics, and Academy of Engineering.

Article: «The Foreign Policy of Kazakhstan and the Security Problems in the Central Asia»

Author: **B. K. Sultanov**, Advisor to the Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Kandidat of Historical Science, Docent.

The article looks at the threats to the security of the Central Asian states and, especially Kazakhstan, through the prism of the globalization of the international relations. The preventive measures, which Kazakhstan undertakes to neutralize the threats are described in the article. It is noted that Kazakhstan is the author of many political initiatives, in particular of establishment of the single anti-terrorist center, the main task of which is to coordinate the efforts of the CIS states to fight against terrorism, political and religious extremism, transnational organized crime, and other threats to the security and stability. In general, the positive evaluation of the international cooperation on security problems in the Central Asia at the present time is given.

Article: «Internal and external factors of political extremism in Central Asia»

Author: **D. A. Satpayev**, a Deputy Director of the Central Asian Agency of Political Researches.

The author raises the problem of political extremism, describing it as a radical form of political behaviour. According to the author, internal factors, nourishing political extremism are socio-economic crisis, unilateral concentration of political power and increasing of regional separatism. The number of external factors includes the location of the Central Asian countries near extremely unstable regions, interstate contradictions among the region's countries and presence of some states' interests to destabilise internal political systems. In conclusion the author made an analysis of possibilities to destroy extremism and suggested practical recommendations.

Article: «Electivity broadening and improvement of electoral legislation»

Author: **M. S. Mashan**, Vice-president of the IRK, Candidate in Political Sciences.

The process of political transformation in Kazakhstan has found expression in modernization of interaction process between political system and environment. According to systemic approach, political parties and electoral system perform functions of bringing in demands and support in a political system, and also maintenance of continuous functioning feedback circuit. However at present time due to the underdevelopment of a party system, channels of communication between parties and environment, the party system does not effectively inform political system about a state of environment. Therefore in order to increase the potential for adaptation of political system further modernization of norms and machinery of electoral system is needed. This modernization means institutionalization of norms and machinery, development of structural differentiation and rationalization.

Article: «Representative democracy in modern conditions of Kazakhstan»

Author: **E. S. Makashev**, Research Fellow of the department of internal policy at the Kazakhstan institute of strategic research.

The article considers main mechanisms of interaction and mutual influence of institutions of direct democracy and representative democracy. The author concludes that the construction of a ramified system of representative democracy on the basis of a strong party system is the main channel to the ordered representation of interests of different segments of society.

Article: «About some aspects of polarization of society in Kazakhstan»

Author: **G. M. Matayev**, Senior expert economic security department of the Security Council of the Republic of Kazakhstan.

The article considers such phenomena as social equilibrium, and it also deals with related problems of polarization of society in Kazakhstan. Criterion of analysis is income level of population. The article shows that population is unable to adapt to new conditions. And consequently there is a tendency toward weakening of middle class and its transformation into poor class. But this part of population has nevertheless a number of advantages, in particular high level of education and qualification. Author argues that if appropriate legal and economic conditions are created, representatives of these social groups will soon turn into category of «middle class».

Article: «Socio-cultural sphere as an important factor of the country's national security»

Author: **C. Z. Baymagambetov**, chief inspector of the Chancellery of the Prime Minister of the Republic of Kazakhstan, candidate in History.

The author examines problems of development of socio-cultural sphere in Kazakhstan and defines most important tasks of social and cultural policy. Causes of deterioration of many social indicators were also scrupulously examined. There was made a conclusion that increasing of the degree of national security demands a concentration on the solution of domestic (in particular, social) problems.

Article: «Xinjiang yesterday and today»

Author: **K. L. Syroezhkin**, Ph.D. in Political Science, professor.

In his article, well-known and authoritative kazakhstani sinologist Konstantin Syroezhkin tried to reveal in details the dynamics of 45 years development of Xinjiang as one of the autonomous regions of PRC. The author gives readers a notion about the character and scales of ethnic, socio-economic, political changes, which have taken place in Xinjiang-Uighur autonomous region.

Article: «European Union as a New Geopolitical Power: the Problems of European and International Security»

Author: **M. T. Laumulin**, a First Secretary of the Embassy of the Republic of Kazakhstan to Germany, Candidate in History.

The article analyses the issue of formulating the EU's new Unified External and Defense Policy. In this context the author covers such related to this problem questions as the reforming and modernization of Bundesver in Germany as a largest country-contributor to EU military force; the NATO-EU military cooperation including the different approaches of Germany and France towards the role of NATO in Europe; different strategic priorities of EU and USA. The author concludes that in spite of some obstacles there is a decision to put into practice the implementation of the process of creating European Unified External and Defense Policy.

Article: «The challenges of globalization and international development at the beginning of the 21 century»

Author: **D.T. Tasmagambetova**, a probationer of the University of Richmond (London).

The article analyses the main tendencies of the existing world order, the meaning of the process of globalization for different countries such as a Kazakhstan and international organizations like United Nations Organizations. One of the main tasks standing before the world community nowadays is to react effectively to the changes in the system of international relations. In this context the author covers the case of Kazakhstan that tries to adopt the experience of different civilizations and at the same time – to elaborate its own model of developing. Besides, author reveals the great potential of UN and the necessity to answer the challenges of globalization by this organization.

Article: «The international cooperation and the issues of the nuclear safety supply and the radiation protection»

Author: **D.K. Nurpeissov**, the senior research fellow of the Kazakhstan institute of strategic researches under the President of the Republic of Kazakhstan PhD.

In the modern conditions, when the development of the nuclear power gets more and more expansive, and the number of states implement and plan the construction of nuclear power objects, are steadily increase; the supply of the nuclear safety and the radiation protection goes over the limits of the separate states and gains new, international nature. To solve these complex questions is possible only in conditions of close interaction among the state bodies and international organizations engaged in problems concerning the nuclear and radiation safety. Acuteness of such global problems, as the threat of nuclear incidents, the ecological accidents, increase of number of fatal illnesses and have caused much another necessity of the co-ordination of interests of one state with regional and common human by interests. In this connection, international co-operation and integration are indispensable conditions of the further progress of mankind. At the same time not reducing meaning of multilateral co-operation and activity of the international organizations, it is necessary nevertheless to note, that the main role in the decision of ecological problems, including problem of nuclear power, in the present period belongs to the separate states, from whose wish and responsibility the destiny of the planet depends.

Article: «To the Question of the Methodological Study of the Political System of a Transforming Society»

Author: **S. A. Dyachenko**, a deputy of the Mazhilis of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.

A detailed exposition of the questions of the methodological study of the political system of a transforming society is given. The author tries to comprehend opportunities for political renovation and reformation of the political system on the examples of Kazakhstan and other transitional states. A detailed review of the concepts of transforming models and civilized classifications is made.

Article: «The concept of marginality: methodological approaches and theoretical interpretations»
Author: **A.A. Amirova**, a post-graduate student of the Institute of Philosophy and Political Science of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

The author reveals the meaning of marginality. Marginal people are those, who are in periphery in terms of their position towards social or cultural world. With regards to this point of view, two types of marginality, such as cultural and structural, may be distinguished and get urgent. One of the most important characteristics of marginality is incompleteness of the process of transition from one social structure to another one. The issue of ways of «demarginalisation» has been raised. Accordingly, the process of demarginalisation has been examined as an aggregate of restoring

measures with regards to all kinds of social ties, complication of which gives back steadiness to social aspect.

Article: «The History and Theory of Social Partnership and Corporatism»

Author: **A. D. Zhusupova**, Instructor at the Kazakh State Academy of Management.

The article analyzes the phenomenon of social partnership and corporatism, objective and subjective preconditions of their origin, forms of their display at the present time. The author looks at three models of social partnership: German, Scandinavian, and American (Japanese). Besides, the article provides a comparative analyzes of corporatism and pluralism, as well as of «sotciarnogo» (societal) corporatism and «gosudarstvennogo» (state) corporatism.

Article: «Concept and major forms of electoral technologies»

Author: **E.B. Saliev**, Head of the department of reforms propaganda at the Ministry of culture, information and public consent of the Republic of Kazakhstan.

The article presents an attempt of scientific analysis and making typology of a broad expanse of modern political technologies. The article in particular draws attention to the research of structural, time-space and legal sides of existing technologies and their methodological specific character. This article gives a synthesized idea about processes of formation and operation of political technologies, further research and application of which, according to author, would provide successful and effective implementation of state policy of Kazakhstan.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (WORD, EXCEL).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку, Автор (Ф. И. О.), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных [] скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах): Фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Журнал Казахстан – Спектр
№ 1 (15), 2001

1. Амирова Анара Анарбековна – аспирант Института философии и политологии МОН РК
2. Ашимбаев Маулен Сагатханович – заведующий Аналитическим центром Совета безопасности РК, директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК
3. Баймагамбетов Сеил Зейнелович – главный инспектор Канцелярии Премьер-Министра РК, кандидат исторических наук
4. Бисембаев Сергожа Асанхан улы – начальник отдела Управления космодрома “Байконур” Аэрокосмического комитета МЭ и МР Республики Казахстан
5. Дьяченко Сергей Александрович – депутат Мажилиса Парламента РК, кандидат политических наук
6. Ерекешева Лаура Гибратовна – ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат исторических наук
7. Жусупова Алма Даулетбековна – преподаватель Казахской государственной академии управления
8. Лаумулин Мурат Турарович – первый секретарь посольства Республики Казахстан в Федеративной республике Германия, кандидат исторических наук
9. Макашев Ербол Станович – научный сотрудник отдела внутренней политики Казахстанского института стратегических исследований
10. Матаев Габит Мустафаевич – главный эксперт отдела по вопросам экономической безопасности Совета Безопасности РК
11. Машан Меиржан Серикулы – вице-президент Института развития Казахстана, кандидат политических наук
12. Нурпеисов Дархан Кадырбаевич – старший научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат юридических наук
13. Саиров Ерлан Бияхметович – начальник отдела пропаганды реформ Министерства культуры, информации и общественного согласия РК
14. Сатпаев Досым Асылбекович – заместитель директора Центральноазиатского агентства политических исследований, кандидат политических наук
15. Султанов Булат Клычбаевич – советник директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат исторических наук, доцент
16. Сыроежкин Константин Львович – журнал «Континент», доктор политических наук, профессор
17. Тасмагамбетова Д.Т. – стажер Ричмондского университета (г. Лондон)
18. Телебаев Газиз Турысбекович – директор Департамента внутренней политики Министерства культуры, информации и общественного согласия РК, доктор философских наук
19. Терещенко Сергей Александрович – и.о. председателя Республиканской политической партии «Отан»
20. Цеховой Алексей Филиппович – член политсовета партии «Отан», зав. кафедрой КазНТУ, доктор технических наук, профессор, академик МАИН

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (КИСИ)

КИСИ создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. За это время Институт приобрел общественное признание, зарекомендовав себя в качестве одного из ведущих научно-исследовательских и аналитических центров страны.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КИСИ

1. Стратегические аспекты внешней политики:

- мониторинг внутривосточного и социально-экономического развития сопредельных стран;
- анализ двусторонних отношений Казахстана с Россией, Китаем, США, Турцией, странами ЕС, государствами СНГ;
- исследование проблем интеграции на постсоветском пространстве;
- изучение вопросов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2. Общественно-политические и социальные процессы в современном Казахстане:

- мониторинг общественно-политической ситуации в Республике Казахстан;
- анализ этнодемографической ситуации и миграционных процессов в Казахстане;
- исследование процессов демократизации и становления политических институтов в стране.

3. Экономическая безопасность:

- исследование проблем экономической безопасности;
- изучение тенденций развития мировой экономики и анализ их влияния на экономику Казахстана;
- исследование проблем участия Казахстана в международном экономическом сотрудничестве;
- социально-экономический мониторинг Республики Казахстан.

ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИСИ

Институт проводит фундаментальные исследования по стратегическим проблемам внешней и внутренней политики, социально-экономического развития Казахстана, готовит материалы прогнозно-аналитического характера для руководства страны.

Институт выпускает два периодических издания: ежеквартальный научный журнал «Казахстан-Спектр» и информационно-аналитический журнал «Analytic», в которых освещаются проблемы внешней и внутренней политики, международных отношений, национальной безопасности, социальной и экономической политики Республики Казахстан.

КИСИ открыл свой информационно-аналитический веб-сайт в Интернет – www.kisi.kz.

Институт проводит семинары, конференции, круглые столы, международные форумы по основным направлениям своих исследований.

КИСИ сотрудничает с зарубежными научными и аналитическими структурами, осуществляет международные исследовательские проекты по различным проблемам развития Казахстана и Центральной Азии.